

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМ. І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

**ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ**

Випуск 9

ОДЕСА
2001

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І.І. МЕЧНИКОВА

ББК 81.2
3 32
УДК 802/806

Збірник є фаховим виданням і вміщує статті з питань романо-германської філології і викладання іноземних мов.

Редакційна колегія:

проф. Колегаєва І.М.

(головний редактор),

к.ф.н. Калінюк О.О.

(відповідальний секретар),

проф. Бровченко Т.О.,

проф. Корсаков А.К.,

проф. Кухаренко В.А.,

проф. Таранець В.Г.,

доц. Голубенко Л.М.,

доц. Костильова Е.І.,

доц. Шишков В.В.

*Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології ОНУ*

3 $\frac{46020201002-81}{7553-2001}$

ISBN 966-7553-72-8

© ЛАТСТАР, 2001

ПЕРЕДМОВА

Дев'ятий випуск „Записок з романо-германської філології” включає наукові дослідження, виконані у вищих учбових закладах різних міст України, і в першу чергу Одеси, зокрема в Одеському національному університеті ім. І.І.Мечникова.

Увагу науковців привертають проблеми мови, мовлення, стильові і жанрові диференціації текстів в діахронічному та синхронічному аспектах. Питання методики та методології вивчення іноземних мов та їх викладання досліджуються у публікаціях, що зібрані в цій книжці. Структурні та функціональні особливості мовних одиниць розглядаються на матеріалі англійської, французької, німецької, грецької, російської та української мов, у метях як монографічного, так і співставного аналізу.

„Записки з романо-германської філології” ^ивідаються за рішенням Ради факультету РГФ Одеського національного університету ім. І.І.Мечникова. Постанова Президії ВАК України за № 3-05/II від 10.11.99 включає цей збірник наукових праць до переліку № 3 фахових видань, в яких дозволяється публікувати результати дисертаційних досліджень.

Запрошуємо до співробітництва і обміну думками щодо проблем, про які йдеться в статтях. Якщо ви зацікавлені в публікації наукових досліджень у галузі германської або романської філології, звертайтеся за інформацією до головного редактора збірника *проф. Колегаєвої Ірини Михайлівни*.

Координати головного редактора:

- телефон: (0482) 21-87-60;
- адреса: 65058, м. Одеса, Французький бульвар, 24/26

Одеський національний університет
факультет РГФ, кімната 109

Бигунова Н.А.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАРРАТИВА В СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Нарратив – рассказ о событии – является важной частью ежедневного общения [13].

В данной работе сделана попытка определить интонационный инвариант нарратива (повествования) в неподготовленной английской речи.

Как композиционное образование текст-нарратив традиционно разбивается на следующие составляющие: резюме, ориентировку, развитие действия, результат, оценку и коду [11; 15].

Вступительной частью повествования служит *резюме* – краткое (1-2 предложения) содержание истории. За ним следует *ориентировка* – обозначение времени, места, действующих лиц, описание ситуации. Базисными компонентами являются *развитие действия и результат*. *Развитие действия* начинается с первого предложения, содержащего глаголы движения, а *результат* включает последние предложения такого рода. Как правило, в этих составляющих имеют место вкрапления *оценки*: рассказчик выражает свое отношение к событиям, к поведению персонажей. И завершает нарратив *кода*, функцией которой является возвращение слушателей к моменту речи, обычно фразой типа “Вот как это было”.

Такова структура *идеального нарратива*. Однако, как показывают последние исследования [10; 13], в зависимости от экст-

ралингвистической ситуации эта структура может варьироваться. К примеру, рассказ может возникнуть как ответ на вопрос или упрек, результатом чего будет отсутствие вступления (*резюме*). Если слушатели знакомы с речевой ситуацией, рассказчик обойдется без *ориентировки*. Кроме того, если говорящему важно впечатлить слушателей, поделиться своими переживаниями, вызвать сочувствие, *оценочные* средства займут больший объем, чем непосредственно *развитие действия* – и возникнет *описательный нарратив* или *нарратив–рассуждение*.

Таким образом, можно говорить о разновидностях нарратива в зависимости от набора и объема его составляющих.

В соответствии с целью исследования и для корректного представления материала были взяты 9 текстов примерно одинаковой протяженности. Наибольшее количество слов было 1155, наименьшее – 558. Остальные тексты включали от 700 до 800 слов. В содержательном плане тексты представляли собой нарративы на бытовую тему (рассказ о неудачном отдыхе на лыжном курорте, забавный случай на стройке, история о женщине-воровке и т.д.), рассказанные 4 мужчинами и 5 женщинами в непринужденной обстановке.

Прежде всего, была изучена представленность составляющих нарратива. В текстах присутствовали все вышеупомянутые компоненты, за исключением *коды* в 6 текстах и *резюме* в 1 тексте. В среднем, объем предложений, входящих в состав *резюме*, составил 1,6%, *ориентировки* – 12,7%, *развития действия* – 60,5%, *результата* – 7,4%, *оценки* – 17% и *коды* – 0,8%. Самый большой массив (70%) образовали базисные компоненты нарратива (*развитие действия* и *результат*). Таким образом, исследованные тексты можно считать *идеальными нарративами*.

Общеизвестно, что инвариантной чертой нарратива является изображение событий во временной и пространственной плоскости [1]. Концепты времени и пространства реализуются

в звучащей речи синхронно на всех уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом [4; 14].

На лексическом уровне инвариантным признаком нарратива является наличие глаголов акциональной и статуально-динамической семантики, т.е. глаголов конкретного физического действия, движения, изменения положения, изменения состояния, речемыслительного действия, а также употребление обстоятельств времени и места [6; 7].

В исследованном материале глаголы физического действия и изменения состояния, положения составили более 60%, а оставшиеся 33% пришлось на глаголы речемыслительного действия, модальные глаголы составили 4%, прочих глаголов выявлено 3% (табл. 1).

Таблица 1

Семантика глаголов в нарративе

Глаголы	№ текста									в 9 текстах
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Всего глаголов	131	141	158	155	118	210	143	155	143	1354
Глаголов физического действия	85 65%	87 62%	91 58%	82 53%	96 80%	99 47%	71 50%	94 60%	91 64%	796 60%
Речемыслительных глаголов	39 30%	49 35%	46 29%	45 29%	16 13%	93 44%	62 43%	54 34%	45 31%	449 33%
Модальных глаголов	3 2%	4 3%	8 5%	7 4,5%	8 7%	5 2,4%	3 2%	10 5,5%	8 5,6%	57 4%
Прочих	4 3%	1 0,3%	13 8%	21 13%	0 0%	13 6,6%	7 5%	2 0,5%	1 0,6%	52 3%

Обстоятельства времени и места составили в исследованных текстах 71% из всего количества обстоятельств (табл. 2).

Таблица 2
Виды обстоятельств в нарративе

№ текста \ Виды обстоятельств	1	2	3	4	5	6	7	8	9	в 9 текстах
Всего обстоятельств	48	66	68	85	91	76	64	112	66	676
Обстоятельств времени	19 40%	5 8%	27 40%	15 18%	20 22%	30 40%	30 47%	19 17%	12 18%	177 26%
Обстоятельств места	11 23%	52 79%	26 38%	41 48%	34 37%	26 34%	24 38%	50 45%	39 60%	303 45%
Обстоятельств цели	6 12,5%	0 0%	3 4,4%	7 8%	3 3%	0 0%	1 2%	3 3%	3 4,5%	26 4%
Обстоятельств образа действия	1 2%	4 6%	2 3%	6 7%	17 19%	3 4%	1 4%	16 14%	2 3%	52 7%
Обстоятельств степени	10 21%	1 2%	5 7%	14 17%	12 13%	12 16%	3 5%	22 20%	7 10%	26 12,5%
Прочие	2 2%	1 6%	4 3%	5 2%	2 5,5%	5 6%	5 4%	5 1%	2 4,5%	392 5,5%

На морфологическом уровне инвариантным было употребление простого прошедшего времени.

Для нарратива необходимо поступательное движение действия [2; 3], поэтому основой повествования является соответствие порядка следования предикатных структур порядку совершения действий во времени. Данная закономерность нашла свое отражение в синтаксической структуре исследованных текстов (табл.3).

Исследование полных предложений показало, что простые предложения составили 30%, сложносочиненные – 17-28%, а сложноподчиненные – 42-53%. Большинство придаточных предложений образовали дополнительные – 44%, 19% составили определительные предложения, 13% – причинные и несколько меньше – 11% – времени. Однако следует отметить, что предложения, входящие в состав *развития действия* и *результата*, имели, тем не менее, темпоральный характер вне зависимости от их типа. В простых предложениях конструкции с однород-

Таблица 3
Синтаксическая структура исследованных текстов

№ текста \ Тип предложения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего	
Простые	33,6	26,7	31,2	21,2	33	33	29,5	30	36	30	
Сложносочиненные	25	30	24,5	23,8	23	17	13,5	28	22,5	24	
Сложноподчиненные	41,4	43	44,2	55	44	50	57	42	41,5	46	
Тип сложноподчиненного предложения	Дополнительные	25	75	38,2	45,5	36	62	51	8,6	54	44
	Определительные	17,6	13	26,4	15,5	16	14,7	9,3	37,5	25	19,3
	Времени	7,5	6,6	11,8	18,5	8	8,5	16	20,6	0	11
	Причины	21	3,4	11,8	6,6	28	10,6	13,5	16,6	8,5	13
	Следствия	17,6	0	11,8	6,6	8	0	4,6	0	4	6
	Предикативные	0	3,4	0	4,5	4	0	2,3	2,2	8,5	2,7
	Условия	7,5	0	0	2,2	0	4,2	2,3	12,5	0	3,5
	Уступки	3,8	0	0	0	0	0	0	0	0	0,5

ным сказуемым обеспечивали таксисное значение разновременности; в сложносочиненных предложениях то же значение обеспечивалось их цепной связью. Концепт времени в придаточных дополнительных выражается на лексическом уровне за счет союзов “when, where”, обстоятельств времени и места, семантики глаголов речемыслительного класса, имплицитующих планирование дальнейших действий, а также на грамматическом уровне за счет прошедшего времени совершенного вида, выражающего предшествование.

Рабочей гипотезой данной работы является следующее: если текст имеет интонационный инвариант, то логично предположить, что каждая из его частей также имеет свое интонационное инвариантное оформление. Поэтому задачей, которая решалась в данной работе, была следующая – определить, как реализуются в каждом компоненте повествования интонационные показатели: высота тона, мелодия, ритм и темп.

Перцептивный анализ 9 текстов-нарративов проводился по традиционной схеме, которая предлагается, к примеру, в одном из последних изданий учебника по фонетике [12; 184-192].

В соответствии с интонационными показателями тексты были разделены на фразы, а затем на синтагмы. Количество последних во фразе было различным: от 1 до 24.

Деление на интонационные группы не всегда совпадало с синтаксическим членением.

Ударение централизованное, во фразах наблюдается значительный контраст между выделенными и невыделенными единицами. Нестабильный, чередующийся характер фразового ритма обусловлен большим количеством пауз hesitation, значимых пауз, ложным началом фраз, многочисленными повторами (особенно вводных слов), самоисправлениями, уточнениями, а также вовлечениями слушателей в разговор.

Отмечено также большое количество логических и эмфатических ударений. Последние сопровождались расширением диапазона голоса, усилением громкости и снижением темпа. В целом, громкость в исследованном материале не была стабильной и определялась, прежде всего, индивидуальными особенностями голоса говорящих.

Спонтанный характер речи, при котором обдумывание происходит "на ходу", обусловил также нестабильность темпа. Ускорение/замедление темпа наряду с повышением/уменьшением громкости сделали речь рассказчиков подвижной и выразительной.

Длительность пауз не зависела от их вида. Временами внутрисинтагменные паузы были длиннее межфразовых, что мало вероятно в подготовленной речи.

В плане мелодического оформления повествования инвариантным признаком оказалась, прежде всего, высота первого ударного слога. Её высокий уровень свидетельствовал, во-первых, о наступлении нового этапа в развитии событий; во-вторых, подъем голоса на первом ударном слоге подчеркивал важность выделенной таким образом лексической единицы. Кроме того, важнейшим феноменом высоты тона следует признать

ее свойство сигнализировать об изменениях состояния говорящего: к примеру, переход из состояния спокойствия к эмоциональному возбуждению, возмущению, восторгу, – неизменно сопровождался расширением диапазона на первом ударном слоге. И, наоборот, низкая или средняя высота тона была присуща фразам уточняющего, дополняющего характера.

Таблица 4

Уровень высоты тона в спонтанном нарративе

№ текста \ Количество синтагм	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Всего в %
С высоким уровнем высоты тона	77	85	35	73	84	87	80	105	42	44 %
Со средним уровнем высоты тона	63	46	70	68	65	79	62	55	56	37 %
С низким уровнем высоты тона	26	14	67	21	32	51	17	24	46	19 %

В общем, как видно из таблицы 4, в исследованных текстах уровень высоты тона был высоким в 44% синтагм, средним – в 37% и низким в 19% синтагм.

Главным ритмическим средством спонтанного текста – нарратива является финальный терминальный тон (табл.3). Низкое, среднее и высокое падение использовались в равной степени – по 30% (табл. 5). Реже в качестве финальных выступали нисходяще-восходящий (5,4%) и восходяще-нисходящий (4,6%) тоны. В нефинальных синтагмах наряду с нисходящими тонами (в сумме 50%) употреблялись также восходящие (10,7%) и ровные (8%) тоны разного диапазона. Чаще других (25%) использовался нисходяще-восходящий тон. Он был инвариантным для выделения обстоятельств места и времени, а также вводных слов в начале фраз. Кроме того, он был отмечен в нефинальных частях сложных предложений. Максимальное количество употреблений нисходяще-восходящего тона зафиксировано в резюме (48%).

Таблица 5

Процентное распределение терминальных тонов в составных частях нарратива

Терминальные тоны	Финальные						В нефинальных синтагмах															
	Нисходящие			Восходящие			Ровные			Нисходящие			Восходящие			Ровные						
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий	Нисход.-восходящий	Восход.-нисходящий	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий	Нисход.-восходящий	Восход.-нисходящий	Низкий	Средний	Высокий			
Резюме	26,6	6,7	40	--	--	--	20	6,7	--	--	--	26,3	26,3	--	--	--	31,6	15,8	--	--	--	
Ориентировка	37,7	24,3	25,4	--	1,2	--	5,7	4,7	1,2	--	--	23,4	20	15,2	3,3	1,7	--	23,4	2,5	1,7	5,5	3,3
Развитие действия	28,6	28,6	24,3	2,4	0,6	0,5	6,6	6,6	0,5	1	0,3	16,6	16,2	12,6	8,5	4,2	0,2	28,2	5,2	2,7	5,2	0,4
Результат	25	33,3	27,8	--	--	--	8,3	5,6	--	--	--	19,4	23,6	8,6	5,4	5,4	--	24,7	3,2	2,2	7,5	--
Оценка	30	31,7	31	1,6	0,8	--	1,6	2,5	0,8	--	--	20	17,5	15,6	4,2	3,6	--	25,3	3	3	7,8	--
Кода	25	25	50	--	--	--	--	--	--	--	--	14,3	42,8	14,3	--	--	--	14,3	--	--	14,3	--

Инвариантным признаком любого спонтанного текста, как указывает Дж. Браун [9], является тенденция к смещению ядра на первое значимое слово влево. Это положение нашло свое подтверждение и в спонтанных нарративах. Модели с таким смещением составили 13,6% от общего количества синтагм (табл. 6).

Таблица 6

Частотность употребления модели со смещением на первое значимое слово влево ядром

№ текста	1	2	3	4	5	6	7	8	9	В среднем
Количество синтагм со смещением ядром	18	10	29	32	29	25	23	21	18	205
Общее количество синтагм в тексте	166	146	172	162	185	205	146	172	153	1507
% количества синтагм со смещением ядром	11%	7%	17%	20%	16%	12%	16%	12%	12%	13,6%

Как известно, вариативность терминальных тонов определяет грамматическое значение фразы, в то время, как рисунок предъядерной части передает отношение говорящего к высказываемой мысли [5; 8].

Поскольку целью повествования часто является не только сообщить о произошедшем, но и вызвать удивление, возмущение, похвалу, смех, предостеречь от чего-либо, призвать к действиям, то определение интонационных средств, способствующих достижению данных целей, представляется следующим важным этапом исследования.

Как видно из таблицы 7, в тексте-повествовании реализуются все виды предъядерных моделей: нисходящая, восходящая, ровная и скачкообразная.

Таблица 7

Распределение типов шкал в составных частях нарратива

Компонент текста	Тип шкалы					
	Нисходящая	Нисходящая с нарушенной постепенностью	Восходящая	Скользкая	Скаuden-тная	Ровная
Резюме	43,5	---	8,7	43,5	---	4,3
Ориентировка	42,7	1,8	11,5	29,6	1,8	12,6
Развитие действия	53	2,5	18,3	15	3,8	7,4
Результат	43	2,8	16,7	20,8	1,4	15,3
Оценка	38,7	2,2	13,3	29,8	3,9	12,1
Кода	28,6	---	---	42,8	---	28,6

Выбор шкалы определялся, в первую очередь, коммуникативными задачами того или иного компонента нарратива, а также степенью эмоциональной насыщенности текста.

В резюме преобладала скользкая шкала (43,5%), благодаря которой говорящие звучали ярко, живо, вызывая интерес к своей истории. Как правило, она комбинировалась с нисходяще-восходящим тоном. С такой же частотностью употреблялась нисходящая падающая шкала максимально широкого диапазона.

В ориентировке самый большой массив образовала нисходящая ступенчатая шкала среднего или узкого диапазона. Было отмечено также ускорение темпа: говорящий стремится быстрее объяснить обстоятельства ситуации, назвать персонажей и приступить к развитию действий. На протяжении развития нисходящая падающая шкала, которая вообще является инвариантной для нарратива, достигает своего пикового процентного содержания – 53%. При перечислении действий она чередуется с восходящей шкалой (18,3%) или с низкой ровной шкалой (7,4%). Достигнутый таким образом яркий уровневый контраст делает речь рассказчика более выразительной, привлекая особое внимание слушателей.

В результате, который является важнейшим кульминационным этапом для нарратива, отмечено самое большее разнообразие мелодического контура и замедление темпа. Приблизительно в равных пропорциях употреблялись восходящая (16,7%), скользящая (20,8%) и ровная (15,3%) шкалы, но самой частотной оставалась нисходящая падающая шкала, иногда с нарушенной постепенностью (45,8%).

Эмоциональность, присущая оценке, предопределила высокий процент употребляемости в ней скользящей шкалы – 29,8% и чередование низкой ровной (12,1%) либо восходящей (13,3%) шкалы с нисходящей падающей широкого диапазона (38,7%).

Для коды инвариантной шкалой стала скользящая – 42,8%, в равной степени употреблялись нисходящая падающая и ровная шкалы (по 28,6%).

Изложенные выше наблюдения позволяют сделать следующие предварительные выводы.

Нарратив в неподготовленной речи в целом является видом дискурса с достаточно ярко обозначенной уровневой структурой (табл. 3; 5).

Каждая из составляющих нарратива на фонетическом уров-

не обладает индивидуальными чертами. Некоторые из них допустимо считать интонационными инвариантами (свыше 40% по отношению к некому общему содержанию). Так, интонационным инвариантом резюме является нисходяще-восходящий терминальный тон, коды – высокое падение в финальных синтагмах, среднее падение в нефинальных синтагмах.

В случаях, когда процентное содержание фонетических моделей в компонентах нарратива достаточно велико (28-33%), можно говорить о них как о превалирующих в данной составляющей, что тоже существенно для общей характеристики последней (табл. 5, 7).

Данные перцептивного анализа подтверждают рабочую гипотезу, согласно которой как весь нарратив в целом, так и его составляющие обладают определенными наборами интонационных показателей. Каждая составляющая по обозначенным в работе параметрам представляет особое построение с резко отличной вариабильностью использования моделей.

Подтверждение полученных данных должно быть проверено электро-акустическим анализом, что является следующим этапом работы.

Литература

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – Санкт-П., 1996.
2. Варенина Л.П. Логико-семантическая и риторическая организация текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
3. Гурочкина А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс. – Рязань, 1999.
4. Кодзасов С.В. Уровни, единицы и процессы в интонации // Issues in phonetics, 1999.

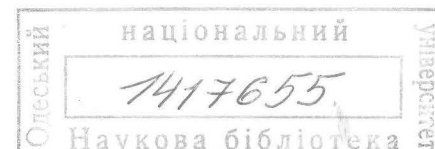
5. Лебедева А.А. Различия в местоположении интонационных центров в английской и русской фразе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
6. Салькова М.А. Темпоральная репрезентация английского дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
7. Улановский М.И. Динамико-функциональные свойства глагола в связном тексте // Номинация и дискурс.– Рязань, 1999.
8. Brazil, David. The communicative value of intonation in English: Cambridge, 1997.
9. Brown G. Language and understanding. – Oxford, 1995.
10. Dickinson Connie and Givon T. Memory and conversation. Toward an experimental paradigm // Conversation: cognitive, communicative and social perspectives, 1997.
11. Emmott, Catherine. Narrative comprehension. A discourse perspective. – Oxford, 1997.
12. English phonetics. A theoretical course. – М., 1996.
13. Ervin Susan M. and Kuentay Aylin The occasioning and structure of conversational stories // Conversation: cognitive, communicative and social perspectives, 1997.
14. Klauke M. Text as functional and structural unit // Studies of functional text quality, 1992.
15. Trabasso Tom and Oezyuerek Asli. Communicating evaluation in narrative understanding // Conversation: cognitive, communicative and social perspectives, 1997.

СПОТЫКАЮЩАЯСЯ ЭВРИДИКА

(сравнительный анализ двух переводов
стихотворения Рильке)

Неоспоримым и общепризнанным в сегодняшнем переводе является положение о необходимости достижения в художественном переводе функциональной адекватности подлиннику. Эстетический заряд переведенного стихотворения, равнодействующий оригиналу, может быть достигнут путем максимального приближения образной системы перевода к образной системе подлинника. Этот же принцип функционального равнодействия [2, 60] позволяет определить, какой из двух сравниваемых переводов удовлетворяет современным требованиям адекватности. Вынося оценку переводу, мы определяем тем самым меру совпадения художественного впечатления, производимого на нас образами оригинала и образами перевода.

В качестве иллюстрации того факта, что более поздний перевод не всегда является более художественным по сравнению со своим предшественником, рассмотрим стихотворение Райнера Марии Рильке “Орфей. Эвридика. Гермес” в сопоставлении с его двумя русскими вариантами – переводом В.Микушевича, опубликованном в 1971 г. в издательстве “Искусство”, и переводом К.Богатырева, вышедшим в издательстве “Наука” к пятидесятилетию со дня смерти поэта в 1977 году.

Сюжет стихотворения воспроизводит известный античный миф о тщетной попытке Орфея вернуть свою возлюбленную из царства смерти. Немецкий текст примечателен своей вольной интерпретацией подземного царства Аида. Этот мир предстает у поэта подчеркнуто бесплотным, почти ирреальным. Ирреальным физически, но полным современной лирической проблематики: мир отчуждения, взаимонепонимания, расхождения в мироощущении близких людей.

Образ Орфея постоянно привлекал внимание Рильке. Позднее в 1922 году он создаст большой стихотворный цикл “Сонеты к Орфею”. В исследуемом же стихотворении Орфей – пока еще не “певчий бог” из “Сонетов”, а всего лишь человек, оплакивающий свою возлюбленную. Плачем он создает вселенную “с полями и ручьями, с дорогами, с лесами, со зверьем” [4, 328]:

... eine Welt aus Klage ward, in der
alles noch einmal da war: Wald und Tal
und Weg und Ortschaft, Feld und Fluß und Tier.

Все тронуты жалобами Орфея; все, кроме мертвой Эвридики. Ей не до Орфея, не до искусства. Эвридика “полна своею смертью, своею непонятной, новой смертью” [4, 329]. Так все стихотворение оборачивается жалобой. “Орфей. Эвридика. Гермес” – притча о жизни и творчестве самого Рильке [1, 446]. Небо его поэзии – “жалобное небо”. Одиноким путем поэта – самопожертвование во имя любви.

Оба переводчика – В.Микушевич и К.Богатырев сохраняют белый стих и пятистопный ямб подлинника, но в передаче образов оригинала уже прослеживается явное расхождение между переводами. В самом начале стихотворения, рисуя мрачное подземное царство, Рильке сравнивает кровь, сочащуюся сквозь стены, с тяжелым камнем – порфиром:

Zwischen Wurzeln
entsprang das Blut,...
und schwer wie Porphy sah es aus im Dunkel,

К.Богатырев же сравнивает с тяжелым порфиром не кровь (как автор и за ним В.Микушевич), а тьму: “...тьма нависла тяжестью порфира” [3, 93] и продолжает эту интерпретацию до конца строфы: “Все остальное было черным сплошь”, искажая цветовую характеристику образа в оригинале “Sonst war nichts Rotes”. Тревожный красный цвет (das Blut, Porphyr, Rotes) уже в начале стихотворения задает определенную драматическую тональность дальнейшему повествованию. В.Микушевич бережнее подошел к передаче этого образа: “Она (кровь) одна была красна”.

Во второй строфе *wesenlose Wälder* – „никем не населенные леса” (В.Микушевич) у К.Богатырева становятся романтическими “призрачными рощами”, которые искажают на уровне образов картину пустынного и безмолвного и, потому удручающего царства теней.

В начале третьей строфы в характеристике Орфея, состоящей из двух эпитетов,

*Voran der schlanke Mann im blauen Mantel,
Der stumm und ungeduldig vor sich aussah*

каждый из переводчиков пожертвовал одним из эпитетов, на его взгляд менее важным в образе Орфея:

*Нетерпелив был стройный тихий муж,
в накидке синей шедший впереди,*

(К.Богатырев).

*И стройный человек в одежде синей
шел молча первым и смотрел вперед,*

(В.Микушевич).

Безусловно, каждый из русских вариантов отличается от немецкого образа, соединяющего два качества – молчаливость и нетерпение. У К.Богатырева акцентируется лишь нетерпеливость Орфея, у В.Микушевича – сдержанность героя и подавленность от общения с потусторонним миром. В переводе К.Бо-

гатырева нелогичным, на наш взгляд, представляется сочетание “тихий муж”, так как русское прилагательное “тихий” означает “робкий”, “боязливый”, (что совершенно противоречит образу Орфея), а немецкое *stumm* означает “немой”, “молчаливый”. У К.Богатырева Орфей – “муж”, то есть античный герой; В.Микушевич не сужает немецкое *der Mann* временными рамками заимствованного сюжета, у него более широкое понятие – “человек”. Оно дает возможность зарождения второго, имплицитного плана – современной подоплеку произведения.

Сложная для перевода метафора

*Ohne zu kauen fraß sein Schritt den Weg
in großen Bissen*

сохранена в обоих русских текстах:

Его шаги глотали, не жуя, куски тропы огромные.

(К.Богатырев)

Ел, не жуя, дорогу шаг его.

(В.Микушевич),

но в последнем варианте преодолен некоторый натурализм, осязаемый, в первом переводе. В следующей характеристике Орфея

*seine Hände hingen schwer und verschlossen
aus dem Fall der Falten und wußten nicht mehr
von der leichten Leier,...*

*руки, как гири, висли под каскадом складок,
не помня ничего о легкой лире.*

(К.Богатырев)

Тяжелой ношей из каскада складок

Свисали крепко стиснутые руки,

Почти совсем забыв о легкой лире. (В.Микушевич)

руки искусного музыканта, забывшие о лире в роковую минуту – символизируют крайнюю степень взволнованности героя. Здесь сравнение К.Богатырева “как гири”, добавленное от себя,

огрубляет поэтический образ певца из легенды. Сравнение же В.Микушевича с “тяжелой ношей” продолжает мысль о беспомощности, никчемности его таланта здесь, в этом мире. В этом измерении непревзойденное умение петь и играть на лире не спасет его возлюбленную, не вернет ее к жизни. И потому в тягость Орфею его руки – его искусство. Не менее важно для восприятия образа Орфея и следующее сравнение:

*Und wußten nicht mehr von der leichten Leier,
Die in die Linke eingewachsen war wie Rosenranken
in den Ast des Olbaums.*

*не помня ничего о легкой лире,
что с левою его рукой срослась,
как с розою ползучей ветвь оливы.*

(К.Богатырев).

*почти совсем забыв о легкой лире,
которая вращалась в левый локоть,
как роза в сук оливковый вращается.* (В.Микушевич).

Определение “ползучая” у К.Богатырева – плод буквального перевода слова *Ranken* – “усики вьющегося растения”. Мелкая деталь (уточнение к традиционному предмету поэзии – розе) рождает у русского читателя негативные ассоциации, так как прилагательное “ползучая” по своей дистрибуции в первую очередь предполагает существительное, обозначающее пресмыкающееся или насекомое.

К.Богатырев допускает неточность и в передаче следующего авторского сравнения –

*indes der Blick ihm wie ein Hund voraus lief
как пес, он взглядом забегал вперед.*

(К.Богатырев)

Рильке сравнивает с псом зрение, взор, остроту взгляда Орфея, а не его самого. В.Микушевич и здесь внимательней прочел подлинник:

Взор, словно пес, бежал вперед стремглав. (В.Микушевич).

Так как слух, в отличие от зрения, способен воспринимать звуки, возникающие не только впереди, но, что главное для сюжета, и сзади человека, слух Орфея пытается различить шаг идущей сзади Эвридики, поэтому строка “*blieb sein Gehör wie ein Geruch zurück*”, благодаря сохраненному обстоятельству “позади”, достоверней звучит у В.Микушевича: А слух, как запах мешкал позади. (В.Микушевич), чем у К.Богатырева: но слух его, как запах, отставал. (К.Богатырев). Глагол “отставал” предполагает дополнение: отставал от чего? от взгляда? – “Отставание слуха” не создает предполагаемой автором картины напряженного вслушивания в едва уловимые звуки за спиной.

В строке “*die Folgen sollten diesen ganzen Aufstieg*” у Орфея впервые закрадывается сомнение, идут ли действительно вслед за ним Гермес и Эвридика. Это сомнение, погубившее его впоследствии, выражено модальностью глагола *sollten*. Они должно быть, наверное, следуют за ним. К.Богатырев неоправданно опускает этот глагол в своем переводе:

*порой ему казалось, что вот-вот
он слухом прикоснется к тем двоим,
что вслед за ним взбираются по скату.* (К.Богатырев).

В переводе В.Микушевича эта важная для развития драматического действия деталь – неуверенность Орфея – сохранена:

*Порой, казалось, достигает слух
тех двух других, которые, должно быть,
не отстают при этом восхожденье.* (В.Микушевич).

Здесь и существительное “восхожденье” точнее, чем “скат” передает не только подъем в гору, но и переносное, контекстуальное значение *Aufstieg* – возрождение, переход в иное состояние – из царства мертвых к жизни.

Парентеза в конце строфы (*wäre das Zurückschaun nicht die Zersetzung dieses ganzen Werkes, das erst vollbracht wird*) у К.Богатырева ... (но ведь оглядка была бы равносильна разрушению свершающегося) содержит разговорное и потому инородное для

данного поэтического текста существительное “оглядка”. Кроме того, это существительное употребляется в основном с предлогами – “с оглядкой”, “без оглядки”. Без предлога оно малоупотребительно, но даже и в этом случае оно выступает в переносном смысле: “оглядка на кого-либо” означает принятие во внимание чьего-либо мнения или каких-либо фактов. У Рильке же субстантивированный глагол *das Zurückschaun* употреблен в прямом значении:

*(если б, обернувшись, он своего деянья не разрушил,
едва-едва свершенного).* (В. Микушевич)

В четвертой строфе Рильке не отступает от традиционного в искусстве изображения бога “странствий и вестей” Гермеса:

*Dem Gott des Ganges und der weiten Botschaft,
die Reisenhaube über hellen Augen,
den schlanken Stab hertragend
vor dem Leibe und flugelschlagend an den Fussgelenken;
und seiner linken Hand gegeben: s i e.*

Именно поэтому можно считать неоправданными синонимы В.Микушевича “колпак” и “посох” для “шлема” и “жезла” – атрибутов, уже закрепившихся за Гермесом в русской классической литературе:

*Вот он идет, бог странствий и вестей,
Торчит колпак над светлыми глазами,
Мелькает посох тонкий перед ним,
Бьют крылья по суставам быстрых ног,
Ее ведет он легкою рукою.* (В.Микушевич)

Несколько сниженным по стилю воспринимается во второй строке приведенного отрывка глагол “торчит”. Не совсем оправданно (исходя из контекста стихотворения) и употребление переводчиком глагола “мелькает”, предполагающего быстрое, стремительное движение, в оригинале же – неоднократно подчеркивается обратное: *die furchtbar leise gingen* = “они шли страшно медленно”. Но даже при этих стилистических наруше-

ниях стихотворение В.Микушевича звучит намного поэтичней перевода К.Богатырева:

*Он – бог походов и посланий дальних
с дорожным шлемом над открытым взглядом,
с жезлом в руке, слегка к бедру прижатой,
и хлопающими у ног крылами.*

Его другой руке дана – она. (К.Богатырев)

Творческий, неформальный подход к переводимому тексту позволил В.Микушевичу “услышать” совершенно необходимые для естественного восприятия русского стиха, но отсутствующие в немецком тексте глаголы. У Рильке четвертая строфа включает лишь два причастия *hertragend* и *flügelnd*, выполняющие скорее описательную функцию эпитетов, чем функцию характеристики действия. К.Богатырев в своем переводе буквально воспроизводит синтаксическую схему оригинала, лишённую энергии глаголов. В.Микушевич, руководствуясь общим ритмом стихотворения, его тональностью и образной системой, взял на себя смелость ввести в русский текст глаголы, значения которых имплицитно присутствуют в немецком стихотворении. Таким образом, ему удалось воссоздать динамику и напряженность описываемого события. Мелодичный ритм русской строфы обусловлен многократным повторением начальных синтагм с одинаковой синтаксической структурой “инвертированный глагол + существительное”:

*торчит колтак...
мелькает посох...
бьют крылья...*

Особенно ощутима тенденция В.Микушевича сохранить музыкальность ритма в последнем стихе строфы:

Ее ведет он левою рукою. (В.Микушевич)

У К.Богатырева в четвертой строфе описание Гермеса заканчивается стихом, выделяющимся своей аритмией в результате скопления безударных слогов:

...и хлопающими у ног крылами (К.Богатырев).

Кроме того, здесь же наблюдается и неблагозвучное соединение двух одинаковых глухих согласных – “ног крылами”. В следующей строке переводчик допускает, на наш взгляд, неудачное слияние двух гласных:

Его другой руке дана – она. (К.Богатырев).

В.Микушевич сумел в своем переводе избежать хиатуса и неуместной в данном случае внутренней рифмы (дана – она).

Пятая строфа – жалобная песнь Орфея об утраченной возлюбленной – наиболее лирические и проникновенные строки в стихотворении. Стих у В.Микушевича в этой строфе отличается особой мелодичностью, что достигается резким количественным различием ударений, в четных и нечетных стопах. Анафора, обрамляющая эту строфу, содержит выразительное ритмическое ядро, создаваемое тремя ударениями,

Ее, ту, так любимую... (В.Микушевич)

а дактилическая каденция (любимую) уравнивает начальное скопление ударений и, что самое главное, плавно завершает строку. Об этом говорил и Л.В.Щерба: “если скопление неударных слогов падает на конец слова, – мы имеем дело с замедлением речи” [6, 39]. Финал пятой строфы у К.Богатырева –

Она – любимая столь ... - / - / - /

неоправданно резко обрывается мужской клаузулой. У Рильке последний стих в плаче Орфея для особого логического и интонационного выделения написан хорейским размером –

Diese So-geliebte / - / - / -

где последняя стопа имеет женское (более спокойное, чем у К.Богатырева) окончание. Выбранное К.Богатыревым энергичное, ударное слово “столь” неуместно в финале строфы, поскольку оно не замедляет ритм фразы, а напротив, нагнетает

напряжение. Повышающаяся интонация русской строки неоправданно готовит слух к развитию мысли. У Рильке отсутствие предикативности в финальной строке строфы *Diese So-geliebte* не предполагает какого бы то ни было развития сюжета, поэтому перевод К.Богатырева (она – любимая столь...) не адекватен медлительной немецкой фразе, завершающей собой не только строку и строфу, но и целый сюжетный отрезок – песнь Орфея.

Кроме ритмической структуры на общее восприятие звуковой стороны стихотворения влияет и вся система эвфонических приемов автора. Так, перевод В.Микушевича отличается в первую очередь выразительными аллитерациями, подчеркивающими художественные образы произведения. Первая строфа буквально пронизана настойчиво повторяющимся сонорным “р”:

*...обитали души, прожилками серебряной руды
пронизывая тьму. Среди корней*

Кровь проступала, устремляясь к людям. (В.Микушевич)

Этот звонкий согласный, повторяясь десять раз в трех строках на фонетическом уровне, усиливает впечатление, создаваемое образом “серебряных прожилок, пронизывающих тьму”. Столь же отчетливы аллитерации и ассонансы во второй строфе перевода В.Микушевича, акустически повторяющие тему безысходности и одиночества, царящих в подземном мире, однополообразия и монотонность его бытия –

*никем не населенные леса,
утесы и мосты над пустотой...
среди лугов тянулась терпеливо
извилистая длинная дорога...* (В.Микушевич)

Звуковая аранжировка образа – постоянно звучащее “и” помогает зрительному представлению “терпеливой, извилистой и длинной” дороги. Именно благодаря внутренним ассонансам, наполняющим строку гармонией гласных, стихотворение приобретает особую лирическую интонацию –

*Она была растраченным запасом...
Которая лугами шла обратно...* (В.Микушевич)

Характерно, что данный прием повторяет особенности подлинника –

*Alles noch einmal da war: Wald und Tal
und ein gestirnter stiller Himmel ging*

Своей лирической интонацией стихотворение В.Микушевича обязано и многочисленным повторам слов и словосочетаний –

*Взор, словно пес, бежал вперед стремглав,
Бежал и возвращался, чтобы снова
Бежать и ждать на ближнем повороте.*

И снова только звук его шагов,

И снова только ветер за спиной. (В.Микушевич)

Эти примеры из третьей строфы перевода не имеют аналога в оригинале. Многократные повторы встречаются у Рильке несколько позже. Так, лексема *Klage* повторяется в немецком стихотворении пять раз. Повторить в русской строфе пять раз слово “жалоба” было бы, по-видимому, нарушением эстетических канонов стихосложения, но воссоздать каким-то образом это отчетливое эхо переводчик обязан. И В.Микушевич предлагает аналогичный прием, но с другими лексемами:

*Вселенную создав над нею плачем,
Вселенную с полями и ручьями...
Всходило солнце в жалобной вселенной,
Светилось там и жалобное небо,
Немое небо в звездах искаженных...* (В.Микушевич)

“Количественно” В.Микушевичу удалось повторить и пятикратное горькое *Klage*: в этой строфе переводчик употребляет пять слов-эквивалентов, родственных по эмоциональной окраске немецкому прототипу – (плакальщица, плачем, жалобной, жалобное, в слезах), то есть переводчик сохраняет насыщенность строфы соответствующей семантикой и сохра-

няет при этом прием повторов, используя уже другой лексический материал. К. Богатырев четыре раза повторяет лексему “плач” и ее производные (плач, плакальщиц, из плача, в мире плача). К наиболее отчетливым повторам, не создающим в этом переводе благозвучия, следует отнести одинаковое начало четырех стихов в третьей строфе: все они начинаются с местоимения “он”, которое читатель однозначно воспринимает как одну из номинаций Орфея. Следующая четвертая строфа в этом переводе снова начинается местоимением “он”, хоть и относящимся уже не к Орфею, а к Гермесу:

Он – бог походов и посланий дальних... (К. Богатырев)

Осведомленный читатель безусловно соотнесет это новое местоимение “он” с новым действующим лицом. Но подобная стилистическая омонимия у переводчика не способствует ни ясности изложения, ни эвфонии стихотворения.

В. Микушевич избежал разночтения этого местоимения следующим образом:

... увидеть

Он мог бы их, идущих тихо следом,

Вот он идет, бог странствий и вестей... (В. Микушевич)

Переводчик, во-первых, передвигает местоимение вглубь строки, чтобы избежать анафоры, которая вызвала бы на слух нежелательные аллюзии с Орфеем, во-вторых, повторяет лексему “идти”, закрепленную в конце предыдущей строфы в сознании читателя с номинацией “они” (Гермес и Эвридика). Анализируя повторы как просодический прием в оригинале и переводе, следует отметить, что В. Микушевичу удается сохранить анафору в шестой строфе подлинника –

Она в себе замкнулась,

Как на сносях...

Своею переполнена кончиной,

Она в себе замкнулась. (В. Микушевич)

В стихотворении К. Богатырева эта анафора не воссоздается: переводчик счел нужным подчеркнуть другой интонационный прием оригинала – подхват

... ihr Gestorbensein

erfüllte sie wie Fülle.

Wie eine Frucht von Süßigkeit und Dunkel ...

Она ушла в себя, где смерть, как плод,

ее переполняла

Как плод, что полон сладостью и тьмою... (К. Богатырев)

На наш взгляд, более оправдан вариант В. Микушевича, акцентирующий вслед за автором главную мысль этой строфы – психологический момент – изменившуюся суть Эвридики, ее отрешенность от мира живых. Столь же логична поэтому и эпифора, введенная В. Микушевичем в конце строфы:

Она была полна своею смертью,

Своею непонятной, новой смертью. (В. Микушевич)

У Рильке строки, передающие медлительность и робость Эвридики, неслучайно повторяются в конце стихотворения. В них раскрытие причины взаимонепонимания двух людей; здесь не только неудобные одежды, мешающие идти, но и само нежелание идти, отсутствие желаний вообще. Потому-то бесплотной Эвридике не понять земного Орфея.

Sie ... ging...

Den Schritt beschränkt von langen Leichenbändern,

Unsicher, sanft, und ohne Ungeduld.

В этом рефрене у К. Богатырева сразу две неточности:

И шла она, ведомая тем богом,

о длинный саван часто спотыкаясь,

шла терпеливо, кротко и неровно... (К. Богатырев)

Человек, идущий неровно и часто спотыкающийся, представляет собой неприглядное и жалкое зрелище. Рильке не мог

наделить прекрасную возлюбленную Орфея такой характеристикой, она идет *unsicher, sanft und ohne Ungeduld* – неуверенно, робко (осторожно) и неторопливо, потому что длинный саван сковывает ее шаг. У К. Богатырева „терпеливо“ – это опущение двойного отрицания в выражении *ohne Ungeduld*. Но „терпеливо“ еще не означает „без нетерпенья“. „Терпеливо“ – это настойчиво, целенаправленно. А Эвридика шла „без нетерпенья“ – неторопясь увидеться с Орфеем. Так, в переводе К. Богатырева исчезла многозначность немецкой фразы.

В. Микушевич сумел найти для медлительных движений Эвридики и “медленные” многосложные слова – „неуверенно“, „неторопливо“:

Шла рядом с богом между тем она,

Хоть и мешал ей слишком длинный саван,

Шла неуверенно, неторопливо. (В. Микушевич)

В переводе К. Богатырева образ Эвридики приобретает черты, абсолютно несвойственные ни авторскому, ни традиционному изображению ее в мировом искусстве

И отдалась земле, как падший дождь. (К. Богатырев)

(und hingegeben wie gefallener Regen).

Определение „падший“ (падший ангел, падшая женщина) применительно, даже косвенно, к возвышенному и романтическому образу неземной в прямом смысле Эвридики вызывает у читателей перевода ложное представление о поэтическом видении самого Рильке.

Не способствует адекватному прочтению подлинника и стилистически маркированное деепричастие “уставясь”

Шла терпеливо, кротко и неровно,

как будущая мать в себя уставясь.

Разговорное “уставясь” с соответствующими коннотациями искажает лирическую тональность подлинника, в котором автор неслучайно выбирает поэтический эвфемизм *hoher Hoffnung* (*sie war in sich, wie Eine hoher Hoffnung*).

Проникновенный, удивительный по своей художественной силе рассказ о новом воплощении Эвридики заканчивается у Рильке лаконичной метафорой

Sie war schon Wurzel.

Дословный перевод К. Богатырева без конкретизации, без необходимой в данном случае расшифровки образа выпадает из общей ткани русского стихотворения

но, распустившись золотом волос,

на запасы жизни расточила

и отдалась земле, как падший дождь

и превратилась в корень. (К. Богатырев)

Трагичность необратимого перехода в, потусторонний мир у автора подчеркивается тремя функционально идентичными образами:

1) *sie war schon aufgelöst, wie langes Haar*

2) *und hingegeben wie gefallener Regen,*

3) *und. ausgeteilt wie hundertfacher Vorrat.*

Sie war schon Wurzel.

В. Микушевич в переводе этой строфы демонстрирует более бережное отношение к творческой манере переводимого автора. В его интерпретации тень Эвридики – образ не только глубоко поэтический, но и более убедительный, чем у К. Богатырева:

Она была распущенной косою,

Дождем, что выпила земля,

Она была растраченным запасом.

Успела стать она подземным корнем. (В. Микушевич)

Художественный прием Рильке – климактерическое нагнетание метафор (распущенная коса, выпитый землею дождь, растраченный запас) логически завершается наиболее обобщающим, наиболее конкретным и емким образом – сравнением с подземным корнем, – с тем, что никогда не бывает на поверхности, на земле, в мире живых. Этот постепенный, неумолимый

процесс у В.Микушевича отражен в передаче сказуемого: „успела стать“. Сохраняет ритм строфы и определение „подземный“ в сочетании „подземный корень“; оно, хоть и несет в себе избыточную информацию, не необходимо в стихе не столько как стилистический плеоназм, сколько для подчеркивания места происходящего – подземного царства Аида, и Эвридика – уже неотъемлемая часть этого подземного царства.

В последней строфе отсутствует описание внутреннего состояния Орфея, его образ завершают два скупых, стилистически нейтральных глагола:

*er stand und sah,
wie auf dem Streifen eines Wiesenpfades
mit trauervollem Blick der Gott der Botschaft
sich schweigend wandte, der Gestalt zu folgen,
die schon zurückging...*

Эта авторская отстраненность тем не менее не снижает драматического звучания финала. У К.Богатырева глаголы *stand* и *sah* переведены следующим образом

... он *стоял*
и *видел*, как на узенькой тропе
застыл с печальным ликом бог походов... (К.Богатырев)

В этом варианте глагол “видел” выражает лишь физическую, зрительную способность человека безотносительно к его реакции на увиденное. В переводе В.Микушевича

... *стоял он и смотрел*,
как на полоску бледную дороги
вступил с печальным взглядом бог-посланец...

(В.Микушевич)

глагол “смотрел” содержит именно ту имплицитную заинтересованность, безразличие к происходящему, которое вытекает из содержания всего произведения.

В результате сравнения двух современных переводов стихотворения Рильке “Орфей. Эвридика. Гермес” мы приходим к выводу, что переводчик К.Богатырев, пытаясь достичь эквивалентности на лексическом уровне, не достигает адекватности на уровне образной системы оригинала. Функциональная неравнозначность перевода и подлинника обусловлена и выбором русских вариантов, не соответствующих по своей стилистической окрашенности переводимым лексемам исходного текста (в себя уставаясь, падший дождь и т.д.).

Перевод В.Микушевича роднит с подлинником в первую очередь стилистическое соответствие на уровне художественных образов. Он ближе к оригиналу, чем перевод К.Богатырева и по своей звуковой организации, поскольку воспроизводит не только размер подлинника, но и такие акустические нюансы его инструментовки, как аллитерации, ассонансы и повторы. Мелодичные каденции его строф (женские клаузулы) и гармонизированный ритм (нечетные стопы везде сохраняют ударность) создают ту особую интонацию русского стихотворения, которая в сочетании с лирически окрашенной лексикой вызывает у читателя эмоции сопереживания. Следует, однако, заметить, что в интерпретации В.Микушевича Орфей, “стройный человек в одежде синей”, более опозтизирован, чем у самого автора – он лишен суетливости (в подлиннике же присутствует эпитет), он “почти совсем забыл о легкой лире” (в подлиннике нет этого ограничения), анималистическая метафора смягчена – “ел, не жуя, дорогу шаг его”; переводчик опускает и разговорное *furchtbar leise* в несобственно-прямой речи, свидетельствующее о заземленной, реалистической трактовке этого образа у автора. И тем не менее, несомненная художественная ценность перевода В.Микушевича – в идентичности смысловой и эстетической функций его стихотворения и стихотворения Рильке.

1. Микушевич В.Б. Жалобное небо. (Заметки переводчика) Рильке Р.- М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1971.
2. Радчук В.Д. Концепция функционально-эстетического равнодействия // Теория и практика перевода. – Киев. – № 1. – С. 42-60.
3. Райнер Мария Рильке. Новые стихотворения. – М.: Наука, 1977.
4. Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. – М., 1971.
5. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. – Л., 1957.
6. Rilke R.-M. Lyrik. – М., 1981.

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПАРОНИМИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Привлекает внимание тот факт, что все высказывания, построенные на паронимической аттракции (далее – ПА), имеют в своей семантической структуре экспрессивно-оценочный компонент. Необходимо уточнить, какие единицы мы рассматриваем как оценочные, входят ли в состав оценочной лексики часто обыгрываемые слова, вызывающие эмоции и чувства. Мнения лингвистов по этому поводу расходятся. Мы следуем в этом вопросе за Д.Н.Шмелевым. Рассматривая экспрессивно-оценочную лексику, он различает “во-первых, слова, которые обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения и т.д. (выделение этих слов производится в связи с предметно-тематической классификацией лексики); во-вторых, слова, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств; в-третьих, слова, в собственном лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений” [8, 164].

Для ПА релевантно то, что паронимическое высказывание приобретает ситуативно определенный оценочный компонент, который закрепляется за его смысловой структурой в виде потенциальной, или аксиологической семы. Аксиологическая сема – сема оценки положительной или отрицательной – мо-

жет составлять: 1) суть лексической семантики специализирующихся на ней слов; 2) важную, неотъемлемую ее часть; 3) тоже обязательную, но не такую центральную (как в предыдущих случаях) аксиологическую характеристику, как правило, негативную. Аксиологические семы, в отличие от пространственного понимания коннотации, справедливо, по нашему мнению, относить к денотации как исчерпывающей информации объективного содержания с выраженным субъективным отношением к нему автора ПА. Такие семы субъективно-эмоциональной оценки потенциально содержатся в семантической структуре прототипов ПА, реализуясь только в определенном синтагматическом окружении при наличии определенного экстралингвистического контекста. В процессе ассоциативного переосмысления корреляции ПА аксиологические семы становятся равноправным компонентом наряду с новыми наборами сем в содержательной структуре паронимической морфемы, паронимического слова или паронимического словосочетания. Выражение оценки паронимической корреляцией может быть как эксплицитным – когда прототипы ПА относятся к оценочной лексике, так и имплицитным – когда корреляты в своем оригинальном сочетании сигнализируют о той или иной таксономии, референтная соотнесенность которой имеет положительную или отрицательную оценку в сознании коммуниканта.

В количественном отношении негативно-оценочные паронимические высказывания преобладают над положительными. Это связано с тем, что, как справедливо отмечает В.Д.Девкин, положительность воспринимается как нечто само собой разумеющееся. “Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков, ошибок, плохого. Потому-то это для него значительно и так стойко отражено в языке [3, 25] и, как наглядно показывают примеры с ПА, – в речи.

Механизм мелиорации/пейорации включает в себя несколько разных шкал: стилистическую, общечеловеческую и персоналогическую. Рассмотрим каждую из шкал.

Ряд негативно-оценочных высказываний, построенных на ПА, – это стилистически сниженные номинации. Пейоративы являются составной частью стилистически сниженной лексики. Чем ниже они расположены по этической шкале, тем ярче, интенсивнее проявляется пейоративная (уничижительная) оценка. Согласно этическим нормам языка, прототипы ПА могут классифицироваться следующим образом: нейтральные слова и коллоквиализмы, которые образуют стандартный общеупотребительный литературный слой; в субстандартный слой входят фамильярные, грубо-просторечные слова и жаргонизмы.

Как показывает наш материал, в паронимическую игру вовлекаются лексические единицы разной степени сниженности – как разговорные, так и фамильярные, грубые и даже вульгарные. Стилистически маркированный прототип ПА содержит сему отрицательной оценки и окрашивает паронимическую корреляцию соответствующим образом, например: *Manky by Comparison* [The Daily Telegraph, 3 May, '95], где первый прототип, реально представленный в корреляции (это антропоним *Minky Manky*, “М.Манки”, автор фотомонтажа, доминирующего на описываемой в статье выставке Gilbert & George's), – сопоставлен с имплицитным прототипом *monkey*, разг. “обезьяна, кривляка; бессмысленная работа, валяние дурака”. Негативный оценочный компонент содержится во втором прототипе и представлен в словарной статье лексической единицы. Ассоциативное переосмысление паронимической корреляции ведет к тому, что негативная оценка дается денотативной семе первого коррелята; имя собственное становится именем нарицательным со значением “претенциозности, не имеющей ничего общего с высоким искусством, что свойственно творчеству

М.Манки". Очевидно, что оценка в данном случае выступает как признак обозначаемого лица.

Слова с оценочным значением, выполняющие чисто оценочную функцию, составляют значительный удельный вес в числе прототипов ПА. Стилистически окрашенные положительные номинации могут также создаваться участием разговорной лексики, имеющей однако мелиоративный характер, например: *Finding Somebunny To Love* [Time, 18 Dec., '95] – о новой книге С.Макбратни для детей, повествующей о приключениях маленького кролика и его отца. Прототипы ПА – лексическая единица *somebody*, “кто-нибудь” и *bunny*, ласк. “кролик”. Вторым прототипом становится характеризующим признаком коррелята ПА *somebunny* и привносит в паронимическое слово одобрительную экспрессивную оценку.

Слова с оценочным значением, выполняющие в языке чисто оценочную функцию, составляют относительно небольшую часть словаря языка и нечасто становятся прототипами ПА. Положительные или негативные признаки денотатов, фиксируемые прототипами ПА, выделены внутри определенной общественной системы ценностей. При этом ПА отражает не столько сам объект, сколько отношение к нему создателя ПА. Поэтому для целей настоящего исследования представляет наибольший интерес не общечеловеческая, а персоналогическая шкала (прежде всего – субъект оценки). В определенной мере мы констатируем наличие общечеловеческой шкалы, представленной в преломлении субъективной оценки автора ПА.

К событиям, действиям, поступкам и т.п. могут быть отнесены только имена нарицательные характеризующего типа, поэтому выбор номинации зависит от понимания сущности явлений, его оценки [9, 205]. Ситуации, предполагающие или допускающие пересечение интересов, не позволяют дифференцировать оценку от ее субъекта. Всякое межличностное событие действительности распадается на два события: само

событие и его эффект. Так, в заголовке *Kingdom of Gold* [Time, 22 Jan., '96] Империя Бога оборачивается Империей Золота для тех, чьи интересы ущемлены. Позиции, выражаемые исходной единицей и дериватной *Gold* в терминах данной ПА, различны (о лицемерии в поведении лидеров церкви *Kingdom of God*). Наличие в оценочном сообщении коррелята *Gold* позволяет увидеть за оценкой реальное положение дел, свести неverified сообщению к verified сообщению.

Субъектом оценки является создатель ПА, и в оценку включается его система ценностей. Объект воспринимается им как не соответствующий значению того имени, которым его принято называть. Отвергаемая автором ПА и обыгрываемая им общепотребительная номинация опирается на другие ценностные ориентации. Употребление слов в качестве прототипов ПА испытывает на себе влияние определенных социальных групп, вкладывающих различные оценки нередко в одни и те же слова. Так, в противовес вышеупомянутому примеру, в котором паронимическое слово *Gold* несет четко обозначенную негативную оценку вследствие использования коррелята *God* в его составе, приведем другой пример с явно обозначенной положительной оценкой вследствие использования того же коррелята *Gold*, но в другом синтагматическом окружении и в отражении другого момента экстралингвистической действительности: *Gold and Glory* [Newsweek, 12 Aug., '96] – о триумфе спортсменов-участников Олимпийских Игр в Атланте, '96; или: *Good as Gold* [Newsweek, 22 July, '96] – об одном из победителей Олимпийских Игр, спринтере М.Джонсоне, показавшем самый лучший результат в беге за всю историю соревнований.

Негативно-оценочные компоненты могут имплицировать “термины-понятия, которые обладают сугубо сигнификативным значением, выполняют только одну функцию – дефинитивную” [9, 62-63]. Создание ПА на базе политических терминов связано с тем, что различные общественные силы в зависимости от

своих политических целей подчеркивают при отражении действительности различные стороны и черты, выражают определенное общественное мнение. В основу наименования кладутся разные признаки именуемого объекта или иная, чем общепринятая, их иерархия. Например, дистанцируясь от традиционного понятия “поддержка Системы” (*backing the System*), автор заголовка с ПА: *Bucking the System* [Newsweek, 4 Dec., '95] использует прототип *bucking*, амер.разг. “рвануть, дернуть (об автомобиле); противиться, выступать против”. Возможны в данном случае также ассоциации, связанные с американским разговорным словом *buck*, “доллар”. Как видим, паронимическое слово *bucking* приобретает негативную оценку в связи с фактом бюрократических преград, чинимых американскими и японскими чиновниками (об экспорте американских автомобилей в Японию).

В связи с оценочностью высказываний, построенных на ПА, возникает два вопроса:

— вопрос об отношении *оценка – паронимическое высказывание*, т.е. о том, как ведут себя при коррелировании оценочные слова;

— и вопрос об отношении *паронимическое высказывание – оценка*, т.е. о том, как возникает оценочное значение и какие здесь существуют закономерности.

Нас интересует главным образом второй вопрос, случаи, когда оценочный смысл паронимического высказывания является результатом актуализации ассоциативного переосмысления прототипов ПА. В этих случаях оценочный смысл связан не только с природой денотата, сколько с отношением субъекта оценки к ее объекту. Оценочный признак может создаваться за счет противопоставления или тропеизации прототипов ПА. Корреляты ПА соотносятся со словами-прототипами. Оценочное значение возникает следующим образом:

1. Оценку выражает второй прототип ПА, выступающий в роли характерологического признака. Исходное слово (первый прототип) не содержит семы оценки; оно называет лицо – объект оценки – или указывает на оцениваемую ситуацию.

2. Оценку выражает исходная основная единица. Второй прототип не содержит семы оценки – он указывает на оцениваемую ситуацию; если первый прототип называет чувство, состояние, то это ситуация, которая соответствующее чувство вызвала или в которой оно проявилось.

3. Ни один из прототипов не выражает оценки, оценочный смысл возникает за счет нарушения правила традиционно принятого узуального семантического согласования прототипов ПА, переносного употребления одного из прототипов.

Рассмотрим конкретные примеры.

1. Наиболее типично следующее распределение ролей между прототипами ПА: исходная единица (как эксплицированная, так и имплицированная) – не оценочная – называет объект оценки второй прототип, обязательно эксплицированный – носитель нового оценочного значения. Оценочный смысл – результат взаимодействия прототипов ПА, возникновение третьего плана содержания. Оценочный прототип, как лакмус, окрашивает корреляцию ПА в процессе формирования участка наложения с неогночным прототипом в соответствующем контексте, выражая отношение субъекта оценки, образовавшего ПА – к ее объекту. Знак оценки зависит от того, какая эмоция связывается с обозначаемым объектом.

Так, второй прототип может обозначать положительные эмоции, переживания, например: *Ambridge Over Troubled Waters* [The Times, Feb.14, '96]. Второй прототип *Ambridge*, “название компьютерной программы, максимально насыщенной информацией и позволяющей избежать ошибки попадания в другую программу” – в корреляции с прототипом *a bridge*, “соединительный мостик” свидетельствует о новом слове в прогрессе компь-

ютеризации общества, позволяющем добиваться успехов даже в сфере экономики.

Пример негативно-оценочного паронимического высказывания: *Playing the Brink* [Newsweek, 27 May, '96]. Исходная единица – *link*, “связь (об отношениях Америки и Китая в сфере торговли – фактически о войне и пиратском использовании аудио- и видеопродукции из Америки)” сочетается со вторым прототипом *brink*, разг. “непосредственная угроза войны; политика балансирования на краю пропасти”. Второй прототип обозначает то состояние дел, которое представлено первым прототипом и в нем заключена определенная оценка обозначаемого им явления. Паронимическое слово *brink* таким образом приобретает сему отрицательной оценки.

Амбивалентность, возникающая как результата функционирования ПА, иногда приводит к эффекту обманутого ожидания: воспринимаемое как негативно-оценочное паронимическое высказывание, которое создается путем замены одного из компонентов композита, в ходе ассоциативного, контекстуально обусловленного переосмысления, выражает положительную оценку: *Madgical Mystery Tour* [The Economist, 16 Dec., '96]. Ошибочная линия ассоциаций идет от корреляции прототипов *mad*, “безрассудный, опрометчивый”:: *magical*, “волшебный, магический” → паронимическая морфема *madgical*, “шаловное, безрассудное предприятие”. Подобная декомпозиция окказионального слова затем отвергается коммуникантом под влиянием контекста статьи, происходит реконструкция как формальная, так и смысловая в новую, обогащенную содержательно паронимическую морфему: *Madgical* → *R.Madge*, “Р.Мэдж, успешно ведущий дело Европейский предприниматель в компьютерной индустрии *Madge Network* :: *magical*, “волшебный, магический” → “путешествие в страну Мэдж, полное тайн и волшебства” (“одна из тайн – как мог Р.Мэдж, самоучка по образованию, обойти в своем деле высококласс-

ных мастеров компьютерной индустрии мировых стандартов?” – ст.). В данном случае нарушаются закономерности внутренней валентности из-за возможности дифференциации прототипа *mad* в рамках паронимического высказывания, что тем не менее усиливает эффект ПА, и в немалой степени этот эффект зависит от того, что в ходе ассоциативного переосмысления корреляции негативная оценка превращается в положительную, т.е. окказиональное слово приобретает позитивный оценочный смысл – значение чего-то необычного, выдающегося, полного тайн и волшебства.

2. Оценочный смысл возникает не в результате привнесения характерологических оценочных оттенков в денотат основного прототипа или в обыгрываемое понятие, а выражен, задан уже самой исходной единицей, и сопоставление с другой единицей только подчеркивает, в какой ситуации возможна реализация первого прототипа. О “заданности” можно говорить, так как знак оценки не меняется, даже если в лексическом значении оцениваемого объекта заключена оценка с противоположным знаком, например: *Hillary's Travails* [Time, 29 June, '96]. Прототипами паронимического слова *travails* являются следующие лексические единицы: первый прототип *travails* – оценочное слово со значением “тяжелый труд; родовые муки” (о нашумевшем деле увольнения из Белого Дома служащих сферы путешествий, к которому имеет непосредственное отношение жена Президента Х.Клинтон), второй и третий прототипы – не выражают оценки – *travels*, “путешествия”:: *trails*, “тропа, след”, однако они указывают на оцениваемую ситуацию – непоследовательность в линии поведения Х.Клинтон, питающей склонность к деловым поездкам по стране и в то же время предпринимательской огромные усилия по осуществлению нестоящих планов. Аксиологическая сема в значении первого прототипа, в данном случае отрицательная, определяет негативно-оценочное содержание паронимического слова и поддерживается при-

знаками обозначаемой ситуации, представленными вторым и третьим прототипами.

ПА негативной критической направленности могут создаваться с целью назвать имя инициатора создавшейся ситуации, например: *Attention, Kmart Shoppers: We're Closing* [U.S. News and World Report, 19 Sep., '94]. Сопоставление прототипов *smart*, (ирон.) “умники” :: *Kmart*, “Кмарт, владелец крупнейшей национальной компании по розничной торговле в 30 штатах США” обуславливает наличие в содержательной структуре паронимического слова *Kmart* аксиологической семы, выражающей ироническое отношение автора ПА к явлению закрытия целой сети магазинов компании Kmart.

Еще один пример с использованием имени собственного в качестве второго прототипа: *Harrying Truman* [Time, 21 Nov., '94] – о противопоставлении личности Б.Клинтону, часто совершающего необдуманные поступки вследствие поспешных решений, Гарри Трумэну, президенту США военной и послевоенной эпохи, успешно проводящему в жизнь политику взвешенных, разумных решений.

В рекламных заголовках положительная оценочность может достигаться за счет того, что первый прототип – это оценочное слово, формально сходное со вторым прототипом, называющим рекламируемый объект, например: *Ferry Offer* (Driveline, P&O European Ferries) [The Daily Telegraph, 18 Sep., '95], где паронимическое слово *Ferry* является результатом вовлечения в корреляцию прототипов *fair*, “честный, справедливый” :: *ferry*, “переправа (на другой берег); паром”.

В следующем примере рекламного заголовка паронимическое слово также положительно характеризует то, что относится к объекту рекламы:

Keep Southern California beautiful.

Be part of the seen (John Robert Powers School of Improvement for Women), где *scene*, перен. “обстановка, окружение”

:: *seen*, грам. ф. “показаться на людях” → *seen*, “призыв к тому, чтобы, изменив свою внешность, человек органично вписывался в красоты местности”.

3. Ни один из прототипов не содержит семы оценки. Прототипы ПА – слова, обозначающие объекты, реально несовместимые. Один из них может использоваться переносно, как “косвенная номинация” [9, 293]. Это более сложный, чем описанный выше, путь создания оценочного значения паронимического высказывания. Такие паронимические высказывания фактически представляют собой нарушение правила семантического согласования, поскольку в их основе лежит образное ассоциативное переосмысление. Образные паронимические высказывания находятся на периферии системных образований благодаря нечеткости семантического согласования между их составными элементами.

В примере, который приводится ниже, один из прототипов используется переносно. Ни один из прототипов не содержит семы оценки, ПА имеет негативно-оценочный смысл: *Dog Days, Perot Nights* [Time, 22 Apr., '96] – о видной общественной фигуре Р.Пепо, эксцентричном человеке, не останавливающемся перед выбором слов при оскорблении своих оппонентов: “Politicians are supposed to be nearly insult proof. Not so animals”. Негативный оценочный смысл возникает за счет образного сравнения обозначаемого лица с птицей *parrot*, “попугай”.

Другие примеры: *Death Comes Calling* [Time, 15 Jan., '96]. Корреляция *call*, “звонить по телефону” :: *kill*, “убивать” окрашивается в иронические оттенки, если учесть то, что убитый взрывом телефонной трубки во время разговора Е.Айяш был экспертом по созданию взрывных устройств;

Welcome to the Cy-brary [Business Week, 29 May, '95] – о новой книге Л.Дейтона “Вера”, в которой описываются исторические времена падения Берлинской Стены, представленные историком тенденциозно, с явно выраженной симпатией к застоным временам;

The worm at Apple's core [The Times, 8 Feb., '96] – о появи на ринку комп'ютерної техніки достойного суперника компанії *Apple Mackintosh* – фірми Паккард Белл.

Ітак, оціночний смисл паронимического высказывания может возникать как благодаря одному из прототипов, выражающему оценку, так и за счет нарушения правила семантического согласования прототипов, не содержащих семы оценки, переносного употребления одного из прототипов.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика декодирования. – Л.: Наука, 1974. – 300 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 423 с.
3. Девкин В.Д. Порождение денотативных и коннотативных значений формальными средствами // Анализ текста. Лексика и лексикография. – М., 1989. – С.19-33.
4. Журавлев А.П. Аспекты значения слова и их восприятие // Восприятие языкового значения. – Калининград, 1980. – С.3-10.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
6. Маслова В.Л. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С.179-205.
7. Чернухина И.Я. Убеждение через форму изложения // Проблемы экспрессивной лингвистики. – 1992. – Вып.2. – С.35-42.
8. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
9. Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 369 с.

ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ЛЕКСИКОГРАФІЇ ПІВДЕННО-АФРИКАНСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ В КОНТЕКСТІ МОВНОЇ СИТУАЦІЇ

Особливістю Південно-Африканської республіки є поліетнічний характер її населення. Мовна ситуація, що складається в регіоні, характеризується постійними контактами між представниками різних етнічних груп. Зараз населення ПАР складають такі етнічні групи:

- а) африканці, які репрезентують декілька мовних співтовариств;
- б) індійські етнічні групи, що розрізняються за мовою й релігією;
- в) чорне населення, яке говорить англійською мовою і / або африкаанс;
- г) біле населення, носії англійської мови і / або африкаанс [1, 30].

Англійська мова знаходиться в постійному контакті з мовами банту і африкаанс. Деякі з запозичень носять характер оказіоналізмів, інші зайняли достатньо міцне становище в південноафриканському варіанті англійської мови, проте не вийшли за його межі, треті – надійно ввійшли до лексичної системи англійської мови й належать до базової лексики.

“Перевага англійської полягає в тому, що вона є єдиною мовою, що використовується при міжнародному спілкуванні

(бізнес і технологія). Цей фактор значною мірою сприяє зниженню тенденцій до асиміляції англomовного співтовариства на території Південної Африки.” (W.Branford цит. по [1, 30]).

Англійська мова на території ПАР не існує ізольовано від інших варіантів англійської мови. Відбувається взаємопроникнення лексичних одиниць. Південноафриканський варіант англійської мови негомогенний. Існує велика кількість різних територіальних й соціальних варіантів. Л.У. Ланхам розрізняє п'ять варіантів англійської, що функціонує на території Південної Африки (Lanham цит. по [1, 31]):

- а) індійська англійська (400 000 носіїв);
- б) африканська англійська (500 000 носіїв);
- в) англійська мова як друга для носіїв африкаанс (1 400 000 носіїв);
- г) англійська мова кольорового населення (точних даних немає);
- д) англійська як рідна мова (1 200 000).

Серед білого населення англійська мова є рідною менш, ніж для 40%. Носіїв англійської мови значно менше порівняно з тими, для кого рідною мовою є африкаанс. Так, наприклад, членами Націоналістичної партії є, в основному, носії африкаанс.

У 1822 році англійська була проголошена єдиною офіційною мовою Капської колонії. Становище різко змінюється зі створенням Південно-Африканського Союзу, який проголосив дві офіційних мови – англійську й африкаанс. У ХІХ ст. англійське й датське співтовариства були розділені географічно, що визначало практично повну відсутність мовних контактів. Проте, з початку ХХ ст. починається масове переселення африканерів у міста, що призвело до помірного білінгвізму. Л. Шлеммер відзначав, що 40% респондентів з англomовних сімей не володіють африкаанс достатньою мірою (Schlemmer цит. по [2, 32]). За лінгвістичною ознакою диференційована й освіта. У

суспільному житті африкаанс є мовою громадських закладів, в той час як такі сфери, як торгівля й промисловість обслуговуються англійською. Носії африкаанс вважають англійську необхідною умовою для досягнення успіхів у суспільній практиці, рівно оберігаючи африкаанс як символ своєї приналежності до певного співтовариства.

До цього часу південноафриканський варіант не одержав достатнього опису лексикографічними методами, був фрагментарно описаний в таких словниках як Oxford English Dictionary і Webster's New Third International Dictionary. У 1913 році виходить перший словник, що реєструє особливості південноафриканського узуса – Africanderisms. A Glossary of South African Colloquial Words and Phrases and of Places and Other Names (за редакцією Ч.Петмана). У передмові до цього словника його автори й укладачі як причину, що спонукала до замислу, висувають практично повну відсутність в OED, одному з найпопулярніших і найавторитетніших лексикографічних довідників, навіть найрозповсюдженіших південноафриканських термінів, таких як africanderism, africanderom, africanism. (Africanderisms. A Glossary of South African Colloquial Words and Phrases, 1913.) У даному словнику слово описано лексикографічними методами з точки зору орфографії, семантики й етимології, а також подані цитати з південноафриканських джерел. Схематично структурні елементи словникової статті можна подати так:

- а) головне слово, яке виділене жирним шрифтом;
- б) етимологічна характеристика слова, що інформує читача про те слово, з якого походить дана лексична одиниця;
- в) семантична характеристика слова подана тлумаченням, деколи з використанням синонімів; значення слова підтвержене вербальними ілюстраціями, які є цитами з різних південноафриканських письмових джерел, з вказівкою джерела цитуван-

ня і, в деяких випадках, дати (в основному, це інформація про найранішу згадку даної лексичної одиниці);

г) похідні слова до структури словникової статті не входять, а мають окремі статті;

д) практично відсутні стилістичні й граматичні примітки;

е) апарат посилань розроблений лише для посилань всередині самого слова.

До цього часу цей невеликий за обсягом лексикографічний довідник лишається єдиним словником, який реєструє національно-специфічний елемент у складі південноафриканського варіанта англійської мови.

У 1978 році був виданий словник *The Dictionary of South African English*. Автори й укладачі призначили свій словник для різних груп читачів:

а) для південноафриканців – носіїв англійської мови, які бажають удосконалювати свої знання в південноафриканському варіанті;

б) для туристів й емігрантів, які можуть зіткнутися в процесі спілкування з різними незнайомими термінами;

в) як посібник для зарубіжних студентів, які вивчають традиції, культуру й літературу Південної Африки [4].

До реєстру слів словника ввійшли національно-специфічні лексичні одиниці, характерні для південноафриканського варіанта англійської мови. Всі лексичні одиниці, включені до реєстру слів словника, були розділені на тридцять чотири категорії, що охоплюють всі сфери функціонування англійської мови в Південній Африці. Ці групи варіюються від “можливі форми звертання” до “література, освіта й мистецтво”, включаючи, при цьому, такі, як “їжа”, “церква й держава”, “тваринництво й домашні тварини”, “ігри, танці, розваги”, “здоров’я, настрої, медицина, чаклунство”, “світ Африки”, “місцевість і пейзаж”, “напої й паління” і т.д. У процесі складання цього словника, як

відзначають самі автори, категоризація лексичних одиниць була первинною стосовно до алфабетизації реєстру слів. Як джерела для вибірки лексичних одиниць виділяються два основні:

а) усне мовлення носіїв південноафриканського варіанта англійської мови;

б) література, створена в період розвитку англійської мови в Південній Африці.

Часто те чи інше вживання певної лексичної одиниці, за-реєстрованої в усному мовленні носіїв, знаходило потім підтвердження в письмових джерелах. Автори словника вважають також за необхідне розділити джерела за функціонально-стильовою приналежністю. З одного боку, це – художня література (південноафриканські оповідання, п’єси, романи й поезія), а з іншого боку, більш утилітарні джерела, які репрезентують інформацію про такі стилістичні шари, як газетний, публіцистичний (газети, книги рецептів і т.д.). Окремо слід виділити й таке джерело, як оповіді перших мандрівників – натуралістів, які прожили в Південній Африці недовгий час: Берчелла, Танберга, Колба, Спаррмена, Ле Вайана, Ліхтенштейна, Латроуба; а також тих людей, що прожили в Південній Африці достатньо тривалий час, а саме: місіонерів, колоніальної адміністрації, військовослужбовців і їх дружин, поселенців, а також таких дослідників Південної Африки, як Александер і Томпсон. Повний список джерел, за винятком словників і соціальних лінгвістичних видань, опублікований у додатку до словника.

У словнику також відображені деякі специфічні особливості граматичної будови південноафриканського варіанта англійської мови.

Більшість введень проілюстрована цитатами з сучасної літератури.

Достатньо широко у словнику використовується апарат посилань. У словнику використовуються два основні види посилань:

а) посилання на синоніми або на лексичні одиниці, які мають відношення до даного введення;

б) посилання на інші введення, в яких слово може бути подане в іншому (інших) контекстах.

Така структура апарату посилань дозволяє, з одного боку, дати максимально можливу інформацію про всі аспекти даного поняття, а з іншого боку, зареєструвати максимальну кількість значень.

Для словників, створених у рамках південноафриканської лексикографії, характерний ще один тип структури апарату посилань, так званий зовнішній апарат посилань, тобто використання при тлумаченні значень посилань на аналогічні поняття в інших варіантах англійської мови.

Для цього лексикографічного довідника характерним є максимально можливе вилучення з реєстру слів словника лексичних одиниць, які означають поняття, що належать до розрядів флори й фауни. Автори словника вважають за доцільне включення цих одиниць до реєстру слів через обмеження обсягу словника. Така ж політика проводиться і стосовно назв племен й імен людей.

Укладачам словника не вдалося виробити чітких принципів по введенню коллокалізмів. Очевидно, це зв'язано з недостатньою розробкою даної проблеми в південноафриканській англістиці, на відміну, наприклад, від англістики австралійської, де існує достатньо велика кількість серйозних досліджень з цього питання. До реєстру слів словника включена достатньо велика кількість застарілих й рідкісних слів. У такому виборі авторів виявився прагматизм. Словник розрахований на широкого читача, котрий, на думку авторів, швидше зацікавиться значенням або вживанням рідкісних або застарілих слів, ніж загальноживаних. Саме через це до реєстру словника включені деякі історичні й правознавчі терміни, слова, характерні для африкансь-

кого газетного стилю, деякі нестандартні варіанти, що використовуються фермерами.

Однією з найважливіших характеристик будь-якого лексикографічного філологічного довідника є примітки. Автори даного словника використали такі примітки як *colloq.*, *slang*, *rare*, *regional*, *substandard*. Примітка *colloq.* використовується як стосовно до введення і стосовно до окремого значення для відображення його неформальності; *slang* вживається для термінів настільки неформальних, що їх вживання в письмовому мовленні практично неможливе. Використання таких приміток як *rare* і *regional* здійснюється емпірично, на базі власного досвіду. Примітка *substandard* належить не до вокабуляру, як це існує в інших словниках, а до сфери вживання.

Авторам словника також довелося розв'язувати деякі проблеми, зв'язані зі специфікою південноафриканського варіанта англійської мови в галузі орфографії й орфоєнії.

У цілому структура словникової статті даного лексикографічного довідника складається з таких елементів:

а) заголовне слово, виділене жирним шрифтом;

б) фонетична транскрипція, що супроводжує в основному слова неанглійського походження;

в) граматична характеристика слова, а саме: вказівка на лексико-граматичний розряд, число, рід;

г) семантична характеристика слова й посилання (якщо необхідно);

д) етимологічна характеристика (в квадратних дужках);

е) ілюстративний матеріал у вигляді цитат.

З 1968 року велась підготовча робота по створенню словника *A Dictionary of South African English on Historical Principles*, який вийшов у світ у 1996 році. Відповідно до попереднього проекту словникова стаття містить інформацію про етимологію, вимову (де це необхідно), варіантах орфографії,

дані про перші джерела, в яких згадується дана лексична одиниця, стилістичні примітки, ілюстративний матеріал, а також посилання на інші словники, що містять інформацію про цю лексичну одиницю. До словника ввійшло 23 000 лексичних одиниць, які є специфічно південноафриканськими і репрезентують такі групи лексики: географічні назви, флора, фауна, міське життя, промисловість, відпочинок. Уільям Бранфорд виділив тридцять чотири тематичні категорії лексики, специфічної для південноафриканського способу життя "й практично невідомої за межами Південної Африки". (Branford, цит. по [1, 33]). У своїх тезах він дає повний опис методами лексикографії для 3 000 лексичних одиниць, які активно використовуються і в інших варіантах англійської мови, але мають специфічне значення в англійській мові Південної Африки.

Проаналізувавши основні лексикографічні довідники, ми прийшли до таких висновків.

1. Для південноафриканської англомовної лексикографії характерна наявність двох тенденцій у розвитку, які властиві й англомовній лексикографії в інших регіонах:

а) складання словників, які рееструють національно-специфічний компонент у складі місцевого регіонального варіанта;

б) складання словників місцевого узуса.

2. Хронологічно більш рання поява словника регіоналізмів характерна для Південної Африки, як і для Австралії чи Канади.

3. Структурні особливості південноафриканської лексикографії подані в таблиці 1.

4. Характерною рисою лексикографії у даному регіоні є широке використання посилань на авторитетні лексикографічні довідники, створені в межах британської й американської лексикографії.

Особливості лексикографічних довідників, створених в рамках англомовної лексикографії Південної Африки.

Розробка слова в структурі словникової статті	Pettman Dictionary	Dictionary of South African English
Орфоепічна характеристика	—	МФА
Місце похідних слів у структурі словникової статті	окремо	у статті
Невербальні ілюстрації	+	—
Наявність енциклопедичних свідчень	+	—
Використання синонімів у тлумаченні	+	+
Стилістичні примітки	—	+
Регіональні примітки	—	—
Використання цитат	+	+
Зовнішній апарат посилань	+	+

Література

1. Hartmann R.R.K. *Lexicography principles and practice*. — London, 1983.
2. Hartmann R.R.K. *Four perspectives on dictionary use: a critical review of research methods*. — London, 1987.
3. *Africanderisms. A Glossary of South African Colloquial Words and Phrases* /Ed. by Charlse Pettman. — London: Longmans, 1913.
4. Branford J. *A Dictionary of South African English*. 2nd ed. — Cape Town, 1980.

ДИСТРИБУЦИЯ И ВАЛЕНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Исследование любой языковой единицы с необходимостью подразумевает изучение как ее внутренних свойств, так и ее отношений с другими языковыми единицами того же уровня, поэтому отбор и классификация материала исследования “должны идти как в плане регистрации форм самого явления, так и моделей, отражающих определенные отношения исследуемого явления с другими языковыми единицами” [17, 21]. Такой подход к изучаемому материалу, его систематизации и теоретическому осмыслению известен в лингвистике как метод дистрибутивного анализа. “Всякий исследователь прежде всего расчленяет изучаемую им действительность, отделяет одни ее моменты от других и старается во что бы то ни стало внести раздельность в то, что раньше представлялось ему смутным и лишенным всяких определенных различий” [13, 147].

Под дистрибуцией обычно понимают сумму всех окружений, в которых встречается тот или иной языковой элемент, то есть сумму всех возможных позиций данного элемента относительно других элементов того же уровня [1, 40; 5, 48; 8, 225]. Следовательно, метод дистрибутивного анализа заключается в том, чтобы определить каждый элемент через мно-

жество окружений, в которых он встречается. Но такое понимание дистрибуции и сущности метода дистрибутивного анализа представляется односторонним, так как отражает только один аспект изучаемого явления – его внешние связи. Поэтому целесообразно говорить здесь о внешней дистрибуции. Лингвистическое же описание внутренних свойств исследуемого языкового явления (то есть качественно-количественных характеристик грамматических форм данной языковой единицы) можно было бы назвать внутренней дистрибуцией. Сходное понимание дистрибуции находим в работах А.А.Корсакова, Л.М.Финогиной и некоторых других исследователей. Естественно предположить, что если та или иная языковая единица имеет всегда только одну форму выражения (наприм., некоторые наречия, местоимения, числительные, т.п.), то необходимость исследования ее внутренней формы отпадает сама собой вследствие неизменности этой формы. Если же объектом исследования является, например, глагол, то количественное распределение в тексте его личных и неличных форм представляет значительный интерес. Так, по данным А.А.Корсакова [7, 67], внутренняя дистрибуция глагола *to have* реализуется в 15 видо-временных формах активного залога, в то время как для глагола *to get*, отмечает С.А.Лещинский [12, 199], характерно использование только в 10 видо-временных формах актива, включая императив. Ниже в Таблице 1 приводятся данные внутренней дистрибуции личных форм этих глаголов (поскольку объем сплошной выборки в обоих исследованиях одинаков и составляет 5000 отрезков речи, в целях экономии места в таблице приводятся только количественные данные в процентном соотношении, причем за 100% берется вся выборка, включая употребления неличных форм).

Внутренняя дистрибуция личных форм глаголов *have* и *get*
(по данным исследований А.А.Корсакова и С.А.Лещинского)

№ п/п	ФОРМА	HAVE		GET	
		%	PH	%	PH
1.	Past Indefinite	38,74	1	24,50	1
2.	Present Indefinite	24,90	2	16,04	3
3.	Future Indefinite	6,02	3	3,52	5
4.	Future Indefinite-in-the-Past	4,20	4	0,82	9
5.	Past Perfect	3,72	5	2,54	6
6.	Present Perfect	2,56	6	16,52	2
7.	Past Continuous	0,68	8	1,54	8
8.	Present Continuous	0,38	9	1,68	7
9.	Future Perfect-in-the-Past	0,20	10	0,30	10
10.	Present Perfect Continuous	0,12	11		
11.	Past Perfect Continuous	0,06	12	-	-
12.	Future Continuous	0,02	14	-	-
13.	Future Continuous-in-the-Past	0,02	14	-	-
14.	Imperative Mood	1,16	7	3,90	4
15.	Subjunctive I	0,04	13	-	-
Всего:		82,82		71,36	

Данные таблицы 1 позволяют судить о различиях во внутренней дистрибуции приведенных в качестве примера глаголов. Если же учесть, что некоторые личные глагольные формы реализуются в двух и более вариантах (Present Indefinite – *have, has; get, gets*; Future Indefinite – *shall/will have; shall/will get*; Future-in-the-Past Indefinite – *should/would have; should/would get*; Present Perfect – *have had, has had; have got, has got, etc.*), то можно говорить о 24 (для глагола *have*) и 19 (для глагола *get*) различных внутренних структурах исследуемых глаголов.

Внешняя дистрибуция глагола *have*, по данным А.А.Корсакова [7, 73], представлена 14 основными морфолого-синтаксическими моделями. Под моделью в лингвистике принято понимать “схему или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих её частей” [14, 132]. Модели записываются символами грамматических классов (подклассов), исследуемое же слово и некоторые служебные даются в обычной транскрипции. Так получают дистрибутивную формулу слова. Вот как выглядит таблица внешней дистрибуции глагола *have* (в работе А.А.Корсакова эта таблица имеет название “Основные морфолого-синтаксические модели с глаголом *have*”):

Таблица 2

Внешняя дистрибуция личных форм глагола *to have*
(по данным А.А.Корсакова)

№	Основная морфолого-синтаксическая модель	Кол-во случаев	% от 5000
1.	A has B	2373	47,46
2.	A has + to-Infinitive	995	19,90
3.	A has /x + N /	480	9,60
4.	A has N + to-Infinitive	384	7,68
5.	A has (N + D)	250	5,00
6.	A has (N + P II)	135	2,70
7.	A has Pron	95	1,90
8.	A has (N + P I)	45	0,90
9.	A has (N + too – Infinitive)	42	0,84
10.	A has (N + Adj)	31	0,62
11.	A has (N + Phr)	21	0,42
12.	A has Clause	5	0,10
13.	A has N + Gerund	4	0,08
14.	A has (N1 + N2) / (N1 + N2)	3	0,06
Всего:		4863	97,26%

где: А – группа подлежащего;
В – группа сказуемого;
N – субстантив;
D – наречие; P I – причастие I;
P II – причастие II;
х – модификатор субстантива;
to-Infinitive – инфинитив с частицей to;
too-Infinitive – инфинитив без частицы to;
// – структура модификации;
[] – структура вторичной предикации;
/ – “или”;
Phr – сочетание слов, не являющихся структурой предикации.

Прием дистрибутивного моделирования нашёл широкое применение в лексикографии для показа функционирования слова и его сочетаемости.

Сочетательные способности слова (или другой языковой единицы), его способность “встречаться” с другими элементами того же уровня называют также валентностью [11, 15].

Термин “валентность”, как известно, заимствован в лингвистику из химии, где он используется для обозначения способности атома того или иного химического элемента вступать в химические связи с другими атомами. В данной работе под валентностью языковой единицы понимается её способность сочетаться с другими языковыми единицами того же уровня с различной степенью когезии.

Различают валентность синтаксическую и лексическую. Синтаксическую валентность того или иного слова можно определить как набор, ряд имеющихся при данном слове его синтаксических распространителей, “позиций”, которые при использовании данного слова в речи заполняются другими лексемами. Лексическая валентность — это открытые либо закрытые наборы, ряды слов, семантически связанные/соотносимые с данным словом и способные заполнять его позиции [10, 102].

Однако слова в языке связаны не случайными, но определенными отношениями, именно поэтому язык есть система. “Системность как важнейшее свойство языка проявляется в том, что его элементы составляют комплексную когерентную структуру, уровни которой определяются взаимодействием этих элементов” [18, 18]. Ограничения на сочетаемость слов наблюдаются как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях. Анализ синтаксической сочетаемости английского глагола отражает закономерности сочетаемости компонентов валентностных структур глагола. Так, например, наличие субъектного компонента исключает возможность одновременного использования и объектного компонента и/или адвербиального компонента и/или адвербиального модификатора образа действия. Невозможно также “соседство” при одном и том же глаголе в рамках одного и того же предложения глагольного компонента и предикатива (см. подробнее: [4]). Несочетаемость лексическая есть несочетаемость слов в смысловом отношении [14, 150]. Так, например, глагол “убеждать” на синтаксическом уровне требует после себя субстантивного объектного компонента, а на лексическом уровне лексема-восполнитель должна в обязательном порядке включать семы (+ одушевлённость), (+ человечность), (+/- нарицательность), (+/- счисляемость), (+/- женскость), (+/- единичность), например:

Вы убедили (мою маму; Петра Иванова; избирателей;...)

НО: Вы убедили (моих рыбок; мой компьютер; ...)
[19, 370].

Очевидно, что восполнители языковой единицы (в нашем случае – глагола) как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях “прогнозируются” семантикой этой единицы. Именно поэтому говорят, что валентность есть свойство значения.

М.Д. Степанова, внесшая значительный вклад в теорию и методику валентностного анализа, считает валентностный анализ частным случаем дистрибутивного [16]. И.В. Арнольд, указывая на сходство валентностного и дистрибутивного анализов,

отмечает, что “с таким же успехом можно было бы считать дистрибутивный анализ частным случаем валентностного” [1, 45]. Естественно, что здесь имеется в виду внешняя поверхностная дистрибуция языковой единицы.

На наш взгляд, валентность и дистрибуция взаимосвязаны, при этом понятие “валентность” несколько уже понятия “дистрибуция”: первое включает лишь обязательные “партнёры” исследуемой единицы, в то время как под вторым понятием подразумевается совокупность всех окружений исследуемой единицы, в том числе и не прогнозируемых семантикой этой единицы, то есть факультативных компонентов. При изучении семантики слова дистрибутивный анализ представляет собой первый этап исследования. “Классификация языковых форм, осуществляемая методом дистрибутивного анализа, является основой классификации значений этих форм. Однако критерий распределения является недостаточным для разграничения отдельных значений слова” [2, 8] и только лишь сочетание метода дистрибутивного анализа с другими методами, в том числе и валентностного анализа, предоставляет исследователю объективные данные относительно изучаемой языковой единицы.

Как и дистрибутивный метод, метод валентностного анализа хорошо поддаётся формализации как на конструктивном, так и на семантическом уровне организации предложения. Первый уровень относится к плану выражения, второй — к плану содержания.

С позиций конструктивного синтаксиса язык рассматривается как структура, как “сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы, упорядоченных и находящихся в иерархической зависимости в пределах определенных уровней” [5, 45]. Понятие “структура” здесь кладется в основу всех построений. В английском языке, например, различные модели предложений могут быть сведены к четырём синтаксическим структурам – структуре предикации, структуре комплементации, структуре модификации и структуре координации. Анализ ком-

понентов элементарных синтаксических структур позволил нам [3, 61] несколько уточнить традиционное деление на члены предложения и рассматривать следующие девять членов предложения: 1) подлежащее (S), 2) сказуемое (P), 3) комплементируемый глагол (Vc), 4) предикатив (Cs), 5) объектный комплемент (Co), 6) глагольный комплемент (Cv), 7) адвербиальный комплемент (Cd), 8) атрибутивный модификатор (Ma) и 9) адвербиальный модификатор (Md). “Вовлечёнными” в синтаксическое окружение глагола оказываются (в разной степени) все выделенные выше члены предложения, за исключением, естественно, атрибутивного модификатора [15, 286]. Компонентами же валентностных структур глагола сказуемого выступают подлежащее (левосторонняя валентность) и различные виды комплементов (правосторонняя валентность). В связи с факультативным характером адвербиальный модификатор не включается в модели валентностных структур глагола.

Модели валентностных структур того или иного глагола и модели его внешней дистрибуции различны. Последние всегда доминируют в количественном отношении за счет того, что при формализации внешней дистрибуции глагола учитываются в первую очередь морфологические характеристики слагаемых окружения, иначе — их частеречная отнесенность. Для конструктивного синтаксиса, однако, больший интерес представляет структурно-функциональная нагруженность слагаемых глагольного окружения, то есть их синтаксическая функция в предложении. Так, приведенные выше 14 моделей внешней дистрибуции глагола *have* могут быть сведены к трем моделям валентности этого глагола:

1) S – Vc – Co (модели 1, 3 – 8, 10 – 14); 2) S – Vc – Co compl (модель 9); 3) S – Vc — Cv (модель 2), где Co compl объектный комплемент, называемый “сложное дополнение”, Vc — здесь: глагол *have*. Ещё пример. Л.Л.Ивченко в диссертации, посвященной изучению семантической структуры глагола *take* в современном английском языке, приводит 12 моделей внеш-

ней дистрибуции исследуемого глагола, представленных 43 вариантами [6]. Анализ же валентности глагола *take* на синтаксическом уровне позволил выделить лишь 5 моделей валентностных структур этого глагола, представленных 12 вариантами [10, 102-104]. Такое расхождение в количестве моделей объясняется отсутствием однозначного соответствия “часть речи::член предложения”. Любой член предложения может быть представлен более чем одной частью речи, и, наоборот, одна и та же часть речи может выполнять различную синтаксическую функцию (в различных предложениях, разумеется).

Семантический уровень синтаксиса относится, как уже отмечалось, к плану содержания, обеспечивая передачу внешне-ситуационных отношений, “ролей” участников ситуации, поскольку именно ситуация является референтом высказывания. Предложение выражает минимум одну ситуацию, отражая, в конечном итоге, существование (в философском смысле) вещей, их свойств и отношений. Каждый из семантических актантов “играет” определенную роль, обозначая языковую семантику высшей степени абстракции, как, например, “деятель”, “действие”, “объект действия”, “место действия” и т.п. Перечень семантических ролей, впервые разработанных Ч.Филлмором, в настоящее время несколько расширился (наиболее полный из известных нам перечень ролей см. [20, 16]).

При формализации реализованных в речи валентностных потенций языковой единицы (здесь – глагола сказуемого) в соответствии с поставленными перед исследователем целями и задачами могут быть учтены и характеристики семантической структуры предложения. Другими словами, каждый компонент валентностной структуры глагола помимо экспликации его синтаксической функции/функций может получать графическое представление его семантической функции/функций. Так, предложение *He gave me a book* с точки зрения валентности глагола на конструктивном уровне может быть представлено формулой

S – V – Co1,

Co2

где Co1 и Co2 – некоординированные объектные комплементы.

То же предложение на семантическом уровне организации имеет такой вид:

S ag — V — Co benef,

Co obj

где подстрочные индексы обозначают: ag – агентив (агенс), производитель действия, одушевленный аргумент; benef – бенефактив (бенефициатив), получатель (адресат) действия, одушевленный аргумент; obj – объект (объектив) действия, неодушевленный аргумент.

Иногда может иметь место наложение семантических (так же, как и синтаксических) функций. Ярким примером здесь служат предложения, осложненные комплексами. Например, в предложении *He wanted me to leave* конструкция *me to leave* выполняет синтаксическую функцию объектного комплемента глагола *wanted* и в то же время представлена структурой (вторичной) предикации, где местоимение *me* выполняет синтаксическую функцию (вторичного) подлежащего, а инфинитив – синтаксическую функцию (вторичного) сказуемого. С точки зрения семантической структуры этого предложения местоимение *me* выполняет двойную функцию – функцию пациенса (по отношению к первичной структуре предикации) и функцию агенса (в рамках вторичной структуры предикации):

agent	action/state	patient	
<i>He</i>	<i>wanted</i>	<i>me</i>	<i>to leave</i>
		agent	action/state

Очевидно, что слова в предложении связаны сложными отношениями друг с другом, обусловленными сложной семантической организацией слова как центральной языковой единицы. Все слова и формы слов, имеющие самостоятельное структурно-смысловое значение, характеризуются неповторимыми соче-

тательными способностями (валентностью) на разных уровнях формирования предложения – логическом, семантическом и синтаксическом. Валентностный потенциал слова предопределяет место этого слова в предложении и прогнозирует его сочетаемость. Реализация валентности языковой единицы составляет основу её дистрибутивной модели, но не может быть сведена к последней, поскольку дистрибуция подразумевает сумму всех возможных окружений исследуемой единицы, включая и её факультативных распространителей.

Литература

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1991.
2. Горшкова К.А. Имя существительное широкой семантики thing в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1973.
3. Домброван Т.И. Проблема грамматической классификации глагола в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1996.
4. Домброван Т.И. О некоторых закономерностях синтаксической сочетаемости английского глагола // Записки з загальної лінгвістики. – Вип. 1. – Одесса, 1999.
5. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований: Учебн. пособие. – К., 1995.
6. Ивченко Л.Л. Значение и употребление глаголов объемной семантики в современном английском языке (семантика английского глагола to take): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1980.
7. Корсаков А.А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола to have в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1979.

8. Кочерган М.П. Загальне мовознавство. – К., 1999.
9. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства. – К., 2000.
10. Кошелая Н.Л. Валентностный потенциал глагола объемной семантики to take в современном английском языке // Записки з романо-германської філології. – Вип. 5. – Одесса, 1999.
11. Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Докл. на конф. по обработке и информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. – М., 1961.
12. Лещинский С.А. Сравнительная статистическая характеристика грамматических форм глагола to get // Записки з романо-германської філології. – Вип. 3. – Одесса, 1998.
13. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.
15. Сосницкий И.А. Слагаемые синтаксического окружения английского глагола // Іноземна філологія на межі тисячоліть: Тези доповідей міжнар. науков. конференції. – Харків, 2000.
16. Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. – М., 1973.
17. Фиогилина Л.М. Функционирование и грамматический статус лексемы it в современном английском языке. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1982.
18. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. – Харьков, 1998.
19. Radford A. Transformational Grammar: A First Course. – Cambridge, 1995.
20. Sgall P. Revisiting the classification of the dependents (Interesting results and tempting topics for further research) // Issues of valency and meaning. Studies in honour of Jarmila Panevova. – Prague, 1998.

ПРО ДИСКУРСИВНІ АСПЕКТИ ЕТИКЕТИЗАЦІЇ АНГЛОМОВНОГО НАУКОВОГО ДИСКУРСУ

Характерною особливістю сучасного англо-американського наукового дискурсу є індикація метадискурсивних стратегій, яка є важливою макростратегією етикетизації цього типу дискурсу. Звичайно розрізняють текстуальний метадискурс та інтерперсональний метадискурс. До текстуального метадискурсу зокрема належать текстуальні конектори (*first, next*), кодові глоси (*X means Y*), ілокутивні маркери індикації мовленнєвих актів (*to sum up, to give an example*), наратори (*according to X*), а до інтерперсонального метадискурсу – маркери валідності (*might, perhaps*), маркери емпізи (*clearly, obviously*), атрибутори (*according to X*), маркери відношення автора до змісту пропозиції (*surprisingly, it is fortunate that*), маркери залучення читача до діалогу шляхом коментарів типу *you may not agree that...*, *you may wish to read the last section first...* [8].

Наведену класифікацію варто доповнити такими маркерами інтерперсонального метадискурсу, що передають відношення автора до змісту пропозиції, як апроксиматори (*almost, nearly entirely*) та маркери інтерперсонального метадискурсу, що передають поступку та протиставлення (*though, although, even though, albeit, on the other hand, however, nevertheless, notwithstanding*), деперсоналізації (*one can see, it is believed*),

різноманітні засоби передачі ввічливості (наприклад, некатегоричне заперечення, комплімент). На наш погляд, не варто розділяти наратори та атрибутори, а радніше вважати останні маркерами інтерперсонального метадискурсу, що позначають експліцитні посилання. Такий підхід видається правомірним зокрема й з огляду на те, що зазначені нами маркери інтерперсонального метадискурсу виступають водночас як засоби етикетизації наукової прози. Варто відзначити важливий момент стосовно передачі ввічливості як основного засобу етикетизації наукового дискурсу. Розуміючи ввічливість англомовного наукового дискурсу досить широко – насамперед як некатегоричність номінації, ми все ж вважаємо за доцільне віднести до засобів етикетизації і деякі елементи категоричної номінації, наприклад, емпатичні фрази. Основні типи метадискурсивних маркерів, що вживаються у англомовній науковій прозі, підсумовано у таблиці:

Метадискурсивні маркери

Текстуальні	Інтерперсональні
конектори (маркери послідовності, адитивності тощо)	маркери відношення автора до змісту пропозиції (маркери валідності, засоби емпізи, маркери апроксимації тощо)
кодові глоси	маркери деперсоналізації
ілокутивні маркери (екземпліфікація, підсумування тощо)	маркери поступки та протиставлення
	маркери посилання
	інші засоби

Дискурсивні підходи до аналізу наукової прози (які передбачають обов'язкове урахуванням контексту культури та контексту ситуації – поля, тенора та способу дискурсу, ідеаційної, інтерперсональної та текстуальної метафункції) дозволяють виявити її важливі ознаки, зокрема специфічні статусні відносини комунікантів. Соціальний статус – це інтегративний показник становища соціальної групи та її представників у суспільстві, що визначає взаємини та зв'язки індивідів, та зумовлює певний набір динамічних соціальних ролей, у яких втілюються ситуативні стандарти поведінки [2, 1].

Аналіз статусних відносин у науковому дискурсі дозволяє виявити специфічні жанрові ознаки саме наукового стилю. Статусні відносини як прояв тенору дискурсу та інтерперсональної метафункції у науковому дискурсі почасти визначаються і ступенем освіти адресата та адресанта, і їх приналежністю до певної групи/спільноти. Так, відношення між адресатом та адресантом у контексті наукової статті базуються на рівноправних ролях комунікантів і є статусно симетричними. Наприклад, автор наукової статті і/або монографії веде діалог з читачем як рівний з рівним, а отже, адресат і адресант знаходяться у рівноправних статусних відносинах (*peer relationship*). Дещо відмінну ситуацію спостерігаємо у випадку підручника, коли автор має вищий статус порівняно з читачами, адже одна з найголовніших цілей підручника, особливо шкільного, донести до читача систематичний виклад основ знань у певній галузі науки (*mentor – student relationship*). І навіть коли йдеться про вузівські підручники, у яких маємо справу вже не з основами науки, а власне з наукою як такою, все ж статусні відносини між автором та аудиторією у випадку підручника не такі рівноправні, як у випадку наукової статті або монографії, хоча можна сказати про те, що у підручнику, особливо вузівському, простежується тенденція до вирівнювання статусних відносин комунікантів. У такому жанрі,

як наукова рецензія, статус учасників дискурсу є нерівноправним з огляду на роль рецензента як потенційного критика роботи інших. Мабуть, найбільш рівноправними є статусні відносини учасників наукових конференцій, зважаючи на специфіку таких зібрань як форумів рівноправних учасників з метою вільного обміну думок з певної проблеми. Нерівноправні статусні відносини, або явище статусної асиметрії наукового дискурсу, не шкодить успішності комунікації завдяки очікуваності, передбачуваності та регламентованості ряду жанрів наукової прози. Статусна асиметрія не завжди відповідає рольовій асиметрії (хоча обидва явища і відносяться до тенору дискурсу) – так, наприклад, у жанрі наукового інтерв'ю комуніканти мають рівноправний статус, у той час, як ролі учасників інтерв'ю характеризуються певною асиметричністю: той, хто ставить запитання, не відповідає на них, а той, хто відповідає на запитання, як правило, їх не ставить. Відзначимо, що у випадках як рівноправного, так і нерівноправного статусу, стосунки між автором та аудиторією є певною мірою віддаленими, дистанційованими, і, звичайно, ввічливими, причому засоби передачі ввічливості у науковому дискурсі можуть бути як експліцитними, так і імпліцитними. Отже, у науковому дискурсі спостерігається варіативність соціального статусу учасників дискурсу. Така ознака є важливою дискурсоутворюючою рисою та може бути визнана однією з рис, що визначають жанрову варіативність наукової прози. Зазначимо принагідно, що засоби вираження категорії ввічливості (зокрема, різноманітні засоби хеджінгу), котрі реалізують як інтерперсональну, так і текстуальну метафункції, також варіюють залежно від жанру наукового дискурсу.

На розвиток та становлення англо-американського наукового дискурсу значною мірою вплинули етнокультурні та історичні фактори. Його сучасний стан – результат довгого еволюційного процесу. Проаналізувати специфічні його особливості з

огляду на зазначені фактори та лінгвометодичні аспекти викладання EAP (*English for Academic Purposes*) та ESP (*English for Specific Purposes*) є надзвичайно актуальним завданням, зокрема, з огляду на статус англійської мови як важливого засобу міжнародного наукового спілкування.

Виходячи з того, що дискурс – це певне співвідношення творення та відтворення [1, 9], можемо стверджувати, що науковий дискурс існує у процесі відтворення певних усталених форм (але не змістів) та творення нових змістів і форм. Науковий дискурс є відображенням об'єктивної наукової картини світу, що здобуває своє специфічне дискурсивне втілення у етнічних мовах. Останнє зумовлене насамперед історичними, культурними та освітніми традиціями, що склалися у певній мові та особливостями функціонування дискурсивних спільнот у певних галузях знань.

Термін “дискурсивна спільнота”, який стосується насамперед соціориторичної сфери, запропонований Д. Свейлзом, є ключовим для визначення поняття дискурсивних очікувань. Така дискурсивна спільнота має власні лінгвістичні правила і норми використання мови, дотримується єдиних дискурсивних та жанрових традицій і принципів, що зумовлюються комунікативними цілями, механізмами комунікації та інформаційного обміну між членами спільноти, надає перевагу певним лексичним мовним одиницям та допускає членство у ній як новачків, так і експертів [7, 23-27]. Дискурсивна спільнота є відкритою й динамічною, вона може складатись з низки великих та малих груп [6], її важливою рисою є обізнаність членів спільноти з новітніми розробками у галузі – за термінологією Ч. Базермана – *conversations of the discipline* [4]. На нашу думку, варто додати до рис дискурсивної спільноти наявність певних правил етикету, що їх мають дотримуватись члени спільноти незалежно від свого соціокультурного походження – з огля-

ду на виявлення поваги, солідарності тощо. В англо-американському науковому дискурсі до таких важливих етикетних особливостей належить ввічливе зменшення категоричності висловлення, що передається за допомогою різноманітних засобів (некатегоричного заперечення, низки засобів хеджінгу тощо). Про справді важливу роль таких елементів дискурсу свідчать зокрема показові приклади, котрі стосуються редагування англійського наукового тексту, написаного особою, для якої англійська мова не є рідною – NNS(s) – *non-native speaker(s)*, які наводить, але не пояснює (з філологічної точки зору) Д. Флауердью у своїй статті [5]. Автор обмежується зауваженням про те, що текстам, написаним особою, для якою англійська мова не є рідною, бракує “зрозумілості” (*comprehensibility*). А проте навіть побіжний аналіз свідчить про виняткову значущість засобів етикетизації англійського наукового дискурсу, зокрема засобів хеджінгу:

Example 1

Author (NNS – розрядка моя. – О.І.):

The question is whether the media would continuously be a companion of pro-status quo camp during the late political transition or after the Communist Party has taken over. What will be the treatment of the media upon the various interest groups when they entered the establishment after winning the district board elections?

In-house editor:

This article seeks to anticipate whether the media will continue to lean toward the pro-status quo camp and the public under Chinese rule. (підкреслено мною. – О.І.)

У наведеному випадку зустрічасмо дві мовні одиниці – засоби передачі хеджінгу (маркери епістемічної модальності,) які

навіть об'єднані у ланцюжок (або кластер) – *seek + anticipate*, котрі не тільки позначають мету дослідження, а й водночас передають гіпотетичну ймовірність істинності результатів дослідження, імплікують потенційну можливість інших висновків. Окрім того, у відредагованому варіанті спостерігаємо ще й ознаки лінеарності (більш чіткої структурованості, відповідне скорочення власне обсягу повідомлення).

Звичайно, не всі автори англомовних наукових публікацій є носіями англійської мови, проте, якщо вони справді мають намір стати членами англомовної наукової дискурсивної спільноти, вони мусять дотримуватись певних правил та законів побудови саме англомовного наукового дискурсу – насамперед з огляду на дискурсивні очікування англо-американської наукової дискурсивної спільноти, що зумовлюються особливостями функціонування дискурсивної та дисциплінарної спільнот.

Сьогодні стає все більш очевидним той факт, що для справжнього володіння фаховою іноземною мовою (зокрема письмовою) у певній дисциплінарній спільноті треба знати й дотримуватись певних усталених правил побудови дискурсу у певній мові, певній галузі знань та певному підтипі наукового дискурсу, бути знайомим з особливостями наукових текстів різних жанрів та зважати на відповідні етикетні моменти. Саме такий підхід зможе гарантувати адекватне сприйняття й розуміння доробку автора відповідним адресатом. Справді, коли йдеться про сприйняття певного наукового доробку, “визначальним для сприйняття залишається обсяг загальних знань, стандартів, які задані системою й традицією, що існує...” [3, 119]. До таких усталених традицій належить і специфічний етикет, який відіграє важливу роль в організації наукового дискурсу, зокрема англомовного.

Література

1. Бурбело В.Б. Художній дискурс в історії французької мови та культури 9 – 18 ст.: Автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.02.05/ Київський ун-т ім. Т.Г.Шевченка. – К., 1999. – 36 с.
2. Скідченко О.А. Мовні засоби вираження соціального статусу в сучасній англійській мові: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.04 / Київський ун-т ім. Т.Г.Шевченка. – К., 1997. – 19 с.
3. Славгородская Л.В. Научный диалог. – М.: Наука, 1986. – 166 с.
4. Bazerman C. A relationship between reading and writing: the conversational model // *College English*. – 1980. – No. 41. – P. 656 – 661.
5. Flowerdew J. Discourse community, legitimate peripheral participation, and the non-native-English-speaking scholar // *TESOL Quarterly*. – 2000. – Vol. 34. – No. 1. – P. 127 – 150.
6. Prior P. A. Writing/disciplinarity: a sociohistoric account of literate activity in the academy. – Mahwah, N.J.: L. Erlbaum Associates, 1998. – 333 p.
7. Swales J. Genre analysis. English in academic and research settings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
8. Vande Kopple W.J. Some exploratory discourse on metadiscourse // *College composition and communication*. – 1985. – No. 36. – P. 82 – 93.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ В.СКОТТА

Исторический роман с точки зрения лингвостилистики характеризуется семантико-стилистическим объединением определенной жанрово-маркированной лексики, создающей конкретно-исторический колорит эпохи согласно принципам эстетики и исторической стилизации литературного языка и обеспечивающей главную сюжетную линию, развивающую исторический конфликт.* В художественном изображении исторической эпохи важная роль принадлежит архаизмам и историзмам, которые в силу своей концептуальной значимости в историческом романе приобретают статус жанрово-маркированной лексики. Историзмы и архаизмы как вид лексических единиц образуют инвариантную лексико-понятийную модель исторического романа, которая воплощается во множестве конкретных вариантов в различных произведениях и изменяется вместе с развитием истории и эволюцией самого жанра [13, 107].

* Под жанрово-маркированными лексемами понимаются частотные лексемы, обладающие позиционным, семантическим сходством, являющиеся неотъемлемым элементом структуры текста и способствующие консолидации жанра как типа проблемно-тематического и композиционного единства и выполняющие текстообразующую и коммуникативную функцию.

Как в отечественном, так и в зарубежном языкознании не сложилось достаточно четких представлений о лингвистическом статусе историзма. Многие исследователи сходятся на характеристике историзма как маркированном временем языковым элементе, хронологическая информация которого актуализируется в семе "прошлое", которая появляется вследствие старения не слова, а его референта, и которая свидетельствует о выходе обозначаемого (референта) из активной общественной практики языкового коллектива и имплицитно относит данный референт к истории общества [4, 4; 5, 51; 12, 47]. Расхождения возникают в пределах триады "историзм – реалия – термин"**; при этом основными признаками для разграничения указанных понятий в пределах данной триады, как правило, считаются:

- 1) контекст;
- 2) сфера применения (стиль литературы: художественный или научный);
- 3) национальный и исторический оттенок (местная и временная окраска) [2, 5; 3, 249; 9, 152].

Исходя из вышеназванных критериев, остановимся подробнее на различиях между термином и реалией с целью более четкого терминологического определения предмета нашего исследования: жанрово-маркированная лексика исторического романа – историзм, реалия, термин, историческая реалия, исторический термин.

Реалии и термины различаются по происхождению. Многие термины создаются искусственно для наименования понятий (в качестве строительного материала используются морфемы латинского и греческого языков) или путем опять-таки сознательного переосмысления уже существующих слов [8, 72],

** См., например, определение историзма как исторического термина [10; 12].

в то время как реалии возникают всегда путем естественного словотворчества. И это вполне понятно: “реалии – народные слова, тесно связанные с бытом и мировоззрением создающего их народа” [3, 251].

От термина нельзя ожидать “национальной принадлежности”: независимо от своего происхождения он – достояние всего человечества. Реалия же принадлежит народу, в языке которого она родилась [3, 250; 11, 103]. Реалии отражают специфику его жизни, общественных и культурных явлений, что подтверждается следующим определением: “реалия – это номинативная единица, ядерным компонентом лексического значения которой является национально-культурный компонент” [2, 5].

Термин – это номинативная единица, обозначающая научное понятие, в котором отражены существенные свойства и характеристики объекта [3, 119; 7, 158; 8, 71]. Ядерным компонентом лексического значения термина является научно-профессиональный компонент. Характерной особенностью термина является то, что он обязательно входит в определенное терминологическое поле, или терминологическую систему. Это означает, что понятие, которое обозначает термин, может быть раскрыто только с позиции определенной теории.

Термин как элемент подязыков науки, лишенный национальной и/или исторической окраски, в подавляющем большинстве случаев выполняет номинативную функцию; попадая в текст иного жанра, он приобретает, кроме того, и роль средства для осуществления тех или иных стилистических задач [3, 250]. Реалия же большей частью связана с художественной литературой, где представляет собой одно из средств передачи местного и временного колорита, в научном тексте реалии нередко играют роль “заурядных терминов” [1, 209; 7, 189].

На основании вышеизложенного, представляется правомерным и целесообразным рассматривать функционирование исто-

ризма в научно-историческом исследовании, например, в учебнике истории – как исторического термина, который выполняет ту же функцию, что и термины других наук – конкретное называние исторических событий, явлений, понятий.

Исследуя ИР, мы, соответственно, имеем дело не с историческими терминами, а с историческими реалиями, поскольку в данном случае историзм выполняет иную функцию, а именно – вносит национально-исторический колорит, формирует временной фон повествования [5, 52; 6, 26].

Таким образом, жанрово-маркированная лексика исторических романов В.Скотта представлена, наряду с архаизмами, историческими реалиями – хронологически маркированными номинативными единицами, обозначающими устаревшие референты, содержащими в структуре своего значения национально-культурный компонент и дополнительную сему “прошлое”, характеризующимися специальной сферой употребления (художественная литература).

Анализ 13 исторических романов В.Скотта (методом сплошной выборки нами отобран корпус исторических реалий в объеме 4073 словоупотребления) позволил выделить два типа исторических реалий в зависимости от их функционирования в тексте:

1. Одновременные исторические реалии – исторические реалии, называющие понятия, существующие в исторической эпохе, изображенной в романе.

“This urchin being sent far from stubble-field, was hastily muffled in the buff coat, and girded rather to than with the sword of a full-grown man, his little legs plunged into jack-boots, and a steel cap put upon his head, which seemed, from its size, as if they were going to extinguish him” [16, 18].

Исторические реалии *buff coat* “кожаный плащ”, *jack-boots* “ботфорты”, *steel cap* “шлем” являются одновременными по от-

ношению ко времени, изображенному в романе – 1679 году. Они прямо связаны с изображенной в романе действительностью, поскольку вышеперечисленные наименования одежды в целом характерны для 17 века. Одновременные исторические реалии зарегистрированы во всех исследованных исторических романах В. Скотта, при этом необходимо отметить: чем ближе изображаемая историческая эпоха ко времени написания исторического романа, тем ниже частотность одновременных исторических реалий.

Отдельной разновидностью одновременных исторических реалий являются **исторические реалии-онимы**, представляющие собой имя персонажа:

"To extricate himself from the stirrups and fallen steed, was to the Templar scarce the work of a moment; and stung with madness, both at his disgrace and at the acclamations with which it was hailed by the spectators he drew his sword and waved it in defiance of his coqueror" [14, 70].

Вводя историческую реалию-оним в повествование, автор конкретизирует, делает определенный акцент на изображаемое время.

Исторические реалии-онимы представлены тремя типами:

- 1) название человека по его национальной принадлежности: (*Varangian, Frank, Saxon, Norman, Anglo-Norman, Nazarene*);
- 2) название человека по его политическим убеждениям: (*Whig, Tory, Jacobist*);
- 3) название человека по его профессионально-религиозному статусу (*Friar, Templar*)

Исторические реалии-онимы прямо связаны с исторической эпохой, изображенной в романе. За счет их частой повторяемости в ряде романов увеличивается общая частотность исторических реалий. Наиболее показательными в этом отношении являются романы "Айвенго" ("Ivanhoe") и "Граф Роберт Парижский" ("Count Robert of Paris"), где исторические реалии-

онимы составляют 67,3% и 74,6%, соответственно, от общего количества функционирующих в романах исторических реалий. В связи с этим, общая частотность исторических реалий в вышеуказанных романах – 2,64 ("Айвенго") и 5,28 ("Граф Роберт Парижский") единиц на 1 страницу текста – превышает показатели по другим романам.

2. Ретроспективные исторические реалии – исторические реалии, называющие устаревшие референты по отношению к изображаемому историческому времени, и поэтому уже не существующие в описываемой в историческом романе эпохе. Являясь реликтами прошлых этапов развития общества, ретроспективные исторические реалии косвенно связаны с изображаемой в историческом романе эпохой. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от одновременных исторических реалий, которые зарегистрированы во всех без исключения исследованных произведениях, ретроспективные исторические реалии функционируют главным образом в исторических романах В. Скотта на тему современности (по отношению ко времени жизни автора), например, "Сен-Ронанские воды" ("Saint Ronan's Well"), "Антиквар" ("The Antiquary"), либо в романах, изображающих "близкое" прошлое – "Роб Рой" ("Rob Roy"), "Уэверли" ("Waverly").

Наиболее высокая частотность ретроспективных исторических реалий зарегистрирована в романе "Антиквар" ("The Antiquary") – 48,2% от общего количества исторических реалий, функционирующих в указанном романе, где их употребление детерминировано сюжетом романа. Главный герой романа Антиквар по роду своей профессиональной деятельности имеет дело с предметами, не существующими в изображенной действительности, а относящимися к далекому прошлому. Ретроспективные исторические реалии употребляются автором в следующих случаях:

⇒ описание интерьера, архитектуры, в которых сохранились реалии прошлых этапов развития общества:

"One end was entirely occupied by book-shelves, greatly too limited in space for the number of volumes placed upon them, which were, therefore, drawn up in ranks of two and three files deep, while numberless others littered the floor and the tables, amid a chaos of maps, engravings, scraps of parchment, fundless of papers, pieces of old armour, swords, dirks, helmets and Highland targets" [15, 21].

"Lord deliver me from this Gothic generation – a monument of a knight-templar on each side of a Grecian porch, and a Madonna on the top of it" [15, 121].

⇒ воспоминания героев о прошлых временах:

"Each printer in these days, as I have already informed you, had his device, his impresa, as I may call it, in the same manner as the doughty chivalry of the age, who frequented tilt and tournament" [15, 214].

⇒ введение в повествование легенды/сказа, к примеру, "Приключения Мартина Уолдека" ("The Fortunes of Martin Waldeck"):

"Did he not give the brave knight, Ecbert of Rabenwold, that famous black steed, by means of which he vanguished all the champions at the great tournament at Bremen?" [15, 139].

В приведенных выше примерах исторические реалии *target* "маленький круглый щит", *tilt, tournament* "рыцарский турнир", *knight-templar* "рыцарь-храмовник" являются ретроспективными, поскольку, по отношению к изображаемым в романе событиям 1794 года, называют устаревшие для этого времени референты.

Необходимо также отметить, что ретроспективные исторические реалии-онимы в исследуемых произведениях не зарегистрированы.

Частотность употребления двух видов исторических реалий в рамках исследованного материала может быть представлена следующей диаграммой (рис.1).

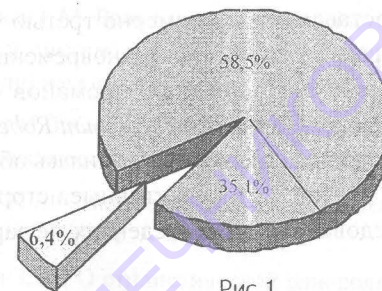

Рис.1

Как представлено в диаграмме, одновременные исторические реалии составляют 93,6% от общего количества случаев употребления исторических реалий, в их числе онимы – 35,1%. На долю ретроспективных исторических реалий приходится 6,4%.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Одновременные исторические реалии прямо характеризуют изображаемую в произведении историческую эпоху, несут информацию об изображаемой действительности. Ретроспективные исторические реалии косвенно характеризуют изображаемую в произведении эпоху, называя понятия, не существующие в данный исторический период времени.

2. В исследованных произведениях количество одновременных исторических реалий в 14,6 раз превышает количество ретроспективных исторических реалий.

3. Функционирование ретроспективных исторических реалий в большей степени детерминировано сюжетом. Самая высокая частотность ретроспективных исторических реалий зарегистрирована в романе "Антиквар" ("The Antiquary") – 48,2 % от общего количества исторических реалий, функционирующих в данном произведении.

4. Разновидностью одновременных исторических реалий

являются онимы, составляющие примерно третью часть от общего количества зарегистрированных одновременных исторических реалий. В ряде исследованных романов (“Айвенго” (“*Ivanhoe*”), “Граф Роберт Парижский” (“*Count Robert of Paris*”) за счет высокой частотности онимов увеличилась общая частотность исторических реалий. Ретроспективные исторические реалии-онимы в исследованных произведениях не зарегистрированы.

5. Частотность употребления одновременных и ретроспективных исторических реалий коррелирует с временной отнесенностью романов: чем дальше изображенное в романе историческое время по отношению ко времени жизни автора, тем выше частотность одновременных исторических реалий; чем ближе изображенная в историческом романе эпоха по отношению ко времени жизни автора, тем выше частотность ретроспективных исторических реалий.

Несмотря на вышеуказанные различия, одновременные и ретроспективные исторические реалии выполняют в исторических романах В.Скотта идентичную функцию – создают временной/исторический колорит.

Литература

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
2. Бурбак Е.Ф. Лингвистическая интерпретация реалий (на материале британских общественно-политических реалий): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988. – 24 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
4. Волченко И.М. Архаизмы и историзмы в составе фразеологических единиц современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1995. – 11 с.

5. Гайдученко Г.М. Роль і місце хронологічно маркованих слів у лексичній системі української мови // “Південний архів”. Філологічні науки. – №1. – Херсон, 1998. – С. 51-58.

6. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: МГУ, 1991. – 204 с.

7. Долинин К.А. Стилистика французского языка. – М.: Просвещение, 1987. – 300 с.

8. Кушнерук С.П. О стилистической однородности и нормируемости терминов и их компонентов // Структура лингвостилистики и ее основные категории. – Пермь, 1983. – С. 69-74.

9. Михайлишин Б.П. Сучасна термінологія: проблеми та перспективи // Система і структура східнослов'янських мов. – Київ, 1998. – С. 151-152.

10. Морозова Л.В. Пути миграции термина // Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). – Горький, 1974. – С. 181-185.

11. Фурманова В.П. Национально-культурная специфика слов-реалий // Лексические единицы в различных функциях. – М., 1992. – С. 102-108.

12. Шевчук Ю.І. Историзм – застаріле слово чи сучасний термін? // Иноземна філологія. – Львів, 1986. – Вип. 82. – С. 46-51.

13. Яхонтова Т.В. Лексична структура жанру екзотико-пригодницького роману (на матеріалі романів “Острів Скарбів” Р.Л.Стівенсона та “Копальні царя Соломона” Р.Хаггарда) // Иноземна філологія. – Львів, 1990. – Вип. 97. – С. 107-112.

14. Scott Walter. *Ivanhoe*. – Ware: Wordsworth Edition Ltd, 1995. – 390 p.

15. Scott Walter. *The Antiquary*. – Edinburgh: Penguin books, 1998. – 351 p.

16. Scott Walter. *The Tale of Old Mortality*. – Edinburgh: Penguin books, 1998. – 347 p.

К ВОПРОСУ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛОВА GRÜN “ЗЕЛЕНЫЙ” В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Имеющиеся в языкознании работы, посвященные проблеме изучения цветообозначения (Schwenter E., Findeis R., König J., Бахилина Н.В., Арнгольд Г.И.), дают возможность рассмотреть его развитие в языках, символику, определить семантику цветов, глубже посмотреть на те объекты, которые неоднократно изучались. Но проблема изучения лексико-семантических вариантов слов представляет собой интерес в настоящее время прежде всего потому, что новые подходы к анализу слов позволяют реконструировать древнейшие формы и определить значимость большой диахронической глубины, вплотную подойти к исходному моменту зарождения слова и его мотивации.

В данной статье представлена попытка изучить семантическое наполнение немецкого слова *grün* и его изменение в ходе развития языка, а также предложить древнейшую реконструкцию этого слова.

В символике цветов “зеленый” – это цвет свежей молодой зелени, растущих побегов, цвет жизни и в то же время цвет неспелости, незрелости [12, 1721].

В народных поверьях и сказаниях это цвет лесных и водяных духов, демонов. Вода с водорослями и кувшинками, где, как правило, обитали водяные, была зеленая, у них самих были зеленые волосы, глаза, зеленая одежда и иногда даже зеленый пояс из камыша или тростниковой травы. Они заманивали, одур-

манивали людей, похищали детей [16, 1182]. Заметную роль среди прочих зеленых духов у германцев играл “Зеленый егерь” (“*der grüne Jäger*”), который в начале охотничьего сезона в сопровождении свиты и собак пронесился по воздуху над лесом. Считалось, что это никто иной, как сам черт в егерском плаще и красной (зеленой) егерской шапочке с петушиным пером и с отпечатком следа козлиной или лошадиной стопы. Поэтому выражение *Grüner Rock* “зеленая юбка” часто использовалось при описании обозначений черта, дьявола [16, 1182; 19, 55].

В известных средневековых процессах против ведьм придерживались мнения, что их глаза и облачение должны быть непременно зеленого цвета.

Зеленый цвет – цвет зеленеющей природы, роста – нашел отражение и в волшебстве, колдовстве, обычаях.

Старая традиция у многих народов ставить зимой вечнозеленую елку, украшать дом хвойными ветвями и венками основывается на стремлении сделать следующий приходящий год благонесущим. Считалось также, что если воду, в которой купали младенца, вылить под крепкое зеленое дерево, то малыш будет всегда крепок и здоров.

Во время непогоды, чтобы молния не ударила в дом, в Рейнской области Германии говорили: “*En e grön Dach schleit de Blitz net en*” (“По зеленой крыше молния не ударит”) [16, 1184].

Для того, чтобы уберечь скот от дурного влияния ведьм и духов, ворота в хлев и навозные кучи прикрывали зеленым дерном (зелеными ветвями).

В полночь (время духов), особенно под Рождество, желательно было употреблять в пищу зеленую капусту, колбасу из легких. Настоятельно рекомендовалось есть капусту, шпинат, зелень и другие блюда из зеленых овощей, трав в так называемый “Зеленый четверг” (*Gründonnerstag*). В религиозной символике “зеленый” – это “безгрешный”. Это четверг накануне пасхи. Данная традиция берет свое начало приблизительно с

12 в. и жива до сих пор. Несоблюдение “зеленой” диеты в этот день считалось большим грехом. Этот день считался также очень благоприятным для посева семян, окапывания плодовых деревьев, посадки цветов. Яйца, снесенные курицами в *Gründonnerstag* обладали особой силой [26, 307-308; 20, 167; 17, 281; 16, 1185].

В исламской религии “зеленый” – это цвет пророков, прорицателей, а в христианстве – это цвет надежды, успеха (*die Farbe der Hoffnung*). Повсеместно известно в Германии поверье “*Grüne Weihnacht, weiße Ostern*” (“Зеленое Рождество”, “Рождество без снега и сильных морозов”, “белая Пасха”). В первое утро нового года священнику, наряду с другими пожеланиями, желают “*das „weiße“ (Eier) oder das „grüne“ Jahr (Obst)*”, то есть “белого” или “зеленого” Нового года. “Белый” → цвет яйца. Яйцо – символ жизни. Зеленый цвет растущих злаков, побегов, овощей – цвет плодородия. Если зима будет без сильных морозов, то можно ожидать, что весной взойдут озимые, зазеленеют всходы, можно будет рассчитывать на хороший урожай [25, 588; 16, 1186].

Народные целители, как средство против лихорадки, рекомендовали перевязывать запястье левой руки зеленым шелковым платком. А сторона человеческого организма, в которой располагается сердце, уже в 16 веке носила название “зеленой стороны” (*die Herzensseite = die grüne Seite*). Считалось, что это “живая” сторона (*frische, lebendige Seite*), место сосредоточения жизненной силы. И данная цветовая символика нашла отражение в старой немецкой песенке: “*Mädle ruck, ruck, ruck an meine grüne Seite*” (“Девушка, прильни к моему сердцу”) [26, 306-307; 10, 189].

В нижненемецком бытовало выражение “*sich grün machen*” (= *sich mausig machen*) – “*sik grön maken*”, которое обозначает “много из себя воображать, важничать” [11, 548]. Оно сохранилось в современном языке в пословице “*Wer sich grün macht, den fressen die Ziegen*” (досл. “Кто из себя много мнит, того сожрут козы”) [10, 189].

Анализ мифологического и фольклорного материала древних германцев показал проявление двух линий, связанных с понятием цвета “зеленый”. С одной стороны, это был цвет духов, демонов, приносящих зло человеку, с другой, “зелень” защищала его от неудачи, “дурного” влияния и была в основе начинающихся деяний человека. Смысловая двусторонность, находящаяся в понятии “зеленый”, отражает ту **бинарность** предметов и явлений, которая была присуща мышлению древнего человека [6]. Подобное смысловое значение, как было показано выше, имеет слово “зеленый” и в других индоевропейских языках. Следовательно, обозначение цвета “зеленый” необходимо отнести ко времени существования праиндоевропейской общности, и поэтому германские формы типа немецкого *grün* восходят к индоевропейскому корню.

Необходимо отметить еще одну особенность, связанную с понятием цветообозначения *grün*, – это обозначение этой формой **начала**, зарождения того или иного объекта или явления. Об этом свидетельствует также значимость *grün* в современном немецком языке: помимо обозначения цвета, *grün* имеет смысл “незрелый, неспелый” (о плодах), “молодой, юный” по отношению к человеку. По-видимому, эта сема “зарождение чего-либо” входила в семантику древнего слова *grün*. Неслучайной является также, как показано выше, связь “зеленый” с обозначением германцами водяного и отсюда связь с водой, которая считалась местом зарождения жизни. У древних германцев неделя начиналась со среды, которая носила имя главного божества Водана, следующий день – четверг, посвященный богу Тору (Донару), получил атрибут “зеленый” как “находящийся в начале недели”.

В дополнение к сказанному необходимо рассмотреть развитие формы *grün* и его значения на материале древних и более поздних немецких текстов.

В древневерхненемецком словоформа *gruoni* имела значение “расти, пускать ростки, развиваться, вырастать” [22, 355;

17, 341]. В текстах встречаются также следующие варианты: *cruoni, kruoni, gruani, cruani, croni, gruene, cruene*. Прилагательное, появившись первоначально в Западной и Северной Германии приблизительно в 8 веке, восходит к германскому **grō-nī*. Германский корень **grō-a-* имеет значение “расти” [25, 588; 14, 613; 17, 341]. Последний вышел из индоевропейского корня **gher (ð)* со значением „проклевываться, прорасти (о растениях, семенах), расти, зеленеть” [14, 614].

В ситуации, взятой из древневерхненемецкого текста, представлен глагол *gruonen*, который употребляется для обозначения цвета:

die ir vanen gruonen wurden alle bluotvar... [15, 895]

“...их зеленые знамена стали красными как кровь”.

В свн. прилагательное *grün* имело форму *grüene (ahd. gruoni)* и значение:

- 1) зеленый цвет;
- 2) становится зеленым, отдыхать, набираться сил („*zu kräften kommen*“);
- 3) свежий, сырой, необработанный (“*roh*“);
- 4) место, поросшее зеленью (“*grün bewachsener Platz*“) [18, 127; 9, 580-581].

В средневерхненемецких текстах находим следующие примеры:

Hei, nu kumet uns diu zit, der kleinen vogelline sanc. ez gruonet wol diu linde breit, zergangen ist der winter lanc [23, 141].

“Гей, наконец-то приходит к нам летнее время, пение птичек. Зазеленела уже раскидистая липа, длинная зима позади”.

В ситуации представлен глагол *gruonet* „зеленеет“, который обозначает, с одной стороны, изменение времени года, т. е. переход к лету, и, с другой стороны, цвет изменений в природе. Глагол образован от прилагательного *gruon* путем добавления окончания инфинитива *-en*, т. е. слово выглядит *gruonen*. В этом же виде, но с умляутом в корне, представлен глагол в современ-

ном немецком языке – *grünen*. В результате ранневерхненемецкой монофтонгизации древний дифтонг изменился постепенно в долгий монофтонг (ü). Интересно отметить, что подобную функцию выполнял в древневерхненемецком глагол *gruoen*, который исчез и уже средневерхненемецких текстах не встречается. В итоге произошло вторичное образование глагола со значением “зеленеть”. Первоначально, как выше уже отмечалось, от глагола *gruoen* образовалось прилагательное *gruoni* “зеленый”, а затем от этого прилагательного с конкретным значением цвета появился новый глагол *gruonen*. Подобное семантическое и фонетическое преобразование произошло потому, что древний глагол *gruoen* имел более широкое значение, а не только “зеленеть”.

В следующем примере глагол *grüenen* “зеленеть” тоже употребляется для описания тех изменений в природе, которые происходят в ней с приходом весны.

In dem aberellen, so die bluomen springen, so louben die linden und grüenen die buochēn [23, 185].

„В апреле, когда распускаются цветы, липы покрываются листьями, и зеленеют буки.”

Помимо вышеперечисленных значений, данное прилагательное употреблялось в качестве композита в сложных прилагательных. Например: *grasgrüene – grün wie gras* “зеленый как трава”; *ingrüene – sehr grün* “очень зеленый”; *spangrün* “зеленая щепка”; *vrischgrüene – frischgrün* “свежезеленый, молодой, полный сил” [9, 580].

Основное значение цвета для прилагательного *grün* сохраняется и в рассмотренный период. В новеверхненемецком словоформа *grün* имеет следующие значения:

1. Обозначает цвет предметов по аналогии с цветом свежей, не увядшей листвы, зелени, большинства растений, зеленых насаждений: *grünes Gras; die grüne Natur; Grünanlage; Grünkohl*.
2. Имеет значение незрелый, недозревший, свежий (*frisch*),

сырой (невареный), необработанный (*roh*); употребляется как антоним к понятиям “красный”, “спелый”, “зрелый”, является первым членом смысловой оппозиции “незрелый – зрелый”: *grüne Erdbeeren, Tomaten, Äpfel (sauere, nicht reife)*; *das Holz ist noch zu grün zum Verheizen* “дрова слишком свежи, недостаточно просушены для топки”; *grüne (nicht konservierte) Heringe* “свежие (не законсервированные) сельди”.

3. Данная словоформа может обозначать также не цветное качество предметов, а именно: неопытность, незрелость, неосведомленность; выступать одним из членов оппозиции “молодой-старый”. Например: *ein grüner Junge* – “зеленый юнец”; *noch ganz grün hinter den Ohren sein* “у него еще молоко на губах не обсохло”; (*der*) *Grünschnabel, Grünling* „молокосос”.

Образовавшееся от данного прилагательного субстантивированное прилагательное *das Grün* имеет собирательное понятие “зелень”. Употребляется в сочетаниях *ins Grüne (im Grünen)* “на лоно (на лоне) природы”.

Das Grüne обозначает также небольшой участок игрового поля с коротко подстриженной травой, в середине которого находится лунка для мяча при игре в гольф.

Употребляясь во множественном числе, используется в политической лексике – *die Grünen* (“Зеленые”) и обозначает политическую партию, занимающуюся решением вопросов охраны окружающей среды.

Данный цвет *grün* на светофоре разрешает пешеходам переходить улицу. А в обороте *grünes Licht für Pläne, Vorhaben haben* – переводится как “иметь все возможности, условия (“зеленую улицу”) для осуществления планов, намерений.

Англ.: *He has a green light (er hat freie Fahrt)*.

При обозначении географических названий словоформа *grün* употребляется при описании Ирландии. Ее называют зеленым островом: *die Grüne Insel (Irland)*.

Во фразеологических оборотах *grün* употребляется для обо-

значения общего негативного душевного состояния человека, его отрицательных эмоций, поступков: *sich grün und gelb ärgern* “сильно рассердиться”; *j-n grün und blau schlagen* “сильно отколотить кого-либо”; *grün und gelb werden (vor Ärger, Neid)* “позеленеть от злости, зависти”; *sich grün machen* “много о себе воображать”; *es wird ihm grün und gelb von den Augen* “ему стало дурно” [21, 351-353].

От прилагательного *grün* образовалось прилагательное *grünlich* – “зеленоватый, переходящий в зеленый цвет”; *grünliches Wasser* – зеленоватая вода; а также глаголы *grünen* “зеленеть, быть зеленым”: *grün werden*; *die Birke grünt*; *begrünen* “озеленять”.

Во многих фразеологических оборотах *grün* “зеленый” употребляется вместе с *gelb* „желтый” или одно прилагательное заменяет другое. Например: *er hat noch das Gelbe am Schnabel = Grünschnabel* “молокосос”; *vor Neid gelb (und grün) werden* “позеленеть, пожелтеть от зависти” [21, 317; 10, 172].

Анализ древне- и средневерхненемецких текстов и словарного материала позволяет представить смысловую деривацию слова *grün* в ходе развития немецкого языка в следующем виде: “зеленый” (обозначение цвета) → “незрелый” (о плодах, овощах) → “молодой” (о человеке). Во всех германских языках имеют место родственные словоформы, которые сводятся к общегерманскому корню.

В целом зарождение и смысловое развитие германского **gro-ni* можно предположить в виде деривации значений: “расти” → “начало роста” (растений) → “зеленый” (цвет) → зеленый (о плодах, “незрелый”), зеленый (о людях, “неопытный”). Относительно вопроса зарождения формы “*grün*” необходимо остановиться подробнее.

Как выше упоминалось, в словарях принимается, что двн. *gruoni* восходит к глаголу двн. *gruoen* “расти, зеленеть” [13, 238], который в этом виде в современном немецком языке не сохра-

нился (нем. *grünen* “зеленеть” является вторичным, образованным от *grün*). Однако он имеет место в других германских языках: англ. *to grow* “расти, процветать, увеличиваться”, дсакс. *grōwan* [24, 249].

По сравнению с двн. *gruoen* более древней формой является дсакс. *growan* “расти” [24, 249]. В. Скит считает, что в прагерманском в основе указанного глагола находится **gra-*, **grō-*, а отсюда можно предположить, что огубленный гласный в корне глагола *gruoen*, *grōwan* в древних германских языках развился под влиянием последующего *-wan*, где [w] является билабиальным. Форма *grōwan* четко представляет собой два слога *grō* — *wan*, которые в древности имели самостоятельные смысловые значения. Начальное *grō-* возводится в словарях к и.-е. **ghre(ð)-* / **ghre-* / **ghra-* / **ghro-* со значением “расти, прорасти, выпирать” [4, 93; 13, 231]. Очевидно, что в начальном корне находится “сема роста”. Относительно второй части *-wan* в словарях не упоминается. Однако аналогичную форму *-we* встречаем, например, в двн. *frouwe* “женщина”, которая интерпретируется как “одна из первых” [6, 51]. В другом имени двн. *kniewen* (дат. мн. от *kneo* “колени”) в конце слова имеет место *-wen* [8, 254], подобная форма в дсакс. имеет вид *kneohon* (дат. мн.) с конечным *-hon*. Очевидно, что формативы *-wen* и *-hon* генетически родственны и восходят к **hœn* и затем к и.-е. **kwen* (согласно закону Гримма и.-е. *kw* > герм. *hw*).

Форма *-*kwen* соотносилась в древности со значением “один, часть” [6, 72-73], а также, как выше упоминалось, могла иметь значение “первый”.

Вышеприведенный анализ позволяет рассматривать в дсакс. *grōwan* и в двн. *gruoen* две смысловые составляющие: 1) “расти” и 2) “часть этого роста”, “начальная”, “первая”. Таким образом, глагол двн. *gruoen* имел первоначальную значимость “прорасти, всходить”, на которую указывают также отдельные словари [13, 238]. Родственным по форме и значению является

общегерманское слово *das Gras* “трава”, первичное значение которого было “прорастающая зелень”, “свежая поросль” [13, 232]. Очевидно, что смысл двн. *gruoni* “зеленый” возник в период весеннего пробуждения природы и получения ею соответствующей цветовой окраски. Словообозначение “зеленый” появилось в результате сложения индоевропейского корня **gher(ð)* “расти” и корня **kwen* “начало”, что первоначально означало “начало роста (в природе)”.

К указанной индоевропейской форме относятся изогласы “расти”, “зеленый” и в других индоевропейских языках. Например: пол. **zelenъ-(je)*, лит. *žalios* “зеленый”, лтс. *zaš*, прус. *saligan*, лат. *holus, holeris*, кимр. *gledd* “зеленый дерн”, скр. *hari* “желтый, зеленый” [2, 257; 7, 92; 3, 770]. Изменение начального согласного в языках является фонетически закономерным по отношению к и.-е. **gher(ð)*, отличительным есть только появление согласного *-l-* на месте *-r-*. Однако и это объяснимо, если принять во внимание, что слова, обозначающие “начало роста, зеленый”, зарождались в тот период, когда индоевропейские [r] и [l] представляли собой одну фонему. Вариантами одной фонемы указанные согласные выступали в раннеиндоевропейском праязыке [1; 5]. Таким образом, двн. *gruoni* имело первичную значимость “начало роста”, эта сема имеет отношение прежде всего к весеннему периоду роста растений, а также отражена и в обозначениях начальной стадии роста плодов (“незрелый”) и жизни человека (“неопытный, молодой”). Однако наибольшее распространение в немецком языке (и в других языках) получила форма, обозначающая зеленый цвет.

В древности, как было отмечено выше, *gruoni* относилось прежде всего к природе, обозначая ее начальный период роста. Однако изменение общей цветовой картины осенью также могло послужить в понимании древних началом следующего цикла в природе. Следовательно, сема “начало роста” могла использоваться и здесь и тем самым выступать в роли наименования

цвета “желтый”, характерного для деревьев и кустов осенью. В этом значении встречаем в отдельных языках рассмотренный выше корень *u.-e. *gher-*. Ср.: скр. *hari* “желтый, зеленый”, ав. *zairi-* “желтый” [2, 258]. Омонимичность /r/ и /l/ в корне слова позволяет рассматривать двн. *gelo* “желтый” как родственное праформе, давшей также двн. *gruoni* “зеленый”. Современное немецкое *gelb* “желтый” имеет конечный губной согласный, который восходит к губно-губному /w/, отмеченному в англ. *yellow* “желтый”. Английскую форму В.Скит выводит из прагерманской **gelwoz* [24, 728]. Очевидным является родство с формой дсакс. *grōwan* “расти”. Наблюдение позволяет предположить возникновение немецких форм *gruni* “зеленый” и *gelo* “желтый” из одного глагола, который в праиндоевропейском имел вид **ghe-r/-l* “расти”. Расщепление корневого согласного на /r/ и /l/ привело к образованию форм, обозначающих “начало роста” и затем цвета соответственно “зеленый” и “желтый”. Интересно отметить, что не только формальное отличие получил в немецком (и в германских языках) единый индоевропейский корень, но за этими формами закрепились различные по значению символы: за “зеленым”, как выше говорилось, отмечаются положительные качества, духовный рост человека, за “желтым” – отрицательные (зависть, злоба, ревность) [13, 297; 25, 536; 10, 172; 26, 269]. В словарях считается, что немецкое *gelb* “желтый” восходит к *u.-e. *ghel[ǝ]* –, **ghle-* со значением “блестящий, мерцающий” (желтым, зеленым, голубым цветом) [13, 207]. Данные выводы не противоречат существующим исследованиям, но позволяют получить более древнюю реконструкцию индоевропейских форм и возвести **gher(ǝ)-* и **ghel(ǝ)-* к *u.-e. протоформе *ghe-r/-l-*. А это в свою очередь уточняет и конкретизирует значимость различных немецких форм, обозначающих в современном немецком языке *grün* “зеленый” и *gelb* “желтый”. Таким образом, нем. *grün* и нем. *gelb* восходят к одному корню и являются общеиндоевропейскими словами.

Литература

1. Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. – Л., 1986.
2. Етимологічний словник української мови / Гол. ред. Мельничук. – Т.1-3. – К.: Наукова думка, 1982, 1985, 1989.
3. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. 2-е изд. – М., 1987.
4. Левицкий В.В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. – Черновцы, 1994.
5. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М., 1974.
6. Таранець В.Г. Поняття бінарності і зародження древніх слів // Часопис “Мова”. – Одеса: ОДУ, 1999. – С.48-53.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (пер. с нем. и дополн. О.Н.Трубачева) –2-е изд. Т.1-4. т.2. – М., 1986 – 1987.
8. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. – М., 1978.
9. Benecke-Müller-Zarncke. *Mittelhochdeutsches Wörterbuch* in 3 Bänden. Bd.1. – Hildesheim, 1963.
10. Borchardt-Wustmann-Schoppe. *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung.* – Brockhaus Verlag Leipzig, 1955.
11. *Bremisch-niedersächsisches Wörterbuch.* – Bd.2., 1767.
12. *Brockhaus Enzyklopädie* in 25 Bänden. Bd. 7. – Brockhaus Wiesbaden, 1969.
13. Duden. Bd.7. *Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache.* – Mannheim-Wien-Zürich, 1963.
14. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, In 3 Bänden. Bd. 1. – Akademie – Verlag Berlin, 1989.
15. *Frühe Deutsche Literatur. Texte und Übersetzungen.* Vierundzwanzig Bände. Mit Illustrationen // Herausgegeben von Walter Haug. Bd.1. – Frankfurt am Main, 1991.

16. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens in 10 Bänden. Bd.3. – Berlin und Leipzig, 1930/1931.
17. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin – New York, 1989.
18. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – Verlag Leipzig, 1952.
19. Mackensen, Lutz. Handwörterbuch des deutschen Märchens. Bd.2. – Berlin, 1934-1940.
20. Mackensen, Lutz. Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Südwest Verlag München, 1985.
21. Röhrich, Lutz. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 2 Bänden. Bd. 1,2. – Freiburg-Basel-Wien, 1978.
22. Schade Oskar. Althochdeutsches Wörterbuch in 2 Bänden. – Bd.1. – Halle Verlag der Buchhandlung des Wiesenhauses, 1882.
23. Schweikle G. Die Mittelhochdeutsche Minnelyrik. Die frühe Minnelyrik. Texte und Übertragungen. Einführung und Kommentar. – Darmstadt, 1977.
24. Skeat W. An etymological dictionary of the English language. – Oxford, 1983.
25. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch (Jubiläumsausgabe). Mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – Bertelsmann GmbH, 1986-1991.
26. Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Dritte Auflage. – Stuttgart, 1974.

КОНСТИТУЕНТЫ ФСП “СВЕТ” И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА “The Real Life of Sebastian Knight”

Одна из особенностей словарного состава языка – его инклюзивный характер, характер последовательного включения лексико-семантических группировок в более крупные образования. Наиболее крупной парадигматической группировкой лексических единиц (ЛЕ) является функционально-семантическое поле (ФСП) [5]. Исследование ФСП в художественном тексте предполагает моделирование структуры поля или полевое структурирование. По мнению А.В. Бондарко, понятие ФСП предполагает наличие инвариантного семантического признака, общего для членов ФСП; состава центра и периферии; связей между компонентами ФСП; структурного типа исследуемого ФСП и его места в системе ФСП [1, 25].

Функционально-семантическое поле “свет” входит в группировку ядерных ФСП (наряду с ФСП “цвет”, “время”) такого художественного текста как роман В. Набокова “*The Real Life of Sebastian Knight*”. С другой стороны, ФСП “свет” связано с системой ФСП-лей в английском языке. Оно входит в группировку полей с качественно-квантитативным ядром. Между исследуемым нами ФСП “свет” и полем качества имеют место отношения, которые сродни включающей дистрибуции соотносительных ЛЕ.

ФСП “свет” романа В.Набокова является “контактной полицентрической структурой” [1, 62] с явно выраженными центрами, доминантами которых служат единицы *light* (светлый) и *dark* (тём-

ный). Семантическим инвариантом для ФСП “свет” является семантический признак “наличие/отсутствие света”. Он выделяется на основе оппозиции конstituентов поля, объединенных идентифицирующими семами: признаковой семой “свет” (*light*):

dark adj – 1 *partly or completely without light* [7, 1, 260].

К периферии относятся лексические единицы – имплицитные носители семы “свет”, принадлежность которых к полю “свет” выявляется после многоступенчатого анализа словарных дефиниций: *shadow n* (тьня), *radiance n* (сияние), *bright adj* (яркий).

К ФСП “свет” в романе В. Набокова “*The Real Life of Sebastian Knight*” принадлежат 735 членов поля; из которых 481 компонент принадлежит к центру *light* и его периферии, 254 – к центру *dark*.

Структура данного ФСП состоит из:

1) разночастеречевых слов *light n* (свет), *darkness n* (темнота), *shadow n* (тьня), *radiance n* (сияние), *night n* (ночь), *sun n* (солнце), *to light v* (зажигать, освещать), *bright adj* (яркий), и др.;

2) словосочетаний: *pale mist* (белесый туман), *transparent shadow* (прозрачная тень) и др.; 3) высказываний: *a dark opalescent shade clouds the neck...* (тёмные опаловые тени ложатся на шею) и др.

В центре сюжета романа В. Набокова рассказ о том, как младший брат (повествователь) известного писателя Себастьяна Найта ищет материал для книги о его творчестве. Доказать незаурядность личности и литературного творчества Себастьяна – вот его задача. В. Набоков широко использует светообозначения для описания персонажей романа, их действий, природы и интерьера. Важно отметить, что светообозначения способствуют динамическому развитию художественных образов романа во временном континууме, причем каждому отдельному образу, существующему в отрезке времени, сообщается определенная световая гамма.

Замечено, что лексические единицы ФСП “свет” не статичны, обладают особым динамизмом.

Периферийный семантический признак “появление/исчезновение света” актуализируется в лексической единице *glimmering* в

следующем высказывании: “...*it remained misty with a faint yellowish light glimmering through*” [8, 151].

glimmer v – *to give a very faint unsteady light* [7, 1, 441].

Благодаря линейному окружению окна вагона в движущемся поезде приобретает особую зримость. Поезд движется ночью, проезжая освещённые фонарями станции, и слабый желтоватый свет тускло мерцает. Свет не просто горит – он, то появляется, то исчезает в окне. Таким образом, в данном высказывании актуализируется имплицитная сема “движение”.

Разные по структуре члены ФСП “свет” способствуют созданию динамических образов героев романа и осуществляют связь различных временных пластов. Братья – повествователь и Себастьян Найт – были близки лишь в детские годы. Затем их общение прервалось отъездом Себастьяна, и долгое время они ничего не знали друг о друге:

“...*it (Sebastian's image) comes to me in a few bright patches... as if he were some erratic visitor passing across a lighted room and then for a long interval fading into the night.*” [8, 13].

1 bright v – *1 full of light* [7, 1, 119];

11 night n – *1 the dark part of each 24-hour period when the sun cannot be seen* [7, 2, 75].

Так, Себастьян представляется ему таинственным гостем, который проходит через освещённую комнату и исчезает в ночи. Таким образом, детские воспоминания повествователя о брате запечатлелись в виде ярких, четких картин, а долгий период разлуки – “темные моменты неизвестности” – ассоциируются с ночью.

Многие светообозначения, используемые автором в романе, обрастают дополнительными контекстуальными семами. Себастьян редко видел свою мать и рано потерял её.

“...*when one day it occurred to her (Sebastian's mother) that she might be in love... she left husband and child... aged of four...*” [8, 6].

"She had raised her veil to kiss the boy... Then she thrust into Sebastian's hand a small parcel of sugar-coated violets... and followed the porter... this was all, and next year she died" [8, 7].

Когда однажды матери Себастьяна пришло в голову, что она, вероятно, влюблена, она оставила мужа и четырехлетнего сына. Она последовала за портье, поцеловав сына на прощанье и всучив ему пакетик засахаренных фиалок. Себастьян больше ее не видел. Она умерла в следующем году). Он плохо помнил её, но образ матери был для него свят, хотя и запечатлелся в его памяти как тусклый снимок из семейного альбома: "...some *dim* snapshot in a family album" [8, 5]. Прилагательное *dim* принадлежит ФСПолю "свет":

I *dim* adj – I not *bright* [6, 169];

II *bright* adj – принадлежность к ФСП "свет" доказана выше.

Лексическая единица *dim* приобретает контекстуальные значения *unknown* (неизвестный), *unfamiliar* (незнакомый), *unclear* (неясный), *mysterious*, *enigmatic* (таинственный).

Себастьян Найт не мог забыть мать. Он помнил, что отец погиб на дуэли, защищая ее честь. Это придавало романтический ореол ее очарованию, которое произвело неизгладимое впечатление на восприимчивую душу Себастьяна. "Sebastian could never forget his mother; nor could he forget that his father died for her (in the duel). That... added morbid glamour to the remembered charm which suffused his impressionable soul" [8, 13]. Мать представляется ему загадочной незнакомкой, окутанной ореолом святости, и её образ, как мягкое сияние, всегда освещает память Себастьяна Найта: "...she was as a soft *radiance* in the background of his life" [8, 13]. Существительное *radiance* принадлежит к функционально-семантическому полю "свет":

radiant adj – I sending out rays of *light* [6, 519];

radiance n – I quality.

Под влиянием контекста в существительном *radiance* актуализируются окказиональные семы с положительным коннотативным

ореолом *tenderness* (нежность), *love* (любовь), *childhood* (детство), *holiness* (святость).

Интересно отметить, что 67 % исследуемых единиц, на первый взгляд, не принадлежат к ФСП "свет", но эксплицируют инвариантный признак этого поля на I, II, III, IV ступенях процесса идентификации значений при анализе их словарных дефиниций [3, 34].

Повествователь встречается с возлюбленной Себастьяна Ниной Речной, желая больше узнать о брате. Но Нина не любила и не понимала Себастьяна, его присутствие раздражало ее. Все сказанное Ниной носило негативный характер, что очень огорчило повествователя: "I had wished to ask her whether she ever realized that the wan-faced man, whose presence she had found so tedious, was one of the most remarkable writers of his time... Books mean nothing to a woman of her kind: her own life seems to her to contain the thrills of a hundred novels. Had she been condemned to spend a whole day shut up in a library, she would have been found dead about noon. I'm quite sure that Sebastian never alluded to his work in her presence: it would have been like discussing *sundials* with a *bat*" [8, 136]. (Повествователь хотел было спросить, поняла ли Нина, что тот человек с болезненным лицом, чьим присутствием она так тяготилась, был одним из самых замечательных писателей своего времени. Но он понял, что книги – ничто для женщины такого сорта; ей кажется, что ее собственная жизнь содержит приключения, которых хватило бы на сто романов. Если бы ее приговорили к заточению в библиотеке на целый день, то ее нашли бы мертвой уже к полудню. Повествователь уверен, что Себастьян никогда не упоминал при ней о своей литературной работе: обсуждать литературу с Ниной было бы всё равно, что говорить летучей мыши о солнечных часах). Линейное окружение сообщает глубокий смысл и метафоричность лексическим единицам *sundials* и *bat* – имплицитным носителям семы "свет". Существительное *sundials* и *bat* символизируют свет и темноту, просвещенность и невежество. Оба слова входят в ФСП "свет" –

sundial n – an apparatus which shows the time according to where the *shadow* of a pointer falls [7, 2, 1060];

II *shadow* n – 1 darkness caused by the blocking of direct *light*, esp. *sunlight* [7, 2, 959].

*bat*³ n – 1 a flying mouselike animal that is active at *night* [7, 1, 75];

II *night* n – 1 the *dark* part of each 24-hour period when the *sun* cannot be seen [7, 2, 75];

II этап идентификации значений выявляет принадлежность существительных *sundials* и *bat* к ФСП “свет-тьма”.

Герои романа, находясь в трудном положении, предстают перед читателем в тумане и как бы ищут во мраке путь к выходу из затруднительной ситуации.

Так, Клэр Бишоп после разрыва с Себастьяном пытается отыскать ответ на вопрос, почему она стала неинтересной, ненужной ему. “...she walks about like a lost soul” [8, 84]. “Whether Sebastian had some final explanation with Clare, or whether he left a letter for her when he departed, is not clear” [8, 86]. (Клэр бродит как потерянная душа. Неизвестно, объяснился ли с ней Себастьян или оставил ей письмо перед отъездом). Читатель видит Клэр в тумане: “...Clare in the *fog*...” [8, 97].

Другой отрывок описывает безуспешные попытки повествователя приоткрыть завесу прошлого Себастьяна: “My failure was absurd, horrible, excruciating. Why was the past so rebellious?...the biography... (of Sebastian) was in pale *mist*...” [8, 97]. (Неудача повествователя узнать что-либо о брате была абсурдной, ужасной, мучительной. Почему прошлое так “непослушно”? Почему его так трудно восстановить? Биография Себастьяна была скрыта в белесом тумане). ЛЕ *fog* и *mist* являются окказиональными носителями семы “свет” –

I *fog*¹ n – 1 very thick *mist* [7, 2, 396];

II *mist*¹ n – 1 *cloudy* air ... [7, 2, 665];

III *cloudy* adj – 2 not clear or *transparent* [7, 1, 184];

IV *transparent* adj – (прозрачный) – 1 allowing *light* to pass through ... [7, 2, 1129].

Принадлежность ЛЕ *fog* и *mist* к ФСП “свет” выявляется на III и IV ступенях идентификации значений. Существительные *fog* и *mist* приобретают дополнительные значения *difficulty* (трудность), *depression* (депрессия), *mystery* (тайна), *uselessness* (бесполезность).

Себастьян Найт считает себя неординарным, тонко чувствующим человеком: “... but in my case all the *shutters* and lids and doors of the mind would be open at once and all times of day” [8, 51]. (Все ставни, крышки и дверцы его ума открыты разом в любое время дня). Принадлежность существительного *shutters* к ФСП “свет” выявляется на первой ступени идентификации значений –

I *shutter*¹ n – 2 either of a pair of wood or metal covers that can be unfolded in front of the outside of a window to block the view or keep out the *light* [7, 2, 973].

Лексические единицы *lids* и *doors*, образуя синонимический ряд с существительным *shutters*, также оказываются носителями семы “свет”, но уже окказиональной, поскольку данная сема не идентифицируется даже путем ступенчатого анализа словарных дефиниций. Но контекст приписывает им данную сему, так как существительное *mind* уподобляется некоему помещению (вероятно, комнате), в котором открываются ставни, дверцы, крышки для того, чтобы впустить свет.

Важно также отметить роль конститuentов ФСПоля “свет” в экспликации мотива двойничества в романе. У каждого персонажа есть многочисленные двойники, возникающие из множества образов-восприятий его другими людьми. Исследуя прошлое Себастьяна, повествователь часто сталкивается с ощущением невидимого присутствия брата, его тени, или призрака: *Sebastian's shade*, *transparent Sebastian*, *his ghost*. Существительные *shade* и *ghost* также принадлежат к ФСП “свет” и несут большую смысловую нагрузку в романе –

I *shade*¹ *n* – 7 the spirit of a dead person; *ghost* [7, 2, 259];

II *ghost*¹ *n* – 3 a second, *fainter image* [7, 1, 436];

III *faint*¹ *adj* – 2 lacking clearness, *brightness* [7, 1, 363];

IV *bright*¹ *adj* – 1 giving out or throwing back *light* very strongly [7, 1, 119].

Таким образом, ФСП “свет” в романе В. Набокова “*The real Life of Sebastian Knight*” является полицентрической структурой с доминантами *light* : : *dark*. Наряду с эксплицитными ЛЕ ФСП “свет” – *light, dark, sun, night* существуют и имплицитные носители семантического инвариантного признака “наличие/отсутствие света” – *bat, mist, fog, glass, shade, ghost*. Большая часть компонентов поля “свет” претерпевает семную перестройку под воздействием контекста. У этих единиц появляются окказиональные значения, что свидетельствует о динамике семантических процессов в структуре значения узуального слова.

Литература

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975.
3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учебное пособие. – М.: Высш. школа, 1982.
4. Goodenough W. Componential analysis and the study of meaning// *Language*. – Baltimore. – 1956. – Vol. 32. – №1. – P.195-216.
5. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1990.
6. Hornby A.S. – *Oxford Student's Dictionary of Current English*: М.: Просвещение, 1984.
7. Longman – *Dictionary of Contemporary English*: в 2-х т. – М., 1992.
8. Nabokov V. *The real Life of Sebastian Knight*. – Toronto: McGraw – Hill Book Company, 1974.

СТАНОВЛЕННЯ ТА РОЗВИТОК ПОШИРЕНИХ ЧАСОВИХ ФОРМ НЕПЕРФЕКТНОГО РОЗРЯДУ В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Поширені часові форми неперфектного розряду (тобто групи Continuous) належать до аналітичних часових форм англійського дієслова. До характерних ознак аналітичних форм, що визначають їх специфіку у порівнянні з іншими одиницями мови – словосполученнями, фразеологічними зворотами, тощо, треба віднести такі:

1) аналітична форма складається з двох (або більше) окремо оформлених одиниць: *is speaking, was taking, will be reading, is being written, was being carried*;

2) між компонентами аналітичної форми синтаксичний зв'язок відсутній;

3) допоміжне дієслово є носієм граматичного значення особи, числа, часу;

4) носієм лексичного значення аналітичної форми виступає останній компонент форми (у нашому випадку – дієприкметник активного або пасивного стану, Participle I).

Відомо, що часові форми групи Continuous виникли в англійській мові значно пізніше інших аналітичних форм дієслова, але питання про походження поширених форм неперфектного розряду досі викликає розбіжності у поглядах серед лінгвістів.

Так, наприклад, існує точка зору, згідно якої витоком аналітичних форм групи Continuous виступають староанглійські сполучен-

ня дієслова буття *beon* з дієприкметником теперішнього часу – Participle I. Згідно іншого погляду, форми групи Continuous походять від староанглійських сполучень дієслова *beon* з прийменником *on* та віддієслівним іменником на *-ing*. Таким чином, походження поширених форм так чи інакше пов'язується з розвитком неособових форм англійського дієслова – дієприкметником I або віддієслівним іменником з тим же закінченням, тому й має розглядатися разом з розвитком останніх.

Дієприкметник теперішнього часу, або Participle I, у староанглійській мові утворювався від основи теперішнього часу сильних та слабких дієслів за допомогою суфіксів *-end(e)* (в центральних регіонах), *-ande* (в північних діалектах; напевно, не без впливу Скандинавських мов) та *-inde* (на півдні Британії), наприклад:

Інфінітив		Перша особа теперішнього часу	Дієприкметник I
<i>writan</i>	"писати"	<i>write</i>	<i>writende</i>
<i>fremman</i>	"робити"	<i>fremme</i>	<i>fremmende</i>
<i>lōcian</i>	"дивитись"	<i>lōcie</i>	<i>lōciende</i>
<i>beran</i>	"нести"	<i>bere</i>	<i>berende</i>
<i>habban</i>	"мати"	<i>hæbbe</i>	<i>hæbbende</i>
<i>libban</i>	"жити"	<i>libbe</i>	<i>libbende</i>
<i>tellan</i>	"розповідати"	<i>telle</i>	<i>tellende</i>

Проте за походженням староанглійські Participles I є прикметниками. Про генетичний зв'язок дієприкметників теперішнього часу з прикметниками свідчить той факт, що дієприкметники можуть виступати в функції препозитивного означення, тобто в функції, яка притаманна прикметникам. Іншим доказом спорідненості розглядуваних форм є спільна система відмінювання: дієприкметники, як і прикметники, відмінювалися за сильною та слабкою відміною й мали ті ж самі закінчення, порівн.:

Сильна відміна дієприкметника I та прикметника

О д н и н а						
	Чол. Рід		Жін. Рід		Сер. Рід	
Наз.	<i>Lufiende</i>	<i>gōd</i>	<i>lufiendu</i>	<i>gōdu</i>	<i>lufiende</i>	<i>gōd</i>
	<i>(люблячий)</i>		<i>(добрий)</i>			
Род.	<i>Lufiendes</i>	<i>gōdes</i>	<i>lufiendre</i>	<i>gōdre</i>	<i>lufiendes</i>	<i>gōdes</i>
Дав.	<i>Lufiendum</i>	<i>gōdum</i>	<i>lufiendre</i>	<i>gōdre</i>	<i>lufiendum</i>	<i>gōdum</i>
Знах.	<i>Lufiendne</i>	<i>gōdne</i>	<i>lufiende</i>	<i>gōde</i>	<i>lufiende</i>	<i>gōde</i>
М н о ж и н а						
	Чол. Рід		Жін. Рід		Сер. Рід	
Наз.	<i>Lufiende</i>	<i>gōde</i>	<i>lufiendra</i>	<i>gōdra</i>	<i>lufiendu</i>	<i>gōdu</i>
Род.	<i>Lufiendra</i>	<i>gōdra</i>	<i>lufiendra</i>	<i>gōdra</i>	<i>lufiendra</i>	<i>gōdra</i>
Дав.	<i>Lufiendum</i>	<i>gōdum</i>	<i>lufiendum</i>	<i>gōdum</i>	<i>lufiendum</i>	<i>gōdum</i>
Знах.	<i>Lufiende</i>	<i>gōde</i>	<i>lufiendra</i>	<i>gōdra</i>	<i>lufiendu</i>	<i>gōdu</i>

Але вже до початку староанглійського періоду дієприкметники пройшли певний шлях вербалізації й могли виражати видові і станові ознаки та керувати додатком, хоч і виступали, як правило, в тих самих синтаксичних функціях, що і прикметники: в функції означення та в функції предикативу в складі іменного складного присудка, і лише у середньоанглійський період набули ще однієї, нової для них функції – функції обставини. Повернемось, однак, до згаданої функції дієприкметника – предикативу, тому що саме ця синтаксична функція становить особливий інтерес в процесі визначення витоків поширених часових форм сучасного англійського дієслова.

В староанглійській мові конструкція "beon + Participle I" вживалася дуже рідко. Про те свідчать дані, отримані нами у результаті кількісного аналізу текстів староанглійських пам'яток загальним обсягом 6749 слововживань: зареєстровано лише 8 випадків використання дієприкметника I в функції предикативу. Ось кілька прикладів:

1. Wulfstan sæde (...) þat he wære on Truso on syfan dazum and nihtum, þæt þæt scip wæs ealne wez *yrnende* under sezle (*Orosius*).
(Wulfstan said (...) that he was on Truso for seven days and nights, that that ship was all the way *running* under the sail).
2. þar wæron sume of ðam bocerum *sittende*, and on heora heortum *bencende* (OEG/WST:II, 6).
(There were some of those learned men *sitting* and on their heart [deep in their hearts] *thinking*).
3. and *færende* wæs æfter sona ec to sæe all þa þreat cymende to him and lærde hia (OEG/RT:II, 13).
(and was going after soon also to the sea, all those people (crowd) coming to him, and taught them).
4. weron wutudlīce þær sume of upwutum *sittende* and *ðencende* in heortum heortum (OEG/RT:II, 6).
(certainly, some of learned men were *sitting* there and *thinking* deep in their hearts).
5. Heoda ... *bencende* wæs, hu heo hit zewrecan myhte (Orosius).
(she ... was *thinking* how she might punish for it).

Як видно з наведених прикладів, конструкція “beon + Participle I” не мала фіксованого порядку слідування компонентів: дієприкметник I або передував дієслову буття (приклади 3, 5), або слідував за ним (приклади 1, 2, 4); розташовувався контактено (приклади 3, 5) або дистантно (приклади 1, 2, 4) стосовно форм дієслова присудка. Все це свідчить про вільний характер розглядуваного словосполучення в староанглійський період.

Генетично споріднені з прикметниками, дієприкметники I у складі іменного присудка, так само як і прикметники і, частково, іменники, вносять в такі сполучення одну загальну ознаку, властиву або таку, яка приписується, підметові.

Дієслова, дієприкметники яких зустрічаються в староанглійській мові у сполученні з формами дієслова буття, різноманітні за своєю семантикою. Все ж таки треба відмітити, що в зазначеній конструкції превалюють Particples I, утворені від дієслів руху та ментальної діяльності. Сама ж конструкція beon + Participle I в староанглійському періоді за своєю семантикою нерідко відрізняється від семантики сучасних поширених часових форм. Відомо, що форми групи Continuous характеризують динамічну ознаку перебігу певної дії у визначений момент або період часу. Для староанглійського складеного іменного присудка з дієприкметником теперішнього часу характерне, як правило, описування стану суб’єкта; наприклад:

1. <...> þa bere in þære þe eorð-crypel *licgende* wæs (OEG/RT: II, 4)
(... that shed wherein a paralytic (one who creeps on the ground) was *lying*);
2. <...> and cwep to him: folza me and aras *fylzende* wæs him (ibid., 14)
(... and said to him: “Follow me “ and he was *following*).

Проте, в процесі перекладу наведених прикладів сучасною англійською мовою значення стану суб’єкта втрачається, бо конструкції “be + -ing” в сучасній мові мають ознаку процесуальності. Ближчими до мови староанглійських пам’яток слід визнати російські сполучення: “был лежащим”, “был идущим следом за ...”, “был думающим”, “был сидящим”, тощо. Така спорідненість значень дієприкметників теперішнього часу та прикметників у складі іменного присудка доводить, що конструкція “beon + Participle I” утворилася за аналогією із сполученням дієслова буття з прикметником.

В цілому треба відмітити, що більш або менш частотне вживання розглядуваної конструкції обумовлювалося характером пам’яток давньоанглійської мови. За даними деяких лінгвістів, в “Беовульф” містяться тільки три приклади дієслова буття з дієприкметником I. Вся “Англосаксонська хроніка” має 24 подібних приклади, “Жит-

тя святих” Ельфріка – біля 100, “Old English Homilies” – 26, “Blickling Homilies” – 130 прикладів [6, 114. При аналізі різних пам’яток виявляється, що конструкція *beon + Participle I* найчастіше з’являється у перекладах з латинської, ніж в оригінальних давньоанглійських пам’ятках. Цей факт може бути пояснено впливом латинських сполучень з дієсловом буття, калькою яких деякі лінгвісти вважають конструкцію *beon + Participle I*. бо остання найбільше наближається як структурно, так і семантично до згаданих сполучень. Проте навряд чи справедливо пов’язувати походження прообразів тривалих часових форм саме з впливом латинської мови, тому що, як свідчать факти, розглядувані сполучення *beon + Participle I* зустрічаються (хоча й значно рідше, ніж в перекладах з латини) в оригінальних пам’ятках староанглійського періоду.

На початку середньоанглійського періоду відбуваються важливі зміни у системі *Participle I*. За аналогією з прикметниками, дієприкметники теперішнього часу втрачають показники роду, числа й відмінка, що явилось результатом значного спрощення системи відмінювання іменників, з якими традиційно узгоджувалися дієприкметники у синтаксичній функції означення. Тепер на перше місце висувалися й підлягали подальшому розвитку дієслівні риси дієприкметника.

Відбулися зміни й у “зовнішньому вигляді” *Participle I*. Замість староанглійського суфікса *-end(e)* та його варіантів у XIII столітті дієприкметники теперішнього часу набули суфікс *-ing(e)*. Можна припустити, що цей суфікс з’явився у дієприкметників за аналогією з суфіксом віддієслівного іменника. Змішанню двох словоформ могли сприяти як фонетичні, так і синтаксичні чинники. Два суфікси (*-end(e)*/*-ind(e)* та *-ing(e)*) після втрати кінцевого *-e* фонетично майже співпадали, бо фінальні звуки [d] та [g], в свою чергу, послабилися, що призвело до нестійкої артикуляції звука [n]: останній одержував як передньоязикову, так і задньоязикову артикуляцію, що відбилося у варіантах написання слів – *dyind(e)*, *dying(e)*, *dyin*.

Синтаксична омонімія розглядуваних лексем була спричинена тим, що і дієприкметник I, і віддієслівний іменник вживалися в конструкціях, близьких за формою та змістом. Наприклад, в реченні “*He lay dyinde*” ‘*He lay dying*’ представлена дієприкметникова конструкція, а в реченні “*He lay on dyinge*” ‘*He lay dying*’ – конструкція з віддієслівним іменником, в якій прийменник *on* згодом редукувався до послабленого звуку [ə], що позначався на письмі як дієслівний префікс: *He lay a-dying(e)*.

Двоїсто можна інтерпретувати й речення типу *He herde foweles singin* як такі, що містять дієприкметник I (‘він чув пташок співаючих’), або як такі, що містять віддієслівний іменник (‘він чув пташиний спів’). Така двоїстість збереглася й в сучасній англійській мові, коли лише окремі граматичні ознаки свідчать про дієприкметникову або герундіальну конструкцію: “*I saw Pete/him coming*” VS “*I saw Pete’s/his coming*”.

Повертаючись до середньоанглійського періоду, треба відмітити, що дієприкметник I саме в сполученні з дієсловом буття відрізняється дуже низькою частотністю. На значному текстовому відрізку загальним обсягом біля 51 тисячі слововживань (проаналізовано 200 сторінок “Кентерберійських оповідань” Дж. Чосера та уривки з інших пам’яток середньоанглійського періоду) відмічено лише 11 випадків використання конструкції “*beon + Participle I*”. Наведемо кілька прикладів:

1. “*Ich am drede and beþenchinge of dyaþe, and dya is comynde; ich do you to witene*” (DMN)
(*I am afraid and I am thinking of death, and the death is coming, I make you know*);
2. *With him there rode a gentil PARDONER of Rouncival, his freend and his compeer, That straight was comen from the court of Rome.*
(Chaucer, GP: 669-671).

(With him there rode a gentle pardoner of Rouncival, his friend and his companion, that straight *was coming* from the court of Rome).

3. A poure widow, somedeel stape in age
Was whilom *dwelling* in a narwe cottage,
Beside a grove, standing in a dale.

(Chaucer, NPT: 1-3).

(Once upon a time, a poor widow, a bit advanced in age,
was living in a small cottage beside
a grove standing in a valley).

Семантика сполучення дієслова буття з дієприкметником I не змінюється в середньоанглійський період у порівнянні зі староанглійським; ця форма має описове значення з відтінком тривалості:

Singing he *was* or *floytinge* al the day (Chaucer, GP: 91).
(he *was singing* and *playing* the flute all the day).

Незважаючи на дуже низьку частотність, вже у середньоанглійський період з'являються перфектні поширені форми. Так, у Дж. Чосера знаходимо один приклад дієслова у Present Perfect Continuous:

Here in this temple of the goddess Clemence
We *have been waiting* all this fortenight

(Chaucer, KT: 70-71).

За свідченням вчених і власними спостереженнями, конструкція з дієприкметником I мала територіальну обмеженість: вона зафіксована у графствах Вурстшир та Кент та в північній частині Англії, проте зовсім не зустрічається в південних та східно-центральних діалектах, які в XIII – XIV ст. склали основу лондонської літературної мови. Тільки в кінці XIV ст. – на початку XV ст. вона набуває розповсюдження у всіх діалектних ареалах. Такий шлях розвитку конструкції з Participle I наочно демонструє шлях, що його

проходить будь-яке нове явище в мові: воно виникає на обмеженій частині мовного простору, серед певних соціальних груп, в індивідуальному стилі автора та в різних літературних жанрах і, лише подолавши територіальні та соціальні обмеження, розповсюджується й набуває загальноживаного характеру [5, 108].

Повертаючись до питання про витоки сучасних поширених форм неперфектного розряду, відмітимо, що мають рацію ті лінгвісти, які вбачають зачатки сучасних тривалих форм у давньоанглійській конструкції 'beon + Participle I' [5; 7; 8; 9], що у середньоанглійський період змінила своє значення й, частково, орфографічне оформлення під впливом субстантивного прийменникового зворота. Свого остаточного оформлення конструкція набула лише на початку новоанглійського періоду.

Література

1. Домброван Т.І., Коляда В.П., Жук В.А. Методичні вказівки до практичних занять з історії англійської мови (староанглійський період). – Одеса, 1998. – 28 с.
2. Домброван Т.І., Коляда В.П., Жук В.А. Методичні вказівки до практичних занять з історії англійської мови (середньоанглійський та новоанглійський періоди). – Одеса, 1998. – 24 с.
3. Залесская Л.Д., Матвеева Д.А. Пособие по истории английского языка для заочных факультетов английского языка педагогических институтов. – М.: Высш. шк., 1984. – 111 с.
4. Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь. – СПб.: Лань, 1998. – 512 с.
5. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – 160 с.
6. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 308 с.

7. Dombrován T.I., Kolyada V.P. Reinterpretation of grammatical relations within a syntactic pattern // *Іноземна філологія на межі тисячоліть. Тези доповідей міжнародної наукової конференції*. – Харків, 2000. – С. 71-72.
8. Harris, A.C. and Campbell, L. Historical syntax in cross-linguistic perspective. – Cambridge, 1995. – 322 p.
9. Kolyada V.P., Dombrován T.I. On one mechanism of syntactic change // *Записки з романо-германської філології*. – Вип. 2. – Одеса, 1997. – С. 207-213

Умовні скорочення оригінальних джерел

- Chaucer, GP. – G. Chaucer, the General Prologue. – In: Chaucer, G. *The Canterbury Tales. A Selection*. – Penguin Books, 1996. – 342 p. – P. 3-35.
- Chaucer, KT. – G. Chaucer, *The Knight's Tale*. – *ibid.*, P. 37-103.
- Chaucer, NPT. – G. Chaucer, *The Nun's Priest's Tale*. – *Ibid.*, P. 182-202.
- DMN. – Dan Michel of Northgate. – In: Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. *История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь*. – СПб.: Лань, 1998. – 512 с. – С. 357-358.
- OEG/RT. – *The Old English Gospel. The Rushworth Text*. – *Ibid.*, P. 328-329.
- OEG/WST. – *The Old English Gospel. The West Saxon Text*. – *Ibid.*, P. 327-328.
- Orosius. – *Orosius*. – *Ibid.*, p. 317-319.

О КОММУНИКАТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ХАРАКТЕРИЗАТОРОВ ПРОЦЕССА В ОРИГИНАЛЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИИ В ПЕРЕВОДЕ

Цель исследования – выяснить роль французских наречий и их функциональных эквивалентов, характеризующих процесс в качественном (и/или качественно-количественном) отношении, в реализации прагматических задач на уровне высказывания, текста, а также выявить особенности их передачи в переводе. В качестве языков перевода привлечены украинский и русский языки.

Функционально-семантическая категория качественной (и качественно-количественной) характеристики процесса синтаксически оформляется обстоятельством образа действия, обстоятельством меры и степени (в грамматике используется также термин „обстоятельство внутренней характеристики действия“), обстоятельством сравнения, а также в виде синтаксической категории, близкой им функционально и семантически, – обстоятельством определения.

В своем фундаментальном труде „Мысль и язык“ Ф. Брюно, характеризуя категорию „образ действия“, говорит о том, что действие может быть осознанным или производимым неосознанно (*agir à bon escient, de propos délibéré, exprès, de plein grès, etc.*); оно может характеризоваться с точки зрения скорости (*lestement, vivement, en hâte, en un clin d'œil, en un tourne main, longuement*), легкости выполнения (*aisément, à l'aise, sans peine*,

difficilement, etc.) и т.п. Ф. Брюно отмечает также, что разнообразные характеристики действия изменяются в зависимости от того, что рассматривается в нем, и язык представляет для наблюдения и анализа средства выражения всех возможных тончайших оттенков как действительных, так и кажущихся [12, 653].

Средства качественной и качественно-количественной характеристики процесса отличаются многочисленностью, структурным и семантическим разнообразием, употребительностью. Это обусловлено, по-видимому, общей тенденцией развития качественности, в частности, во французском языке, а также "растущей потребностью качественной дифференциации оттенков действия" [6, 287].

Наличие в языке многочисленных и гетерогенных морфологизированных и неморфологизированных средств-характеризаторов процесса является проявлением свойства адаптивности языка, его приспособляемости к потребностям коммуникации, к необходимости семантической дифференциации различных действий, состояний (прежде всего, человека), и, что немаловажно, к необходимости выражения взаимодействия характеристики процесса и агенса.

Наблюдения над фактологическим материалом свидетельствуют о коммуникативной значимости исследуемых единиц. Приведем в этой связи высказывание Н.Д. Арутюновой, которое в полной мере можно отнести к средствам характеристики процесса: "В синтаксической цепочке центральность и семантическая весомость обратно пропорциональны: наиболее синтаксически периферийный элемент оказывается наиболее важным" [3, 376]. (Ср. также [4; 1]).

Иными словами, цельноформленные и раздельноформленные приглагольные наречные единицы относятся к средствам создания интенциональности. Понятие интенциональности используется нами в его интерпретации А.В. Бондарко, ко-

торый выделяет два аспекта: 1) аспект актуальной связи с намерениями говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего – аспект "собственно интенциональный" и 2) аспект смысловой информативности – имеется в виду способность данной функции быть одним из элементов выражаемого смысла [5, 62].

Присутствие в предложении адвербиальных характеризаторов процесса сигнализирует актуальность для субъекта речи того или иного "образа действия". Так, в предложении:

Ayant marqué ainsi un bref temps d'arrêt, il pénétra dans son département comme un roi dans son royaume [16, 75]

содержится не только и не столько сообщение о появлении заведующего отделением, но указывается на его манеру входить в отделение так, как если бы это вошел король в свое королевство. Закономерно, что занимаемую наречными единицами позицию при глаголе некоторые лингвисты называют позицией детализации [2, 236].

Прагматический потенциал исследуемых единиц заложен, прежде всего, в их способности не только обозначать признак, непосредственно характеризующий предикат, но и характеризовать предикат через отношение признака к субъекту или аргументу (скрытому или явному).

Являясь предикатными знаками, адвербиальные единицы синтаксически подчиняются сказуемому, но семантически "они образуют предикатное выражение с имплицитным предикатом, который подчиняет себе предикат, выраженный сказуемым" [4, 96].

Данное свойство исследуемых форм позволяет им в художественном тексте служить как для характеристики внутреннего способа, меры, степени совершения действия, его качественно-физической характеристики, так и для указания состояния субъекта в момент протекания действия, т.е. для характеристики агенса процесса. Г.Г. Яровая, используя приемы дистрибутивного и трансформационного анализа, на материале русско-

го языка показывает, что подобные наречия, характеризующие деятеля, могут определять его эмоциональный статус (диагностируемый либо регистрируемый прагматическим субъектом – говорящим или пишущим), эмоциональную реакцию деятеля, его демонстративный статус и личностные качества. Такие наречия автор называет “диагностирующими” [11, 9].

В связи с этим в художественных текстах наречия и их функциональные эквиваленты являются одним из средств художественно-образной конкретизации. В качестве подтверждения данного тезиса приведем фрагмент романа Р. Мерля “За стеклом”, в котором фигурируют три персонажа: ассистенты Дельмон и Лагардет и профессор Рансэ. Обращает на себя внимание роль наречных единиц в создании образа Мари-Поль Лагардет, которую коллеги называют энзимой, – персонажа эпизодического, но ярко описанного и точно охарактеризованного. Ассистент Дельмон ожидает опаздывающего профессора Рансэ, который назначил ему встречу. Дельмон намеревается просить Рансэ поддержать его прошение о переводе на должность штатного преподавателя. Неожиданно появляется Мари-Поль Лагардет, которая пришла к профессору с аналогичной просьбой. В первые минуты разговора с Дельмоном Лагардет стремится очаровать его, что передается такими характеристиками при глаголах говорения, как:

– Et moi, à neuf heures, dit Marie-Paule *avec un petit rire de gorge, fixant toujours Delmont de ses yeux tendres et noyés* ... [16, 72]

– Vous savez, enchaîna-t-elle *en levant les sourcils d'un air naïf, et en fixant sur Delmont ses yeux bleus confiants*, ... [16, 72]

– Je n'ai aucune idée de mes chances de succès, dit Marie-Paule *en souriant avec une franchise délicate* ... [16, 73]

– Je ne sais pas, dit-elle *du même air d'abandon, ses yeux tendres et confiants toujours fixés sur Delmont*, ... Voyez-vous, reprit-elle *avec une nouvelle bouffée de sincérité*, je me le demande [16, 73]

Когда Лагардет догадывается, что Дельмон тоже пришел просить Рансэ о должности, она пытается получить от него больше информации:

– Mais, vous-même, dit-elle *d'un air câlin, votre thèse, ça avance?* [16, 74]

Debout, la taille fléchie, elle le regardait *avec abandon de ses yeux noyés*, ... [16, 74]

И, наконец, при появлении профессора Лагардет меняет тактику:

... Lagardette quitta Delmont sans préavis, fonda sur le Maître *en trois ou quatre pas rapides, et penchée sur lui avec révérence*, ... elle dit quelques mots rapides ... [16, 75]

Deux secondes s'écoulèrent, puis Rancé se dirigea à petits pas vers son bureau, pressé de près par Lagardette *penchée sur lui comme une liane* [16, 75]

Вполне закономерно, что Лагардет получила поддержку профессора, несмотря на то, что Дельмон имел гораздо больше оснований для повышения в должности.

Экспрессивность высказывания, текста тесно связана с оценкой. В связи с семантической гетерогенностью наречных квалификаторов и их связей с глаголами модификации глагола показателями оценки весьма разнообразны [7, 135]. Общеоценочные наречия хорошо/плохо являются обязательными в сочетаниях с такими глаголами, как *se conduire, se tenir, se sentir*, реализуя обязательную оценочную сему, входящую в структуру подобных глаголов. В большинстве же случаев присутствие общеоценочных наречий и их контекстных синонимов при глаголе необязательно, их наличие определяется коммуникативной структурой высказывания [9, 15].

Однако, как показал языковой материал, употребление исследуемых единиц с оценочным значением, чаще всего с ча-

стнооценочным, несет большую коммуникативную нагрузку. В качестве примера приведем следующий контекст из романа Ф.Саган «Здравствуй, грусть»:

Au bout de deux heures, comme le soleil ne me réchauffait plus, je remontai sur la terrasse, m'assis dans un fauteuil, ouvris un journal.

C'est alors qu'Anne apparut; elle venait du bois. Elle courait, *mal d'ailleurs, maladroitement*, les coudes au corps. J'eus l'impression subite, indécente, que c'était une vieille dame qui courait, qu'elle allait tomber. [17, 118].

Холодная и как бы между прочим оценка главной героиней романа манеры бега подруги ее отца Анны в контрасте с ситуацией (Анна застаёт любимого ею человека – отца Сесиль – с другой женщиной в лесу), созданию которой способствовала главная героиня, характеризует не столько Анну, сколько саму Сесиль.

В межъязыковом аспекте для данного исследования интерес представляют два типа соответствий: трансформационные и асимметричные (прежде всего, неравномерные) структуры.

Асимметричные неравномерные структуры – отсутствие в переводе наречного квалификатора или интенсификатора оригинала – неизбежно приводят к элиминации модальной рамки высказывания. Ср., например:

Les jeunes gens n'ont pas l'air de l'entendre, l'un d'eux entoure à mi-hauteur l'arbre avec une corde et tous les trois, au milieu de la chaussée, ils le tirent de toutes leurs forces [18, 44-45].

Проте хлопці ніби не чують її. Один з них перев'язує стовбур мотузкою, і всі троє *тягнуть* його, ставши посеред бруківки [22, 157].

Que de fois avait-il entendu sa mère *déclarer calmement*, dans les plus grandes difficultés: "Nous trouverons le joint" [15, 301].

Ведь сколько раз при самых запутанных обстоятельствах он слышал, как мать *говорила*: «Мы найдем выход» [21, 353].

В последнем случае имеет место также неадекватная пере-

дача ситуации, поскольку в переводе отсутствует коммуникативно важное наречие *calmement*.

Перевод является процессом, который характеризуется установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями [10, 75]. Отсюда следует, что основные требования, предъявляемые к переводу – это точное воспроизведение смысла исходного текста, соответствие нормам языка перевода, первичность содержания над формой, передача стиля оригинала.

Переводческие трансформации, производимые при передаче смысла, заложенного в сочетаниях глагола с наречными квалификаторами, относятся к семантическому уровню эквивалентности.

Не останавливаясь на грамматических трансформациях, производимых с сохранением компонентной структуры высказывания, рассмотрим некоторые преобразования, влекущие за собой некоторую модификацию семантической структуры высказывания. Подобного рода трансформации могут быть обусловлены контекстом, как, например:

C'est vrai, d'ailleurs, que la police peut en savoir plus long, qu'elle peut cueillir Maria à domicile, *la «questionner» avec rage* [13, 150]

Звісно, поліція може знати більше, ніж вони припускають, може схопити Марію вдома й *влаштувати їй допит з тортурами* [19, 111].

В данном случае ситуация военного переворота, арестов политических противников и т.п. позволяет передать отвлеченное *avec rage* более конкретным “з тортурами”.

Необходимость семантических трансформаций диктуется также семантическим согласованием – формальным средством организации высказывания, которое заключается в наличии одного и того же семантического компонента в двух членах синтагмы [8, 25]. Как отмечает В.Г. Гак, в семантическом согласо-

вании имеет место избыточность средств выражения, которая может использоваться либо в организующей, либо в экспрессивно-стилистической функции [8, 25]. В переводе такие конструкции, как *d'un pas rapide, d'une oreille distraite* передаются, в основном, наречиями:

L'avocat se retourna, chercha dans la collection du Dalloz..., sortit un volume, le feuilleta d'une main rapide [14, 324].

Адвокат повернулся, отыскал ... нужный том из собрания трудов Даллоза и принялся быстро листать его [20, 279].

Необходимо также отметить наличие во французском языке аналитических конструкций с существительным *coup*, обладающим широкой сочетаемостью как с различными семантическими классами глаголов, так и прилагательными-определениями, которые сопровождают данное слово. Поскольку в украинском и русском языках подобные конструкции с существительным, обладающим столь широким, недифференцированным значением, отсутствуют, в переводе они передаются либо наречием, либо аналитической конструкцией с конкретным существительным в зависимости от семантики подлежащего и сказуемого:

Un vieillard ... se frappait le sternum à petits coups nerveux [14, 372].

Какой-то старик ... ударял себя в грудь коротким нервным движением руки [20, 322].

Проведенное внутриязыковое и межъязыковое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Коммуникативная значимость адвербиальных характеристик процесса обусловлена несколькими факторами, основные из которых: их способность соотноситься не только с предикатом, выражающим процесс, но и с левым и правым (эксплицитным или имплицитным) актантом; большие возможности раздельнооформленных единиц передавать тончайшие нюансы характеристики процесса за счет их распространения; способность быть коммуникативным центром высказывания.

При переводе исследуемых единиц следует учитывать особенность их семантики, выбор определенной единицы из целой системы средств, обусловленный авторской интенцией; семантическую сочетаемость; смысловые различия между наречными квалификаторами, объединяющимися в систему по функционально-семантическим признакам; специфический интерпретационный компонент наречных единиц, способных выражать сходный смысл. Кроме того, определенные ограничения на выбор эквивалента при переводе накладывают особенности структуры, нормы и узуса языка перевода.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 302-306.
2. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156-249.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
4. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
5. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 220 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
8. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Междунар. отнош., 1977. – 264 с.

9. Петрова Г.В. Обязательность и факультативность наречия образа действия в глагольной группе (на материале португальского и французского языков): Автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1986. – 24 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука. 1988. – 215 с.
11. Яровая Г.Г. Трансформационное описание синтаксиса и семантики наречий: Автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.21. – Киев. 1989. – 20 с.
12. Brunot F. La pensée et la langue: Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. – Paris: Masson, 1926. – 954 p.

Художественные тексты

13. Bazin H. Un feu dévore un autre feu. – Paris: Editions du Seuil, 1978. – 222 p.
14. Druon M. Les grandes familles. – Kiev: Dnipro. 1976.-384 p.
15. Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le nœud de vipères. Les chemins de la mer. – Moscou: Editions du Progrès. 1966. – 412 p.
16. Merle R. Derrière la vitre. – Paris: Gallimard, 1970. – 540 p.
17. Sagan F. Bonjour tristesse. – Paris: Julliard, 1954. – 127 p.
18. Susini M. C'était cela notre amour. – Paris: Editions du Seuil, 1970. – 187 p.
19. Базен Е. І вогонь пожирає вогонь /Пер. П. Соколовського. – Київ: Дніпро, 1983. – 175 с.
20. Дрюон М. Сильные сира сего /Пер. Я.З. Лесюка, М.С. Кавтардзе, Ю.П. Уварова. – М.: Политиздат, 1991. – 334 с.
21. Мориак Ф. Дорога в никуда/Пер. Н.И. Немчиновой. – М.: Правда, 1989. – 560 с.
22. Сюзіні М. Таким було наше кохання / Пер. Д. Паламарчука // Таким було наше кохання: Сучасна французька повість. – К.: Дніпро, 1985. – С. 137-238.

СОЦИАЛЬНО-СИТУАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Обостренный интерес исследователей к процессу речевой коммуникации в целом и, в частности, к фатическим высказываниям, обуславливается прежде всего важной ролью последних в организации диалогического общения. Контактустанавливающие, или фатические, высказывания занимают особое место в организации диалогической речи. Термин “*фатическое (или метакоммуникативное) высказывание*” был введен английским этнографом Б. Малиновским применительно к диалогам, беседам, “...целью которых является создание уз общности путем простого обмена словами” [14, 296]. Как справедливо отмечает Г.Г. Почепцов, “...*мета-* в обозначении “метакоммуникация” и его производных неоднозначно и может быть авторским комментарием к собственно сообщению” [2, 52], т. е. тем, что А. Вежицкой было названо “метатекстом” [1, 258]. Иными словами, “*метакоммуникация*” имеет значение “*коммуникация о коммуникации*”.

Метакоммуникат может выполнять и иную задачу, которая связана с регулированием речевого общения с помощью языковых средств. Речь идет о реализации фатической функции языка [7]. Применительно к такого рода явлениям, метакоммуникация – это коммуникация, сопутствующая коммуникации. Контактустанавливающие высказывания “работают” на вклю-

чение внимания адресата на его собеседника или на конкретное сообщение. Отсутствие фатических высказываний в начале беседы разрушает установленную ритуальность общения, предполагаемое кодифицированное соотношение языковой нормы и речевого поведения, например:

She looked up from her work and I **felt damn sure I ought to say something**. So I said – **Hello!**

– **Good Morning**, sir, – she smiled [11, 7].

В приведенном выше диалогическом единстве реально мотивирована необходимость установления речевого контакта между коммуникантами. Как уже отмечалось выше, стереотипы речевого общения предполагают наличие какой-то речеведческой единицы, предваряющей реальную единицу сообщения или коммуникативный акт, что явственно следует из авторской ремарки: *I felt damn sure I ought to say something*. (Я остро почувствовал необходимость что-либо сказать).¹

Таким образом, собственно “содержательная” речь или информативное сообщение предваряются установлением речевого контакта между коммуникантами, который в языковом отношении осуществляется посредством устойчивых предикатных и непредикатных фатических единиц типа: *Look here! Hello! Good morning! I beg your pardon! I am sorry* и т.д.

Т.Д. Чхетиани выделяет следующие компоненты установления речевого контакта:

“1) паралингвистический компонент (невербальная ориентация на контакт: контакт глаз, улыбка, приближение к адресату, звонок по телефону, стук в двери и т. п.);

2) метакоммуникативный сигнал установления речевого контакта;

3) предваряющие метакоммуникативные высказывания /

¹ Здесь и ниже приводится перевод Морозовой И.Б.

непосредственно предваряющие содержательное сообщение, организующие переход к центральной фазе поддержания речевого контакта” [6, 13]

В целом разделяя позицию данного автора, отметим некоторую нечёткость в разграничении пунктов 2 (метакоммуникативный сигнал) и 3 (предваряющие метакоммуникативные высказывания). Со своей стороны, авторы настоящей работы выделяют две фазы первичной инициации диалогического общения: предваряющую невербальную и собственно вербальную, репрезентированную фатической репликой.

Отсюда следует, что функционирование фатических высказываний в целом обусловлено рамками речевого этикета, принятого в данном обществе. Например:

Hashknife knelt down in front of him.

– You’re yourself to blame. Pat. Things are not done like that. You should have made friends with them, **greeted them, asked after their health** and suchlike. People do not forgive such things [16, 42].

В приведенном примере демонстрируется существующая в подсознании необходимость соблюдения определенных норм общественного поведения, реализующегося в процессе коммуникации посредством фатических высказываний. Из вышесказанного можно сделать вывод, что помимо речеведческой функции, фатические высказывания осуществляют психологическую связь между общающимися. Американские психолингвисты А. Пирс и Т. Вудвел для осуществления успешной речевой коммуникации считают необходимым наличие так называемого “collaboration channel”, который предполагает условия психологического комфорта и доброжелательности между коммуникантами [15, 25].

Таким образом, в стереотипе человеческого мышления существуют определенные системно-организационные парадигматические совокупности форм речевого воздействия для обеспечения благоприятного протекания речевой коммуникации.

В то же время, описание функционирования единиц речевого этикета требует обязательного привлечения ряда понятий социолингвистики, поскольку социальные факторы играют важную роль в жизни языка.

Целью данной статьи является сравнительное изучение типов фатических высказываний, употребляемых в англоязычном диалоге в зависимости от соотносительных социально-ролевых позиций коммуникантов. Теория социальной структуры общества предусматривает выделение как первичного классового уровня (макросоциология), так и вторичного, который образует более мелкую сетку социально-групповой стратификации общества (микросоциология), накладываемую на классовую. Микросоциология вычленяет разнообразные виды малых социальных групп по различным социальным и социодемографическим признакам – классовым, профессиональным, половым, возрастным и т.п. В соответствии с социально-регулирующей функцией, единицы речевого этикета маркируют социальные отношения коммуникантов. Стратификационная вариативность, имеющая самую непосредственную связь с социальной структурой общества, находит свое выражение в тех языковых и речевых различиях, которые обнаруживаются у представителей различных социальных слоев и групп.

Варьирование речевого поведения индивида обусловлено также различными социальными условиями (ситуациями) общения. Ситуативная вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых единиц в зависимости от социальной ситуации.

В процессе анализа 4000 образцов фатических высказываний, отобранных методом сплошной выборки из современного англоязычного художественного романа, были установлены некоторые закономерности функционирования данных высказываний в диалогическом дискурсе.

Так, в плане употребления фатических высказываний нами было обнаружено, что чем выше социальный уровень коммуниканта, тем больше тяготеет он к употреблению фатических высказываний, в том числе и обладающих структурой предикации, типа: "I wish you a good morning!", "You are welcome" и т.д.

Иными словами, люди, обладающие достаточно высоким культурным уровнем, в среднем используют фатических высказываний в процессе коммуникации в полтора раза больше, чем лица, относящиеся к социальному дну (соответственно 2400 и 1600 речевых образцов). С ситуативной вариативностью связывается термин "роль". Роль определяется Н.М. Фирсовой как "...способ поведения индивида, детерминируемый социальной ситуацией" [4, 15].

Однако очевидно, что коммуникативная и социальная роли собеседников могут различаться либо совпадать в зависимости от лидерства – не лидерства конкретных коммуникантов в организации диалога. Так, диалоги по типу организации общения подразделяются на "горизонтальные" и "вертикальные" (термин Р. Гунтера) [14, 41] либо "симметричные" и "асимметричные" (термин Н. Фирсовой) [4, 16]. Под "горизонтальными", "симметричными" отношениями обычно понимают отношения равенства или одноположения:

- а) студент – студентка;
- б) коллеги-бизнесмены и т.д., например:
 - а) How do you do, Mrs. Adams?
How do you do, Mrs. Arling? [10, 101].
 - б) Hi! I'm Max Logan.
Hello! My name is Julie Watkins [9, 21].

В приведенных диалогических единствах реализуются горизонтальные отношения коммуникантов, при этом в первом случае (а) процесс речевой коммуникации проходит в офици-

альном регистре делового общения между коллегами-бизнесменами, о чем свидетельствует употребление стандартно-официального приветствия "How do you do". Во втором случае (б) регистр общения – неофициально-обиходный. Общение имеет место между студентами колледжа, которые приветствуют друг друга разговорными формами "Hello!" и "Hi!".

Под "вертикальными", "асимметричными" отношениями понимают отношения неравенства или разноположения:

а) начальник – подчиненный или учитель – ученик;

б) доктор – пациент и т.п., например:

а) Good morning, children.

Good morning, Mrs. Brown [9, 52].

б) Sorry, sir. May I come in?

Come in, Eric [11, 94].

В данных диалогических единствах реализуются отношения неравенства, в примере (а) отображено взаимное приветствие преподавателя и класса. Во втором случае (б) речевое общение происходит между начальником и его личным шофером. При этом последний обращается к своему патрону "сэр", в то время как сам патрон называет водителя просто по имени.

С другой стороны, очевидно, что момент инициации самого диалога и реализации коммуникативной интенции может принадлежать лицу, не занимающему более высокое социальное положение. Такие коммуникативные отношения отличаются от социальных и репрезентируют принцип лидерства – не лидерства. Проиллюстрируем изложенное следующим примером.

– Excuse me, professor!

– Oh, Collins, what can I do for you? [8, 42].

В данном случае инициатором беседы является студент, который, естественно, занимает подчиненное положение по отношению к профессору.

– Are you following me, O'Shea? – he cried out angrily.

– Look here, Pat. I'd like to try another idea [8, 50].

В приведенном диалогическом единстве обмен репликами идет между дядей Тэдом О'Ши и его племянником Пэтом. Как следует из реплики племянника, лидером данного диалога является именно он ("Ты понял мою мысль, О'Ши?"). В свою очередь, дядя "перехватывает" инициативу в разговоре, что явствует из его ответной реплики "**Послушай, Пэт. У меня другая идея**".

В конкретной речевой ситуации выбор формул речевого этикета обусловлен, с одной стороны, социальным статусом участников коммуникативного акта, с другой – их ролевыми отношениями. В ходе одного и того же коммуникативного акта ролевые отношения между партнерами могут меняться: лидерство может переходить от одного партнера к другому. Таким образом, собственно обмен сообщениями предваряется определённым вербальным метаконтактом.

С другой стороны, кроме передачи (получения) логической информации, люди в общении преследуют и другие цели. По словам Н.И. Формановской, "...мы испытываем большое удовольствие от "болтовни", от общения ради общения, от ощущения что мы помним друг друга, понимаем друг друга с полуслова и без слов, хотим контактов, хотя, конечно, и обмен собственно информацией здесь произойдет" [5, 9].

Контактоустанавливающие высказывания представляют собой устойчивые стереотипы, которые не возникают заново в каждом акте речи, а воспроизводятся как единицы, отложившиеся и хранящиеся в нашем языковом сознании в виде своеобразного фонда готовых типизированных формул вежливости. Словарь по этике так определяет вежливость: "...моральное качество, характеризующее человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным

способом обращения с окружающими" [3]. Известные американские исследователи стратегий этикета речевого поведения П. Браун и С. Левинсон, со своей стороны, определяют вежливость как "...действие, направленное на удовлетворение потребностей партнера, связанных с его социальной ролью и восприятием собственного достоинства" [12, 191].

Анализ фактического материала показал, что качественно-количественное употребление фатических высказываний в современном английском языке определяется прежде всего максимальной вежливости, принятой в данном социальном кругу. Отсюда следует неразрывная связь социальных и коммуникативно-ролевых отношений говорящих с формулами вежливости, которые они выбирают, что, в свою очередь, позволяет рассматривать данные формулы вежливости как индикаторы позиции говорящего в общественной деятельности.

Литература

1. Вежбицка А.: Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 251-275.
2. Почепцов Г.Г.: Фатическая коммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1981. – С.52-59.
3. Словарь по этике (под ред. И.С. Кона). – М.: Политиздат, 1975. – 325 с.
4. Фирсова Н.М.: Испанский речевой этикет. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.
5. Формановская Н.И.: "Вы сказали: "Здравствуйте!": Речевой этикет в нашем общении. – 2-е изд. – М.: Знание, 1987. – 160 с.
6. Чхетиани Т.Д.: Лингвистические аспекты фатической метакommunikации: Автореф. дис. канд. филолог. наук (10.02.04) / Киев гос. пед. ин-т. ин. яз. – К., 1987. – 24 с.

7. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-228.
8. Armstrong Ch. The Witch's House. – London: Book Club Ed., 1963. – 253 p.
9. Blyton E. The Girl Who Was Left Behind. – London: Purnell & Sons, Ltd., 1976. – 105 p.
10. Brackett L. The Dancing Girls. – N.Y.: Bantam Books, 1985. – 120 p.
11. Brown C. The Stripper. – N.Y.: The New American Library of World Literature, inc., 1981. – 127 p.
12. Brown P., Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Questions and Politeness. Strategies in Social Interaction. – London, Longman: 1978.
13. Gunter R. Sentences in Dialogue. – Columbia (S.C.): Horn Bean Press, 1984. – 103 p.
14. Malinowski B.: The Problem of Meaning in Primitive Languages. – The Meaning of Meaning / By Ogden C. and Richards J. – 9th edition. – N.Y., London: Longman, 1953. – P. 296-336.
15. Pears A., Woodwell T. Psychological Premises of Speech Communication. Toronto: Longman: Canada Limited, 1992. – 245 p.
16. Tuttle W. Valley of Suspicion. London: Collins Clear-Type Press, 1964. – 160 p.

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОДНОСЛОЖНОГО СЛОВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале древне- и средневерхненемецких
текстов)

Слово является основной структурной единицей языка. Для определения тенденций развития последнего необходимо исследовать структуру слова и ее изменение в процессе исторической эволюции. Односложное слово является самым простым с точки зрения его структурного наполнения, что послужило причиной выбора такого слова в качестве объекта исследования. Целью данной работы явилось изучение особенностей развития фонетической структуры односложного слова на материале древне- и средневерхненемецких текстов.

В лингвистических работах слово рассматривается как в синхроническом, так и диахроническом плане. Исследованию структуры отдельных частей немецкого слова в синхронии посвящено значительное количество работ [2; 6; 9; 11; 12; 14; 15; 16]. Эти работы представляют определенный научный и практический интерес при изучении современного немецкого языка. В то же время является общеизвестным, что звуковая форма слова и распределение ее составляющих не оставались неизменными в процессе эволюции немецкого языка. Фрагментарные данные по этому вопросу отражены в исторических грамматиках [4; 7]. Только в последние годы был про-

веден ряд систематических исследований развития тех или иных частей немецкого слова в диахронии. Так, Е.А. Шульган [10] на материале древнейших и современных памятников немецкого языка исследовала начало слова, включая префикс и анлаут корневой морфемы. Т.В. Гремалюк [1] изучила конечную часть немецкого слова в различные периоды эволюции языка. О.П. Диминова [3] проанализировала корневую структуру и особенности ее развития и функционирования в немецком языке.

Материалом в нашем исследовании послужили слова, полученные с помощью сплошной выборки из древне- (двн.) и средневерхненемецких (свн.) текстов в количестве 10000 слов в каждом из периодов. Оценка достаточности объема выборки проводилась по формуле:

$$N = z_p(1-f)/(\delta^2 f),$$

где N – минимальный объем выборки, f – относительная частота встречаемости, δ – относительная погрешность, p – надежность, z_p – значение функции, зависящей от надежности (z_p для оценки принималось равным значению 1,96 [5]).

Подсчет относительной частоты встречаемости различных структур односложного слова, а также сочетаний фонем в тех или иных позициях был нами осуществлен посредством ЭВМ при помощи специально разработанной программы.

Как показано в [5], относительная погрешность 20% ($\delta=0,2$) для фонетико-фонологических и грамматических исследований является достаточной. По данным предварительных экспериментов нами было установлено, что минимальная относительная частота встречаемости основных структур слова составила 0,01. Тогда минимально необходимый объем выборки для анализа таких структур по вышеприведенной формуле составляет 9500 слов. Последнее число меньше, чем используемый в данном исследовании объем выборки. Следовательно, выборка в 10000 слов является достаточной для выполнения вышеуказанных задач.

Для анализа нами были использованы вероятностно-статистический, сравнительно-исторический, дескриптивный методы исследования.

В таблице 1 представлены некоторые результаты проведенного нами анализа структуры слова в двн. и свн. периодах. В обоих рассматриваемых этапах развития немецкого языка частота употребления односложных слов меньше, чем многосложных. Так, в односложных словах она составила 0,11 и 0,19 соответственно для двн и свн текстов. Увеличение частоты употребления односложных слов при переходе от двн. к свн. свидетельствует о тенденции более частого употребления этих слов в свн. периоде по сравнению с двн. текстами.

Таблица 1.

Структура немецкого слова в ходе развития языка

№	Кол-во слогов	Двн.	Примеры	Свн.	Примеры
1	односложные	0,11	strid, kneo	0,19	brunst, starc
2	многосложные	0,89	spre-cken, sal-tum	0,81	stri-chen, ei-ge
Итого:		1,00		1,00	

Для односложных слов нами было установлено 15 моделей, которые представлены в табл. 2.

Самыми употребительными являются модели CVC, CVCC и CCVC. Их общая частота составила 78% для двн. и свн. слов. Следующими по частоте структурами односложного слова являются модели CCVCC, CV, VC, VCC, CVCCC. Их общая частота составила 16,8% и 20% соответственно для двн. и свн. периодов. Общая относительная доля употребления остальных структур слов не превысила 2,3 % от количества односложных слов в выборках. Анализ показал, что в свн. текстах встретились все структуры односложных слов двн. периода, а также возникли новые структуры VCCC и VCCCC, например, в свн. словах *ampt*, *ernst*. Причиной этого является сильная редукция

Таблица 2.

Структура односложных немецких слов

№	Структура	Двн. период		Свн. период	
		Частота	Примеры	Частота	Примеры
1	CVC	0,438	guot	0,440	tisch
2	CVCC	0,245	gold	0,240	dorf
3	CCVC	0,097	stein	0,101	stat
4	CCVCC	0,042	bring	0,066	starc
5	CV	0,066	nu	0,043	lie
6	VC	0,033	er	0,042	al
7	VCC	0,021	alt	0,026	oft
8	CVCCC	0,006	turft	0,023	werlt
9	CCV	0,018	kneo	0,007	dri
10	V	0,009	io	0,003	iu
11	CCVCCC	0,003	spanst	0,002	brunst
12	VCCCC		-	0,002	ernst
13	VCCC		-	0,002	ampt
14	CCCVCC	0,003	sprang	0,002	spricht
15	CCCVC	0,018	sprac	0,002	sprach
Итого:		1,000		1,000	

конечного неударного гласного, которая иногда приводила к исчезновению вокального звука, в результате чего бывшие двусложные корневые структуры стянулись в односложные.

Рассмотрим сочетаемость согласных в наиболее частотных структурах односложных слов. Дж. Гринберг [2] проанализировал исследования, проведенные многими авторами (на материале 104 языков мира), и установил определенные правила комбинаторики сочетания начальных и конечных согласных. По имеющимся в его распоряжении данным оказалось невозможным сформулировать какие-либо связи между начальными и конечными сочетаниями согласных в слове: "Хотя определенные связи между начальными и конечными системами нельзя исключить, ...оказалось невозможным сформулировать какие-либо правила, связывающие эти системы" [2, 45]. Данное утверждение дает нам основание исследовать превокальные и по-

ствокальные компоненты в совокупности целого ряда различных, но однотипных структур. Так, например, превокальный компонент, состоящий из одного согласного можно анализировать в структурах CV, CVC, CVCC, CVCCC, CVCCCC; поствокальный компонент, состоящий из одного согласного – в структурах VC, CVC, CCVC, CCCVC. Аналогично можно анализировать двух- и трехконсонантные пре- и поствокальные компоненты односложных слов в однотипных структурах.

Анализ одноконсонантного анлаута показал, что он может быть представлен практически всеми согласными древне- и средневерхненемецкого языка. Исключениями для двн. периода является аффриката *pf*. В свн. языке появляется новый звук [S], например, в словах *scham, schal, schar*. В двн. в одноконсонантном анлауте односложных слов встретилась аффриката *ch* [kx] (например, *cher, chopf, chor*), в свн. периоде данный согласный отсутствует. Очевидно, что аффриката *ch* в одноконсонантном анлауте перешла в свн. в согласный *k* в соответствующей позиции. Например, двн. слово *chopf* в свн. периоде переходит в *kopf*.

Одноконсонантный ауслат односложных слов представлен также, как и вышеописанный анлаут, широким спектром согласных звуков. Однако, в отличие от анлаута, в ауслате были зафиксированы слова с аффрикатой *pf* как в двн, так и в свн. языке. Например, в двн. – *chapf, chopf*; в свн. – *zopf, schupf*.

Сочетания поствокальных элементов структуры CVC¹C² представлены по-разному. В позиции C² чаще всего выступают сонорные согласные, такие как г, l, m, n, в то же время не встретились в выборке полугласные двн. и свн. w и j. Употребление в качестве элемента C² щелевых, смычных и аффрикат ограничено. В двн. языке были обнаружены следующие сочетания: *ft, st, sg, sk, hn, hk, ht, hs, kt*. В свн. кроме вышеперечисленных сочетаний встретились комбинации: *pz, hs, fts., cht, chts, ts, gt, ks,*

fs. Опираясь на энергетическую теорию речи [8], можно заключить, что поствокальный компонент модели CVC¹C², представляет собой нисходящее либо восходящее изменение артикуляторной напряженности. Так, для нисходящего изменения напряженности характерны сочетания: *rb, rd, rg, rt, rk, lb, ld, rts, lts, rf, rs, ns, nch* и др. Восходящее изменение напряженности реализуются в следующих сочетаниях: *hn, ft, st, sk, ht*. Анализ поствокального компонента структуры CVC¹C², показал, что как в двн., так и в свн. периоде предпочтение отдается словам с нисходящим изменением напряженности в поствокальном компоненте структуры.

Превокальный компонент C₁C₂ структуры C₁C₂VC представлен избирательно. Так, сонантные отсутствуют в структуре C₁C₂VC в качестве элемента C₁. В этой же позиции отсутствуют аффрикаты *pf* и *kx* как в двн., так и в свн. периодах развития языка. Следует также отметить, что в свн. период в выборке не было зафиксировано ни одного случая употребления в качестве элемента C₁ согласного щелевого звука h. В двн. языке согласный h сочетается с другими согласными: *hl, hr, hw* (например, *hriuw*). В качестве элемента C₁ структуры C₁C₂VC могут выступать все смычные согласные, аффриката *ts*, а также практически все щелевые, кроме двн. и свн. *z* и свн. *ch, h*. Звук C₁ вышеупомянутой структуры сочетается со всеми сонорными звуками (кроме сонанта *j*), смычными согласными *p* и *t*, а также со щелевым *h* и *f*. В качестве превокального компонента структуры C₁C₂VC могут выступать сочетания: *br, gl, tw, tsw, sp, sw, Sr, Sl, st, sp* и другие. Следует отметить, что в свн. периоде для структуры C₁C₂VC в качестве элемента C₂ превокального компонента структуры нами не было найдено примеров со смычным *k*. В двн. периоде этот согласный репрезентируется только одним сочетанием *sk*. Можно предположить, что большинство слов с данной превокальной структурой в двн. перио-

де преобразовалось в свн. периоде в слова с новой свн. фонемой [S]. Таким образом, произошел переход определенного количества слов из структуры C_1C_2VC в структуру CVC с фонемой [S] в анлауте. С точки зрения энергетической теории анлаут одновокальной структуры C_1C_2VC представляет собой восходящее изменение напряженности. Например, TR-, PFT-, PFR-, SR-, ST-. Таким образом, в целом структура C_1C_2VC представляет собой восходяще-нисходящее изменение энергетичности слова.

Рассмотрим структуру $C_1C_2VC^1C^2$. Как превокальный, так и поствокальный компоненты данной структуры представлены сочетаниями двух согласных. Основные закономерности, изложенные нами выше для анлаута структуры C_1C_2VC и ауслота структуры CVC^1C^2 , сохраняются соответственно для анлаута и ауслота структуры $C_1C_2VC^1C^2$. Анализ данной модели с позиций энергетической теории речи [8], показал, что структура $C_1C_2VC^1C^2$ как в двн., так и в свн. периодах представляет собой восходяще-нисходящее (напр., *plump*) либо восходящее-нисходяще-восходящее (*traht*) изменение артикуляторной напряженности.

Трехконсонантные сочетания согласных в двн. и свн. представлены следующим образом: *str, spr, spl* – в анлауте; *rst, rft, nst, lst, nft, rht, rmd, hst, nfz, nkt, nft, lft* – в ауслоте. Как видно из сочетаний, трехконсонантный превокальный компонент структур представлен моделью STR-, поствокальный компонент – моделями –RST, –RRT, –SST, –RSS, –RTT. Исходя из анализа, можно заключить, что трехконсонантный превокальный компонент представляет собой восходящее изменение напряженности, а трехконсонантный поствокальный компонент различных структур может представлять как нисходящее, так и нисходяще-восходящее изменение напряженности.

В ходе анализа выборки встретился четырехконсонантный поствокальный компонент в структурах CVCCCC и VCCCC

(например, *ernst, herbst*). Поствокальный компонент в данных структурах представляет собой нисходяще-восходящее изменение напряженности.

Таким образом, в ходе анализа древних немецких текстов были установлены основные структуры односложных слов и некоторые тенденции их развития. В частности, отмечена тенденция предпочтительного использования односложных слов в свн. периоде по сравнению с двн. текстами. В двн. языке реализовывалось 13 различных односложных структур, в свн. – 15 моделей.

В анлауте структур с одной согласной в превокальной позиции и ауслоте структур с одной согласной в поствокальном положении встречаются наиболее часто сонорные согласные, такие как w, l, m; наименее часто – аффрикаты.

Двуконсонантные сочетания в анлауте образуют восходящее изменение артикуляторной напряженности, в ауслоте представлены различные направления изменения напряженности, однако типичным выступает нисходящее изменение. В целом пре- и поствокальная структуры слова (и слога) образуют „зеркальное“ отражение по отношению к корневому гласному. Установлено также, что основные закономерности, полученные выше для анлаута структуры C_1C_2VC и ауслота структуры CVC_1C_2 , сохраняются соответственно для анлаута и ауслота структуры $C_1C_2VC^1C^2$. Аналогичные свойства проявляют согласные в трехчленных сочетаниях в однокорневых словах в двн. и свн. языке.

Таким образом, внутренние отношения в структуре слова в разные периоды существования немецкого языка являются в принципе сходными и характеризуются **восходящим** изменением начальных согласных и **нисходящим** или его комбинациями с восходящим в конце слова. Типичной является структура слова вида STRVRTS. Однако, если сравнить отдельно начало

слова и отдельно конец слова в двн. языке с соответствующими участками слова в свн. языке, то необходимо отметить существенное их различие. В свн. языке отсутствует в комбинациях согласный звук [h] как наиболее слабый в артикуляторном отношении, но появляется в этой позиции слова артикуляторно более сильная фонема [S], что в целом свидетельствует о некотором усилении начала произнесения слова. В то же время в исходе свн. слова происходит редукция звуков, прежде всего гласных, что приводит к выпадению редуцированного и стяжению слова, чего не наблюдалось в двн. словах. В таких случаях можно говорить о компрессии информации в словах по отношению к единице речи. Это довольно существенный признак в динамике фонетического слова. В итоге, конец свн. слова характеризуется артикуляторным ослаблением по отношению к двн. периоду немецкого языка.

В целом структура односложного слова характеризуется в своем развитии увеличением артикуляторной напряженности в начале и ее ослаблением в конце. Можно предположить, что в пределах динамики слова действуют компенсаторно противоположно направленные силы, которые приводят к равновесию, устойчивости и целостности фонетического слова.

Литература

1. Гремалюк Т. В. Структура кінця слова та тенденція його зміни в німецькій мові. // Склад і слово в діакронії: слов'янські та германські мови (відп. ред. В. Г. Таранець) – Київ: вид-во Інституту системних досліджень, 1994. – С.57-61.
2. Гринберг Дж. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных //Вопр. языкознания. – 1964. – №4. – С. 41-65.
3. Димирова О. П. Корнева морфема в німецькій мові та її розвиток. // Склад і слово в діакронії: слов'янські та германські

мови (відп. ред. В. Г. Таранець) – Київ: Вид-во Інституту системних досліджень, 1994. – С. 5-14.

4. Зиндер А. Р., Строева Е. В. Историческая фонетика немецкого языка. – М. – Л.: Просвещение, 1965. – 192 с.
5. Пиотровский Р. Г., Бектаев К. Б., Пиотровская А. А. Математическая лингвистика. – М.: Наука, 1982. – 128 с.
6. Прокопова Л. И. Структура слога (Эксперим. – фонетическое исследование на материале нем. яз.). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1973.
7. Сравнительная грамматика германских языков: в 5-ти т.: т.3: Морфология. – М.: Наука, 1966. – 455 с.
8. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи. – Киев: Вища шк., 1981. – 146 с.
9. Трубецкой Н. С. Основы фонологии: Пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 372 с.
10. Шульган Е. А. Фонотактическая модель начала слова, ее функционирование и особенности развития в немецком языке (диакроническое исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1990.
11. Lindner G. Lautfolgestrukturen im Deutschen //Ztschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1980. – Bd.23. H.4. – S.468 – 477.
12. Rannut M. Consonant combinatorics in German. – Tallin: Acad. of sci. of the Estonian SSR. Institute of Language and Literature, 1987. – 18 p.
13. Seiler H. Laut und Sinn: Zur Struktur der deutschen Einsilber // Linguistica. – 1962. – N11. – S. 375-387.
14. Stelzig H. Bildung und Realisierung von Phonemstrukturen im Stammaslaut und Endung deutscher Wörter //Phonetica. – 1965. – V.13, N1 – 2. –S. 91-94.
15. Tanaka H. Die Konsonantenverbildungen im Deutschen // Muttersprache. – 1964. – H.6. – S. 167-177.

16. Twaddell W.F. Combinations of Consonants in Stressed Syllables in German // Acta linguistica. I. – 1940-41. – V. 11. – N1. – P. 31-50.

Источники

1. Hildebrandslied (770/80)
2. Althochdeutscher Isidor (um 790)
3. Althochdeutscher Tatian (um 830)
4. Muspilli (um 870)
5. Georgslied (um 880)
6. Ludwigslied (nach 881)
7. Notker Labeo (um 950 – 1022): Consolatio philosophiae des Boethius (Kommentierende Übersetzung); De nuptiis Philologiae et Mercurii des Marcianus Capella (Kommentierende Übersetzung); Kategorien und Hermeneutik des Aristoteles (Kommentierende Übersetzung); Psalmen (Kommentierende Übersetzung)
8. Noker von Zwiefalten (vor 1065 – nach 1090): Memento mori (um 1070); Himmel und Hölle (um 1090)
9. Nibelungenlied (1190/1200)
10. Gottfried von Straßburg (um 1210): Tristan (um 1205/10), Sprüche
11. Daz buoch von guoter spîse (um 1350)

МЕТОДЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Применение статистических методов в фонетических исследованиях связано с определением закономерностей в структуре исследуемого речевого явления, поскольку звучащая речь является случайным процессом, и физические параметры звуков могут рассматриваться как случайные величины. Трактовка результатов инструментальных измерений при исследовании различных параметров звуков может считаться полной и достоверной только после соответствующего статистического анализа [1; 4; 6; 7; 8].

Основным методом, используемым при анализе данных **инструментального исследования**, является выборочный метод, центральными понятиями которого являются *генеральная совокупность* как единство всех возможных элементов, которым присущ интересующий исследователя признак, а также *выборочная совокупность* как единство части элементов, которые отбираются из генеральной совокупности для получения достоверных сведений о всей совокупности.

Для практических целей вместо полного описания статистических свойств генеральной совокупности случайных величин обычно ограничиваются только указанием некоторых частотных характеристик на базе выбирающей совокупности с помощью закона распределения. К ним относятся [8]:

1. Точка, к которой тяготеет совокупность значений случайной величины x – *среднее арифметическое значение* \bar{x} , определяемое по формуле:

$$\bar{x} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n} \quad (1)$$

2. Разброс значений x относительно среднего значения \bar{x} – *дисперсия* σ^2 , определяемая по формуле:

$$\sigma^2 = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n - 1} \quad (2)$$

3. Поскольку дисперсия отлична от размерности исследуемой величины x , вместо нее часто применяется положительный корень из дисперсии, который называется *стандартным отклонением* или *среднеквадратическим отклонением*.

4. Отклонение кривой распределения от симметричной – *асимметрия*, определяемая по формуле:

$$A = \frac{n \cdot \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^3}{(n - 1) \cdot (n - 2) \cdot \sigma^3} \quad (3)$$

5. Острровершинность кривой распределения – *эксцесс*, определяемый по формуле:

$$E = \frac{n \cdot (n + 1) \cdot \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^4 - 3 \cdot \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \cdot (n - 1)}{(n - 1) \cdot (n - 2) \cdot (n - 3) \cdot \sigma^4} \quad (4)$$

6. *Вариативность* изучаемого явления V :

$$V = \frac{\sigma}{\bar{x}} \quad (5)$$

Случайные величины распределяются относительно своего среднего согласно определенному закону распределения. Наиболее распространенным в статистических исследованиях является нормальное (гауссовское) распределение, которое может быть описано следующей функцией:

$$f(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{x - \bar{x}}{2\sigma^2}} \quad (6)$$

Выявление закона распределения каждой конкретной выборки является очень важным, поскольку в зависимости от этого будут использованы для ее описания те или иные статистические приемы. Различные фонетические явления могут распределяться по различным законам, отражающим природу звукового явления, и их выявление требуется в каждом конкретном случае. Если объем выборки является достаточно большим ($n > 100$), то законом распределения можно пренебречь и выборку рассматривать как нормальную, применяя к ней параметрические статистические приемы. Однако в случае выборок с меньшим объемом ($n < 100$) проверка на нормальность является обязательной, поскольку применение статистических приемов, не соответствующих данному закону распределения, может привести к ошибочным результатам.

Современные методики проведения предварительного статистического анализа массива данных рекомендуют использование W -критерия Шапиро-Уилкса, поскольку этот статистический тест не требует предварительного знания среднего значения или дисперсии гипотетической выборки, соответствующей нормальному распределению. Если полученное в результате проведения этого теста значение W существенно отличается от теоретического ($p \leq 0,05$), то можно сделать вывод о том, что данная выборка не подчиняется законам нормального распределения, и наоборот [8].

Тест Шапиро-Уилкса, однако, не дает представления о характере распределения, если определено, что оно существенно отличается от нормального. В связи с этим при проведении проверки на нормальность необходимо обращать внимание на значения асимметрии A и эксцесса E .

Наглядным способом проверки нормальности распределе-

ния массива данных является **построение гистограмм**. Гистограмма графически представляет частотное распределение избранной случайной величины x_i и строится по каждому виду сгруппированных данных. Предполагаемая область значений x_i делится независимо от выборки на некоторое количество интервалов. Над каждым интервалом строится прямоугольник, высота которого пропорциональна количеству значений x_i , входящих в данный интервал*. На рис.1 в качестве примера приведена гистограмма измерений минимальных значений интенсивности фазы смычки глухого предстыкового пловца [t].

Сравнение гистограммы с наложенным на нее графиком нормального распределения показывает их хорошее совпадение, что говорит о нормальности распределения. На рис.2, напротив, гистограмма значений мощности смычного глухого [t] значительно отличается от нормального распределения, представ-

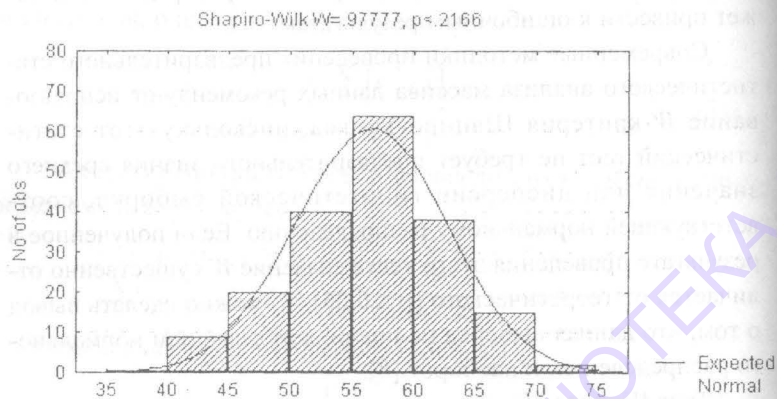

Рис.1. Гистограмма нормального распределения минимальных значений интенсивности фазы смычки [t]

* Здесь и далее приводятся примеры из работы "Реализация консонантных сочетаний на стыке лексических единиц (инструментально-фонетическое исследование на материале речи дикторов радио и телевидения Германии)" [5].

ленного на рис.1, и совпадает с наложенным на нее графиком для экспоненциального распределения. При этом точность совпадения оценивается с помощью критерия χ^2 или одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова [8].

Если в результате проведенного выше анализа установлено, что данная выборка подчиняется нормальным законам распределения, то, основываясь на этом можно отсеять **грубые ошибки измерений**, руководствуясь правилом *двух сигм* ($\bar{x} \pm 2\sigma$) и критерием Романовского, вычисляемым по формуле:

$$t_p = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma} \quad (7)$$

Вычисленное значение сравнивается с табличным в соответствии с заданным объемом выборки и вероятностью погрешности [3, 13]. Если $t_p = t_p'$, то x_i отбрасывать нельзя. Если $t_p > t_p'$, то резко отличающееся значение x_i является грубой ошибкой и должно быть исключено из выборки.

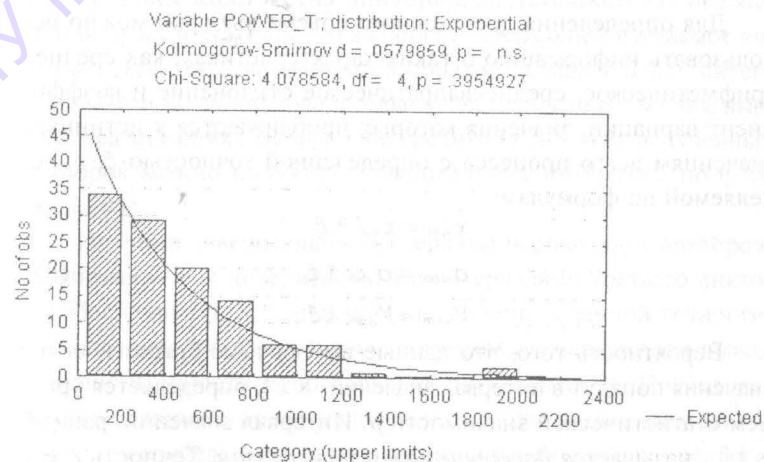

Рис. 2. Гистограмма экспоненциального распределения значений мощности смычного глухого [t]

При планировании инструментально-фонетического исследования необходимо исходить из того, что достоверная информация должна быть получена максимально экономным способом. Сущность закона больших чисел заключается в том, что по мере увеличения числа наблюдения, влияние случайных причин, определяющих величину признака у отдельных единиц лингвистической совокупности, взаимно погашается, и в сводных характеристиках совокупности проявляется действие основных причин, которые определяют закономерность фонетического явления.

Увеличение объема выборки повышает надежность результатов исследования, но это связано с трудностью обработки материала и значительной затратой времени. Поэтому **определение минимального объема выборки**, достаточного для описания лингвистического явления и обеспечивающего надежные, достоверные результаты, является центральным моментом в планировании фонетического исследования.

Для определения достаточного объема выборки можно использовать информацию о таких характеристиках, как среднее арифметическое, среднеквадратическое отклонение и коэффициент вариации, значения которых приближаются к истинным значениям всего процесса с определенной точностью ξ , определяемой по формулам:

$$\begin{aligned} \bar{x}_{ист} &= \bar{x}_{выб} \pm \xi \\ \bar{\sigma}_{ист} &= \bar{\sigma}_{выб} \pm \xi \\ \bar{V}_{ист} &= \bar{V}_{выб} \pm \xi \end{aligned} \quad (8)$$

Вероятность того, что данные выборочные статистические значения попадут в интервал значений $\bar{x} \pm \xi$, определяется уровнем статистической значимости p . Интервал значений, равный $\bar{x} \pm \xi$, называется *доверительным интервалом*. Точность ξ может быть задана в единицах измерения исследуемого признака, как в абсолютных, так и в относительных единицах.

Для определения объема выборки необходимо задать степень точности ξ и доверительную вероятность p . Длина доверительного интервала, т.е. заданная точность ξ определяется равенством:

$$\xi = Z_p \frac{\sigma}{\sqrt{n}} \quad (9)$$

где Z_p – аргумент функции интеграла Лапласа, определяемый по таблице [3].

Преобразуя формулу (9) относительно n устанавливаем, что объем выборки по заданной точности ξ и надежности p определяется следующей зависимостью:

$$n = Z_p^2 \frac{\sigma^2}{\xi^2} \quad (10)$$

В ходе исследования каждая из полученных в результате отбора выборок должна быть подвергнута проверке на достаточность.

Не менее важным в фонетических исследованиях является **определение количества дикторов**, достаточного для обеспечения репрезентативности выборки, содержащей изучаемое явление. Для этого используется понятие доверительных интервалов. При заданной доверительной вероятности $p = 95\%$ и имеющихся значениях выборочной средней \bar{x} для всех полученных выборок можно получить доверительные интервалы по формуле (9).

Получив доверительные интервалы первых двух дикторов, сравниваем их с доверительными интервалами третьего диктора. Последние не укладываются в границы заданной точности, вычисленные по первым двум дикторам, из чего делаем вывод о недостаточности использования двух дикторов. Последовательно сравнивая доверительные интервалы следующих дикторов с доверительными интервалами суммированных предыдущих, находим количество дикторов, необходимое для данных выборок.

При сравнении показателей акустических характеристик звуков большое значение имеет вопрос о **существенности различий** между исследуемыми величинами. Как правило, среднее арифметическое значение показателя в одной выборке отличается от среднего арифметического значения в другой выборке.

В случаях, когда закон распределения этого показателя в обеих выборках близок к нормальному, а значения дисперсии существенно не отличаются друг от друга, ответ на поставленный вопрос дает *t*-критерий Стьюдента, который определяется по формуле:

$$t = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{\sqrt{(n_1 - 1) \cdot \sigma_1^2 + (n_2 - 1) \cdot \sigma_2^2}} \cdot \sqrt{\frac{n_1 n_2 (n_1 + n_2 - 2)}{n_1 + n_2}} \quad (11)$$

Полученное значение *t* затем сравнивается с табличным для заданной достоверности и числа степеней свободы [2]. Если полученное значение больше табличного, то различия между двумя средними значениями являются статистически значимыми. Если полученное значение меньше табличного, то различия не являются существенными и ими можно пренебречь.

Современные программные пакеты статистического анализа позволяют не только вычислять значение *t* для зависимых и независимых выборок, но и рассчитывать степень достоверности различий между двумя средними для данного количества степеней свободы. Если полученное в результате $p \leq 0,05$, то различия можно считать существенными. Полученные значения *p* в пределах 0,005-0,001 свидетельствуют о высокой значимости различий между двумя переменными. Следовательно, чем выше *p*-уровень, тем меньше мы можем доверять наблюдаемым связям между соответствующими переменными выборки.

Как указывалось выше, важной предпосылкой истинности *t*-теста является однородность дисперсии, которая проверяется по тесту Левена, основанному на абсолютном отклонении значений от среднего арифметического. Если результаты теста являются статистически значимыми, т.е. $p \leq 0,05$, то предпосылка об однородности дисперсии должна быть отклонена [8].

В этом случае, как и в случае, когда хотя бы одна из выборок не соответствует нормальному закону распределения, следует применять один из непараметрических эквивалентов *t*-теста Стьюдента для независимых выборок, а именно, *U*-тест Манна-Уитни, действие которого основано на ранговых суммах, а не на среднеарифметических значениях. Это самый чувствительный из непараметрических эквивалентов *t*-теста Стьюдента для независимых выборок. Толкование этого теста аналогично толкованию *t*-теста Стьюдента, а именно, если $p \leq 0,05$, то различия можно считать существенными, в противном случае ими можно пренебречь [8].

Для установления общих законов, лежащих в основе определенного фонетического явления, следует проанализировать не только каждый из компонентов какого-либо явления, но и представить **детальную количественную и качественную характеристику связей**, существующих между любыми двумя признаками процесса с последующим описанием результатов воздействия данных связей на изучаемые явления.

В случае если обе выборки подчиняются законам нормального распределения, то взаимное влияние двух показателей можно описать с помощью коэффициента *линейной корреляции Пирсона* [4], который определяется по формуле:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x}) \cdot (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \cdot \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}} \quad (12)$$

Получение числового коэффициента не всегда является достаточным для правильного определения связи между параметрами, поскольку он не отражает наличия в выборке так называемых *выбросов*, т.е. резко отклоняющихся значений. Наличие хотя бы одного из них может в значительной мере исказить реальную картину связи между величинами [8]. Так, например, при рассмотрении графика корреляционной зависимости интенсивности фазы смычки и ее длительности (рис.3) из него были ис-

ключены величины, резко отличающиеся от остальных, что позволило установить точный уровень корреляции между временным и энергетическим параметрами.

Если одна из двух сравниваемых выборок не подчиняется законам нормального распределения, необходимо использовать один из непараметрических эквивалентов r -критерия Пирсона.

Таким эквивалентом является коэффициент *ранговой корреляции Спирмана*, определяемый по формуле:

$$R = 1 - \frac{6 \cdot \sum (x_i - y_i)^2}{n \cdot (n^2 - 1)} \quad (13)$$

На рис. 4 представлен график зависимости параметра мощности глухого предстыкового пловца [t] от уровня интенсивности фазы смычки, полученный в результате проведенного рангового корреляционного анализа Спирмана. Применение этого непараметрического теста вызвано тем, что один из сравниваемых параметров подчиняется экспоненциальному закону распределения.

В целом, схема статистического анализа данных инструментального анализа может быть представлена следующим образом (рис.5).

Корреляция: $r = -0,7902$

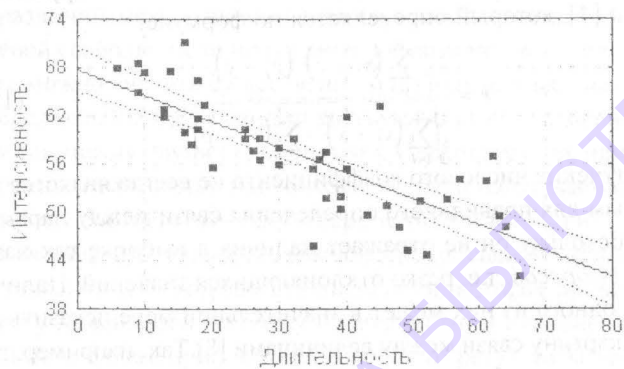

Рис. 3. График корреляционной зависимости интенсивности фазы смычки [t] и ее длительности по r -критерию Пирсона

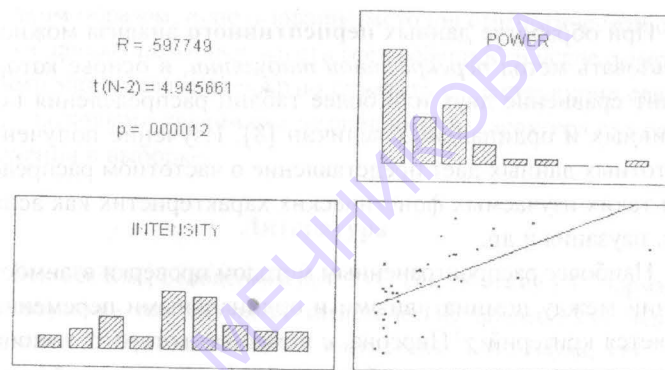

Рис. 4. График корреляционной зависимости мощности глухого предстыкового пловца [t] от уровня интенсивности фазы смычки по R -критерию Спирмана

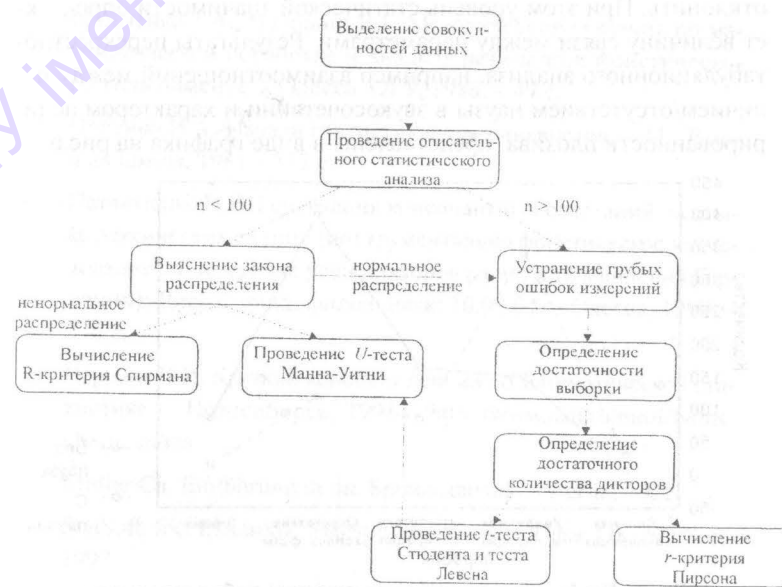

Рис.5. Схема статистического анализа данных инструментального исследования

При обработке данных **перцептивного** анализа можно использовать метод *перекрестной таблицы*, в основе которого лежит сравнение двух или более таблиц распределения номинальных и ординальных величин [8]. Изучение полученных частотных данных дает представление о частотном распределении таких изучаемых фонетических характеристик как аспирация, паузация и др.

Наиболее распространенным методом проверки взаимоотношений между номинальными и ординальными переменными является критерий χ^2 Пирсона, с помощью которого оценивается существенность различий между нулевой гипотезой и гипотезой, выдвинутой на основании полученных данных перцептивного анализа. Если результаты этого теста являются статистически значимыми, то нулевую гипотезу об отсутствии связи следует отклонить. При этом уровень статической значимости определяет величину связи между параметрами. Результаты перекрестно-табуляционного анализа, например взаимоотношений между наличием/отсутствием паузы в звукосочетании и характером аспирированности плозива, представлены в виде графика на рис.6.

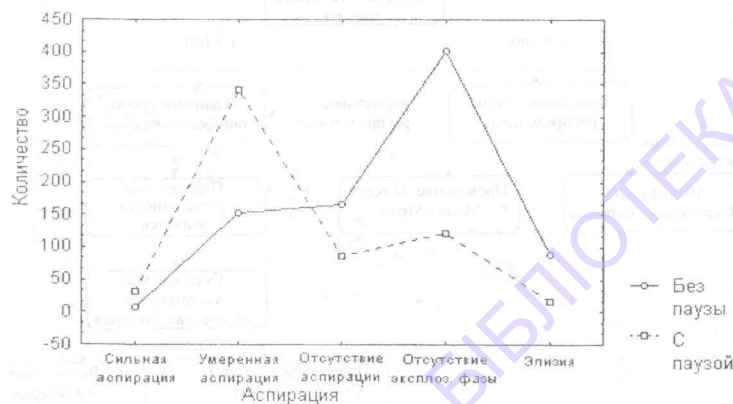

Рис.6. График результатов перекрестно-табуляционного анализа аспирации предстыковых плозивов в зависимости от наличия/отсутствия паузы

Таким образом, использование методов статистической обработки данных позволяет учесть все особенности исследуемого речевого материала и адекватно отразить существующие связи между звуковыми явлениями независимо от характера его распределения в выборке.

Литература

1. Бектаев К.Б., Белоцерковская Л.И., Пиотровский Р.Г. Норма – ситуация – текст и лингвостатистические приемы их исследования. // Языковая норма и статистика. – М.: Наука, 1977. – 301 с.
2. Бровченко Т.А., Варбанец П.Д., Таранец В.Г. Метод статистического анализа в фонетических исследованиях. – Одесса: Изд-во ОГУ, 1976. – 101 с.
3. Бровченко Т.А., Волошин В.Г. Методические указания по математической обработке и анализу результатов фонетического эксперимента. – Одесса: ОГУ, 1986. – 49 с.
4. Носенко И.А. Начала статистики для лингвистов. – М.: Высшая школа, 1981. – 157 с.
5. Петлюченко Н.В. Реализация консонантных сочетаний на стыке лексических единиц (инструментально фонетическое исследование на материале речи дикторов радио и телевидения Германии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1999. – 230 с.
6. Чернова Н.И. Краткий конспект лекций по математической статистике. – Новосибирск, 1998 – <http://www.nsu.ru/mmftvims/chernova/ms>
7. Muller Ch. Einführung in die Sprachstatistik. – Berlin, 1972.
8. StatSoft, Inc. Electronic Statistics Textbook. – Tulsa, OK: StatSoft, 1997.

ТИПОЛОГИЯ ДЕТСКИХ НОМИНАЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ГРЕЧЕСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение номинативного аспекта речевой деятельности и, в частности, классификация номинаций были начаты в советском языкознании в рамках теории номинативной деятельности [1; 6]. Например, В.Г. Гак предложил 8 аспектов, на основе которых могут быть построены различные типологии номинаций:

- I. Иерархия номинаций.
 - II. Функция номинаций.
 - III. Именуемый объект (номинат).
 - IV. Структура (внешняя форма наименования).
 - V. Способ наименования (в том числе внутренняя форма).
 - VI. Субъект речи и адресат (в том числе социальный аспект, информативный аспект и субъективное отношение субъекта к объекту).
 - VII. Соотношение номинаций в парадигматическом аспекте.
 - VIII. Соотношение номинаций в синтагматическом аспекте.
- [6, 242]

В качестве основания для типологизации мы выбрали первый из восьми параметров, предложенных В.Г. Гаком, а именно иерархию номинаций. Материалом исследования послужили номинации, которые были получены в результате эксперимента, проведенного с французскими, греческими и украинскими деть-

ми возраста от 3-х до 6 лет. Детям было дано задание: назвать картинки с изображением людей различных профессий, животных, предметов, еды и т. п.

Весь объём полученных детских высказываний (420 единиц) разделён на 3 основные группы:

- а) прямые номинации;
- б) косвенные номинации;
- в) неологизмы.

Некоторые предметы, изображённые на картинках, были названы с помощью нормативных языковых обозначений, закреплённых за ними в каждом отдельно взятом языке, т.е. происходила **прямая номинация**, свидетельствующая о том, что ребёнок овладел значением данного слова:

бананы → les bananes, μπανάνες, банани*.

Особый случай прямых номинаций в детской речи представляют собой номинации, имеющие какие-либо фонетические отклонения от нормативной языковой формы слова:

подъёмный кран → une grue (вместо "une grue")**;

утюг → δι (вместо "σιδερο");

автомат → патомат (вместо "автомат").

Появление номинаций данного типа связано с тем, что ребёнок, в силу недостаточного владения артикуляционным аппаратом или недостаточно чёткого восприятия слова, не может точно воспроизвести его звуковую оболочку, и произносит слово в деформированном виде.

К прямым номинациям относится также довольно редкое явление *фонетической ассоциации* [2,16], имеющее в своей ос-

* Здесь и в дальнейшем первое слово обозначает предмет, изображённый на картинке; слово после стрелки – номинация, данная ему ребёнком.

** В скобках приводятся пояснения к детским номинациям или их переводы на русский язык.

нове звуковое сходство слова-стимула и слова-реакции без взаимосвязи их семантической структуры:

пингвин → "Pinguin"

(название пирожного из рекламы, которое ассоциируется у ребёнка со словом "pinguin").

Косвенная номинация осуществляется в тех случаях, когда для обозначения незнакомого или мало знакомого ребёнку предмета используется название другого объекта, как правило, ассоциирующегося с ним по какому-либо признаку. Примером номинаций данного типа могут служить такие слова, как:

крот → une souris (мышь);

пень → η καρέκλα (стул);

пират → дядя (взрослый мужчина).

Косвенная номинация возникает вследствие явления "сдвинутой референции", когда в сигнификат знака вводятся признаки, количественно или качественно не принадлежащие знаку [5, 177]. Проблема перехода от прямой номинации к косвенной "как закономерность изменения значения на основе аналоговых отношений денотатов" [5, 146] является одной из базовых проблем теории номинативной деятельности и называется проблемой метасемиозиса.

По мнению Е.Кларк [9], в процессе обозначения предметов дети, как правило, опираются на следующие универсальные языковые принципы: ясность, простота и продуктивность. Согласно данным принципам, проще и экономнее подобрать к незнакомому предмету уже существующую звуковую оболочку, чем создавать такую оболочку самостоятельно. Большое количество косвенных номинаций, полученных во время эксперимента, по сравнению с созданными детьми неологизмами, которые встречались довольно редко, подтверждают гипотезу Е.Кларк, упомянутую выше.

Есть несколько аспектов, в которых могут быть рассмотрены отклонения от прямой номинации:

– семантический аспект;

– структурный аспект;

– семиотический аспект.

Очень распространёнными являются косвенные номинации, связанные с изменением внутренней формы слова, которые рассматриваются нами в семантическом аспекте.

Когда поводом для выбора языковой формы и её переосмысления, согласно коммуникативной цели высказывания, служит смежность объектов, объём понятия именуемого объекта может частично совпасть с объёмом понятия, уже отражённого в предшествующем значении языковой формы [6, 92]. В таких случаях возникает *метонимическая номинация*:

ботинки → les chaussettes (носки);

ящики → ρυζι (рис).

Можно выделить следующие типы частичного "наложения" понятий:

– место и объект: крестьянин, сеющий пшеницу (на фоне восходящего солнца) → un coucher du soleil (закат солнца);

– функция: дудка → να σφουρίζουμε (чтобы свистеть);

– действие над объектом: гребень → на чому ріжуть хліб;

– смежность объектов: лапы → les bottes (сапоги) и др.

Разновидностью метонимической номинации является *номинация-синекдоха*, отражающая партитивные отношения (отношения "часть – целое") между первоначальным значением языковой формы и значением объекта номинации:

сова → les yeux d'hibou (совиные глаза);

ослик → αυτιά (уши);

пень → дерево.

В отличие от метонимической номинации, в основе которой лежит смежность обозначаемых объектов, *метафорическая номинация* возникает в результате выделения сходных признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысляемого слова [6, 92-94]:

верёвка → un serpent (змея);

пингвин → ναυός (карлик);

лак для ногтей → кров.

В семантическом аспекте мы рассматриваем те номинации, которые связаны с изменением объёма понятия слова. Обозначим случаи широкого понимания значения слова термином “экстенсивная номинация”, а случаи узкого понимания значения слова термином “рестриктивная номинация”. Данные термины, входящие в интернациональный лингвистический словарь, соответствуют терминологии Е.Кларк (ср. “overextension” и “underextension” [9, 33-35]), которая уделяла большое внимание проблеме изменения объёма понятия слова.

Экстенсивные номинации встречаются чаще, чем номинации рестриктивные. “При этом, – пишут Р.И. Лалаева и Н.В. Серебрякова, – отмечается перенесение названия одного предмета на ряд других, ассоциативно связанных с этим предметом” [2, 8]. Экстенсивные номинации появляются тогда, когда ребёнок использует слово в качестве “ярлыка” по отношению к другим словам из “взрослой” категории или даже других категорий [9, 33-34]. Так, слово *une maison* (дом) используется для обозначения не только дома, но и собачьей будки; словом *παλουτσια* (обувь) называют разные виды обуви, в том числе сапоги, а словом *δядько* – человека любой профессии (повар, официант и др.), если он является мужчиной средних лет.

Экстенсивные номинации, в свою очередь, разделяются на две категории:

1) *таксономические номинации*, – когда какой-либо объект обозначается с помощью названия объекта того же класса:

чёрная смородина → les prunes (сливы), σταφύλακι (виноград)

енот → киця.

2) *аналогические номинации* – объект обозначается названием объекта другого класса на основе перцептуального сходства:

яблоко → une balle (мяч);

подъёмный кран → σταυρός (крест);

коробки с киноплёнкой → πιλαμίδκι (пирамидки).

Рестриктивная номинация, как правило, проявляется в том, что ребёнок употребляет слово как название конкретного предмета, а не как название класса предметов. Рестриктивные номинации являются следствием более ограниченного употребления слова, “сужения” его значения”:

трубы с дымом → la fumée d’un train (дым поезда);

лапы → λοβια αλο λιοπαρι (львиные ноги), тигрянi ножки.

Е.Кларк приводит пример, в котором одно и то же слово служит одновременно экстенсивной и рестриктивной номинацией. Так, ребенок может использовать слово “собака” для называния только больших собак, а не маленьких, и в то же время называть собаками овец, коров и других животных [9, 35].

Данный факт свидетельствует о том, что, по всей видимости, в основе экстенсивной и рестриктивной номинации лежит один и тот же процесс – явление сдвинутой референции, который может рассматриваться не только по линии семантических переносов с их классическими формами метонимии, синекдохи, метафоры, но и по линии “предмет – класс – предмет” [5, 180].

При анализе структуры косвенных номинаций (*структурный аспект*) наблюдаются морфологические и синтаксические отклонения от нормативных языковых форм.

Одним из типов морфологических отклонений являются номинации словами, принадлежащими к другой грамматической категории: дудка → να σφουριζουμε (чтобы свистеть).

Данная “ошибка” свидетельствует о недостаточной дифференциации ребенком категориальных значений слов [2, 32].

Кроме того, в результате проведения эксперимента, были замечены следующие виды структурных морфологических отклонений от прямой номинации:

– неправильное употребление категории рода:

une file aux aiguilles (вместо un fil);

un souris (вместо une souris).

– неправильное употребление категории числа:

бананы → une banane (банан);

спицы → карфакі (шпилька);

бублик → пілішки (пиріжки).

– неправильное употребление грамматических маркеров и морфем:

лягушки → βατραχакια πηδανε στο νερο
(пропущен артикль τα);

сломанная скамейка → ξυλι (вместо το ξυλο).

Наиболее часто был замечен пропуск грамматических маркеров и морфем. Согласно Вивиан Кук, существуют различные объяснения данного явления [10, 141-144].

Как известно, пропуск безударных слогов является универсальной характеристикой детской речи. В отличие от самостоятельных частей речи, на которые падает смысловое ударение в предложении, служебные части речи, как правило, занимают безударную позицию. Отсутствие грамматических маркеров и морфем объясняется тенденцией детей пропускать любые безударные элементы предложения.

Кроме того, понятия, которые выражают служебные части речи, являются более абстрактными и, соответственно, более сложными для овладения, чем понятия, выраженные обычными словами. Р.Браун убедительно доказывает, что порядок по-

явления первых четырнадцати грамматических морфем объясняется их семантической сложностью [13, 60].

Впрочем, как остроумно заметил некий психолингвист, единственный надежный способ доказать правильность этой теории – обучить детей “английскому наоборот”: произносить слова так, чтобы под ударением находились морфемы.

В отличие от лексико-семантических ошибок, которые практически исчезают из речи ребенка до 7 лет, морфологические и синтаксические отклонения встречаются и у детей старшего возраста: овладение морфологической и синтаксической системой языка предполагает более многообразную и сложную интеллектуальную деятельность ребенка [2, 47]. Ребенку необходимо усвоить те элементы, которые отвечают за изменение значения слова, установить связь между элементами и грамматическими значениями слов, овладеть техникой построения предложения, научиться правильно организовывать семантическую структуру высказывания. Все эти операции требуют определенного уровня когнитивного развития ребенка, а также наличия обучающего экстралингвистического окружения (родителей, родственников, педагогов).

Основным типом синтаксических отклонений является нарушение синтаксической структуры предложения. Чаще всего это проявляется в пропуске различных членов предложения:

– предиката: раковина с жемчужиной → μπανανα, καρεκλα κ’ενα παραθυρο (банан, стул и окно);

– подлежащего: ящики → що складують;

– дополнения: клубок со спицей → un cordon avec ... (шнурок с ...) и др.

Иногда наблюдаются отклонения, связанные с переходом на другой уровень языка, который совершается ребенком в процессе номинации. Внешне данный переход выражается в том, что объект, именуемый в языке одним словом, может быть описан

с помощью предложения (*развернутая номинация*), а какая-либо ситуация или совокупность объектов – одним словом (*свернутая номинация*).

Развернутая номинация нередко является своего рода дефиницией, более широкой, чем понятие, на основе которого она возникла, в связи с отсутствием некоторых дифференциальных признаков, свойственных понятию. Дефиниция может быть сделана с помощью описания перцептуальных или функциональных признаков предмета, а также с помощью родового понятия [2, 36]:

охотник → Monsieur qui tire (господин, который стреляет);
εναξ ανθρωπος με πιστολι (человек с пистолетом);
дядя з пістолетом.

В литературе описываются случаи, когда в результате свернутой номинации образуется *номинация-универб* [5, 218], обладающая смыслом целого предложения. Однако, мы встретили только случаи неадекватного перцептивного или семантического анализа воспринимаемого ребенком объекта, когда изображение на картинке называлось на основании какой-либо его части:

клубок со спицей → un fil (нитка);
тюлень с мячом → μπάλα (мяч);
воздушный шар → кулька.

В семиотическом аспекте мы рассматриваем следующие типы номинаций:

1. *Опрошенная номинация*: лак для ногтей → la main (рука).

Данный тип номинации характеризуется тем, что слово сопровождается звуками или мимикой, компенсирующими значение элементов высказывания, пропущенных ребенком. Например, при произнесении номинации, приведенной выше, девочка показывала на своей руке, как делается маникюр.

Опрошенные номинации наиболее часто встречались у детей 3-4 лет, которые затрудняются выразить свои мысли и по-

этому дополняют высказывания звуко-мимическими комплексами.

2. *Избыточная номинация*:

коробки с киноплёнкой → ενα στεφανι τετοιο που θα πεταξει (венок такой, который мы будем бросать).

Избыточная номинация – это номинация, в которой содержатся “лишние” лексемы, не необходимые для наименования объекта. В.Гак также называет такие номинации “десемантизированными”, так как они, по всей видимости, связаны с процессом десемантизации значения слова [6, 246].

И, наконец, третью большую группу номинаций составляют детские **новообразования** или неологизмы, когда для обозначения объекта действительности ребенок создает новое слово.

Как правило, новообразования создаются по законам того языка, носителем которого является ребенок, причем в качестве “строительного материала” он использует элементы, уже существующие в языке. Считается, что главной причиной образования неологизмов по готовому лексическому образцу является необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности [4, 142].

Существуют различные характеристики словообразовательных процессов, действующих во время номинации. Так, Е.С. Кубрякова выделяет три типа словообразовательных процессов: аналогический, корреляционный, дефиниционный [1, 216]; Р.И. Лалаева и Н.В. Серебрякова – два: генерализация словообразовательной модели и неологизмы, созданные по принципу “народной этимологии” [2, 20-21]. В процессе эксперимента были отмечены следующие механизмы образования новых слов:

1. *Генерализация словообразовательной модели*:

сова → un arbre-hibou (дерево-сова);

кот, сидящий на крыше дома → кіцик-і-домік.

Суть данного процесса состоит в том, что ребенок, усвоив продуктивную словообразовательную модель, начинает использовать ее и для других случаев словообразования. Таким образом, осуществляется взаимодействие между процессами “семантического анализа действительности” и “семантического синтеза” словоформ, в результате которого появляются детские неологизмы.

2. Неологизмы по типу “народной этимологии”:

цапля → цаплик.

Механизм образования неологизмов такого типа иной. Ребенок заменяет звучание слова, под влиянием другого слова, обладающего с ним некоторым звуковым сходством. При этом изменяется морфология слова и происходит переосмысление его значения. Данный процесс свидетельствует о “функционировании в сознании ребенка системы межсловесных связей, “вербальной сети”, о начале установления словообразовательной парадигмы” [2, 22].

Результаты проведенного нами эксперимента свидетельствуют о том, что в основе создания различных новообразований лежат такие общечеловеческие мыслительные операции, как анализ, синтез, сравнение, обобщение и абстрагирование. Данные когнитивные начала обуславливают не только создание инноваций, но и изменение значений слов, вследствие которого появляются косвенные номинации, а также происходит овладение лексико-грамматической системой языка.

Без сомнения, существует ряд факторов, влияющих на выбор или создание номинации: уровень культуры и развития народа, особенности национальной картины мира и, в частности, системы языка, индивидуальные особенности ребенка, его экстралингвистическое окружение. Однако факт существования единых механизмов развития языка и “единой сигнификативной структуры знака” [6, 118] делает возможным создание общей типологии номинаций детской речи.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.
2. Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 160 с.
3. ЛЭС/Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Синкевич Е.Н. Номинация по аналогии (на материале сложных существительных в современном немецком языке)// Номинативные свойства языковых единиц.: Межвуз. сб. – Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1990. – С. 138-143.
5. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
6. Языковая номинация (Общие вопросы)// Под ред. Серебряникова Б.А., Уфимцевой А.А. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
7. Bastien, C. Les connaissances de l'enfant à l'adulte. – Armand Colin, Paris, 1997.
8. Brown, R. A first language: the early stages. – Harvard University Press, Cambridge MA, 1973.
9. Clark, Eve V. The lexicon in acquisition. – Cambridge University Press, Cambridge, 1993.
10. Cook, V. Inside Language. – Arnold, London, 1997
11. Dromi, E. Early lexical development. – Cambridge University Press, Cambridge, 1987.
12. Wijnen F., Krikhaar E.& Els Den Os. The (non)realization of unstressed elements in children's utterances: evidence for a rhythmic constraint.//Growing points in child language/Edited by Katharine PereraGlyn Collis and Brian Richards, CUP, Cambridge, 1994. – P.59-85.

СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДИАЛОГЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕТЕКТИВА

Общественный характер речевой деятельности обуславливает особое внимание, уделяемое в лингвистике коммуникативной функции языковых явлений. Очевидно, что в реализации определенной коммуникативной интенции значительная роль принадлежит речевой ситуации, и, прежде всего, типам высказывания, которые служат инструментом получения необходимой в этой ситуации информации.

Информацию можно понимать в узком смысле – факты, сведения и т. д., и в широком – как выражение человеческой деятельности, состоящее в изменении количества и качества совокупности знаний, что, в конечном счете, приводит к изменению поведения участников диалогизирования. Речевая коммуникация, по мнению И.П. Сусова, является типом совместной человеческой деятельности по обмену информацией или изменению информационного поля коммуникантов [7, 8]. Таким образом, в речевой коммуникации преломляются понятия коммуникативной компетенции, информации и коммуникативной интенции. С другой стороны, информационные лакуны¹ в процессе ком-

¹ В соответствии с толковым словарем английского языка, под лакуной понимается “пустое место, пробел” [12]. Этот термин широко используется в синтаксисе с 1971 года (И. Ф. Вардоль, 1971 г., Л.М. Михайлов, 1997 г., Ю.М. Скребнев, 1984 г.)

муникации, как и когнитивный барьер между коммуникантами, требуют реализации интенции информативного интереса.

Диалогическое общение принято понимать как обмен репликами, образующими структурно-смысловую целостность, интенциональная структура которой характеризуется, в частности, непосредственной обращенностью к партнеру. Отсюда, синтаксическая организация диалога позволяет довольно легко выявить конкретную целеустановку говорящего, а так же проследить вербальные характеристики его речи. Как справедливо отмечает М.О. Фаенова, реализация коммуникативной интенции с точки зрения “целевой обусловленности является речевым воздействием” [8, 6].

Задачей настоящего исследования является установление места вопросительных конструкций в организации диалогического общения. Кроме того, изучение вопросительных предложений вносит определенный вклад в теорию предложения в целом. Материалом данной работы послужили художественные диалоги, отобранные методом сплошной выборки из современного англоязычного детектива. Обращение к жанру “детектив” мотивируется изложенными ниже факторами.

Детектив как литературный жанр не получил еще достаточного освещения в специальной литературе ни в лингвистическом аспекте, ни с точки зрения его этнокультурной специфики. По определению литературоведческого словаря Дж. Харви, “детектив характеризуется особой напряженностью сюжета, являясь развернутым вопросом, ответ на который читатель получает в конце произведения” [11]. Такое понимание жанра “детектив” дает ключ к верификации гипотезы о том, что именно изучение этого жанра предоставляет наиболее полную лингвистическую картину функционирования вопросительных конструкций. Проведенный анализ текста показал, что, детектив во многом построен на широком использовании диалога, являю-

щегося основным средством движения сюжета. Именно в процессе непосредственного опроса участников событий заполняются недостающие звенья в логической цепи расследования. Авторское повествование (за исключением тех случаев, когда оно ведется от первого лица) является, по нашему мнению, скорее вспомогательным средством, конкретизирующим речевую ситуацию и событийный фон художественного диалога персонажей.

В художественной литературе Т.В. Братусь выделяет три основных типа сыщика, личностные качества, которых во многом обуславливают специфику грамматических и лексических характеристик диалогов. Однако, как свидетельствуют данные фактического материала, общая синтаксическая картина функционирования вопросительных предложений в диалогах практически не зависит от приведенных Т.В. Братусь типов детективного повествования, которые автор определяет как: "1) классический детектив с сыщиком – интеллектуалом; 2) современный детектив с сыщиком реального типа, "городским героем", которым мог бы стать каждый; 3) детектив "черной школы" с сыщиком "крутого типа", который живет в обществе по волчьим законам" [3, 24-25]. В любом из указанных типов детектива, вопросительные конструкции, с точки зрения синтаксической организации, занимают исключительно важное место.

Предлагаемый подход к рассмотрению вопросительных предложений основывается на понимании системы речевой коммуникации как совокупности общеязыковых универсалий в преломлении к конкретному языку. Изучение проблемы вопросительного высказывания как такового, интересно, как с теоретико-познавательной точки зрения, так и с точки зрения использования в прикладных целях. По мнению Н. Белнапа и Т. Стила "...диалоговые и вообще вопросно-ответные информационные системы формализуют вопросно-ответные отношения, а, следовательно, качество и эффективность этих систем зависят от перечня возможных вопросов" [1, 5].

Современная теория вопроса, как типа предложения, может быть определена как интегральная дисциплина, сочетающая в себе данные логики, психологии, лингвистики, философии, социологии и многих других наук [2, 6]. Философско-логические основы теории вопроса были заложены в Древней Греции, прежде всего в трудах Аристотеля. Являясь специфической формой развития знания, вопрос, по определению родоначальника индуктивной логики Ф. Бэкона, является первоначальным этапом познания [4, 83]. Известно также высшее искусство Сократа, который благодаря точно поставленным вопросам выходил победителем в спорах. Р. Декарт в "Эвристике" отмечает: "Мы разделяем все, что может быть познаваемо на простые предложения и вопросы" [5, 128].

Таким образом, познавательные функции вопроса связаны с получением информации, а также с конкретизацией ранее полученных представлений о предметах и явлениях действительности. Как известно, предложение является основным средством общения и, следовательно, оформления человеческой мысли. При этом вопрос, представляя собой специфическим образом оформленную мысль, направленную на удовлетворение познавательной потребности человека, является особым видом предложения.

Как уже отмечалось в данной работе, вопросительные предложения играют основополагающую роль в структурной организации диалога. Современные исследователи синтаксиса определяющей стороной речевой коммуникации считают систему языковых стереотипов, реализующихся в соответствии с конкретными речевыми ситуациями (см. напр., Л.М. Михайлов [6], J. Rosegreen [10]). Таким образом, в речевом общении закодированные в сознании носителей языка типы предложений находят в условиях их непрерывной реализации в процессе общения.

Одной из первых исследовательниц диалогических единств Н.Ю. Шведовой, был сделан вывод о том, что любой диалог с точки зрения своей синтаксической организации, представляет собой цепочку диалогических единств (ДЕ), реплики которых взаимообусловлены в структурном и смысловом отношении [9]. В языковом отношении реплики ДЕ представляют собой совокупность стимула и реакции. С другой стороны, успешная коммуникация возможна лишь при учете вербально или невербально выраженной пресуппозиции, на которую, совершая речевой акт, опираются коммуниканты. Вопросительные предложения, используемые в целях запроса информации, по нашим данным, составляют примерно 80%.

Указанные конструкции возникают из допущения спрашивающего, что его партнер по коммуникации обладает тем фондом знаний и той степенью информированности, которые могут закрыть возникшую у спрашивающего информационную лакуну. В процессе исследования было так же отмечено, что в диалоге детектива метавопросы, т.е. вопросы типа: а) побуждения, б) солидарности, в) риторические, употребляются не более чем в 20% случаев. Например,

a) – *Will you fetch it?*

– *But sure thing, Bristow. (F.W. Crofts)*

В приведенном ДЕ речь идет о чемодане, который необходимо принести в каюту. Вопросительная реплика *Will you fetch it?* по своей коммуникативной грамматике приближена к императиву *Fetch it, please.*

б) – *Your father isn't very respectable. He says things that make me feel quite uncomfortable.*

– *Really? He believes it funny. (A. Christie)*

Ответной репликой *Really?* Магдалена выражает солидарность с предшествующей репликой своей собеседницы.

a) *His easy smile was bright, his eyes didn't change.*

– *"Who has ever seen such a devoted wife?" I felt ill at ease. The question was callous, he wanted no answer. (M. Eberhart)*

Как следует из приведенной здесь речевой ситуации, вопрос, заданный мужем героини, является чисто риторическим.

В результате анализа фактического материала было установлено, что для разворачивания сюжета детектива основным способом получения информации являются именно вопросительные конструкции. В то же время, неправильная оценка пресуппозиции (отсутствие правильных корреляций между полюсами “незнание-знание”) со стороны задающего вопрос, влияет на характер коммуникации и делает невозможным дальнейшую постановку вопросов по получению и уточнению требуемой информации. Например:

– *What is his business?*

– *I can't imagine. (M. Neville)*

– *What does Sandra think about it?*

– *I don't know. (A. Christie)*

В данных ДЕ, отобранных из современных текстов английского детектива, ответные реплики блокируют дальнейшее развитие разговора на интересующую собеседников тему (*I can't imagine – Не имею понятия* и *I don't know – Я не знаю*).

С другой стороны, психологическая установка одного из коммуникантов на “несотрудничество”, также может блокировать желание удовлетворить информационный дефицит другого коммуниканта. Осознанное нежелание сотрудничать в процессе коммуникации иллюстрируется ниже приведенными речевыми образцами. Например:

1. – *Aren't you going to tell me what it is all about?*

He hurried out of the room. (A. Christie)

2. – *Will you leave him a message?*

– “*I don't want to deal with him.*” *Mr. Stevens said. (G. Holden)*

В первом случае, на разрыв коммуникации указывает авторская ремарка *He hurried out of the room – Он поспешил выйти из комнаты.*

Во втором – Мр. Стивенс в ответной реплике *I don't want to deal with him – Я не хочу иметь с ним дела* прямо указывает на нежелание сотрудничать с возможным партнером по коммуникации. Сворачивание диалогического общения в результате неправильной пресуппозиции или отсутствия желания сотрудничать (т.е. явное блокирование вопросительных конструкций) засвидетельствовано не более чем в 12% случаев.

В ходе исследования было установлено, что вопросительные конструкции в англоязычном детективе составляют более 30% от всего корпуса высказываний, т. е. около 1/3 употребленных в тексте предложений. По данным проведенного исследования, вопросы употребляются в тексте детектива в среднем на 8% больше, чем в художественном диалоге других жанров. Такое увеличение частотности интеррогатива как типа предложения является подтверждением уже приведенного определения Дж. Харви жанра “детектив” на уровне синтаксиса.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что суждение–сообщение составляет основу вопроса. Последний, по нашему мнению, в содержательном смысле гораздо богаче этого суждения, так как предполагает дальнейшее расширение имеющегося информационного поля. Можно определить специфику вопросительных конструкций как особую вербальную форму мыслительного акта, характеризующегося моментом перехода от незнания к знанию. Такое утверждение вполне согласуется с общепринятым в логике пониманием вопроса как основы человеческого познания.

Литература.

1. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. – М.: Высшая школа, 1981. – 283 с.
2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К.: Высшая школа, 1997. – 231 с.
3. Братусь Т.В. Детективный роман как этнолингвокультурная проблема. (К постановке вопроса) // Вісник ХДУ. – № 386. – С. 22-24.
4. Бэкон Ф. Новый органон. – Л.: Соцэкгиз, 1938. – 244 с.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума. – М.-Л.: Наука, 1936. – 210 с.
6. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1994. – 255 с.
7. Сусов И.П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. – Калинин, 1986. – С. 7-11.
8. Фаснова М.О. Обучение культуре общения на английском языке. – М.: Высшая школа, 1990. – 142 с.
9. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. – 1956. – №2. – С.67-69.
10. Rosegreen J. Speech and Pragmatics. – Stockholm, 1987. – 342 p.
11. Harvey P. The Oxford Companion to English Literature. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1983. – 960 p.
12. The Random House Dictionary of the English Language. – New York: Random, 1973. – 786 p.
13. Christie A. The Mirror Crack's from Side to Side. – Ldn.: Fontana Books, 1965. – 192 p.
14. Crofts F.W. Fatal Venture. – Lnd.: Penguin books, 1961. – 224 p.
15. Eberhart M.E. Message from Hong Kong. – New York: Random House, 1989. – 148 p.
16. Holden G. Dangerous Legacy. – New York: Ace Books, 1986. – 215 p.
17. Neville M. Murder in Rockwater. -London and Glasgow: Fontana Books, 1982. – 186 p.

СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОКОДОВЫХ СООБЩЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ

Выделение оппозиции моно- и поликодовых текстов предоставило лингвистам новое поле для исследований. Текстом поликодового характера (креолизованным или кодово негомогенным) называют семиотически осложненный текст, в котором задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства [1; 4; 5; 7]. Текст, сопровождающийся иконическим элементом (рисунком, таблицей, схемой и т.п.), “приобретает статус особой коммуникативной единицы – лингво-визуального комплекса, представляющего собой наиболее эффективную по степени воздействия на адресата форму информации” [2, 167].

Исследование поликодового текста неизбежно ставит языковед перед вопросом: “В какой мере данный феномен соответствует традиционным лингвистическим представлениям о тексте, присущим ему категориям?” [1, 74]. Как известно, обязательной категорией любого целого текста является интеграция, под которой понимается “процесс объединения всех частей текста в целях достижения его целостности” [3, 125]. Две стороны интеграции текста – семантическую и формально-структурную – отражают соответственно целостность и связность текста.

Предметом рассмотрения данного исследования являются англоязычные научные статьи и монографии гуманитарного профиля, т.е. тексты, в которых ярко проявляется специфика научного функционального стиля.

Целостность поликодового научного текста задается коммуникативно-когнитивной установкой автора, единой темой, раскрываемой вербальными и иконическими средствами. Текст поликодового характера предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические сообщения образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, воздействующее на адресата.

Связность поликодового текста проявляется в согласовании, более или менее тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов. По степени связности между компонентами выделяются два вида текстов. В первых между вербальными и иконическими компонентами устанавливаются автосемантические отношения: вербальная часть относительно автономна от иконической, которая является факультативным элементом текста. Так, например, в монографии “Rational Discourse and Poetic Communication” [16], обсуждая проблему семиотических парадоксов, автор анализирует комиксы и карикатуры как образцы сообщений, имеющих содержательную и изобразительную стороны, которые могут приходиться в противоречие друг с другом. Иллюстрируя этот тезис, он описывает одну из таких картинок-карикатур:

“One [the cartoon] shows a room on one of whose walls hangs a painting of an expansive and turbulent sea. The painting’s frame, too thin and frail to contain the pictured masses of water, suddenly breaks, and the water gushes into the room” [16, 192].

Данное вербальное сообщение, описывающее смешную картинку, сопровождается иллюстрацией, т.е. собственно картинкой, на которой изображена упомянутая комната, морской пейзаж на стене, море, переливающееся через лопнувшую рамку внутрь комнаты, и испуганную хозяйку комнаты. Если опустить этот рисунок, текст, тем не менее, будет понят правильно, на основании чего можно сделать вывод о факультативности в нем

иконического элемента (карикатуры). Подобные дублирующие отношения между вербальными и иконическими элементами не характерны для текстов научной прозы, так как им традиционной свойственна лаконичность.

В преобладающем большинстве научных текстов устанавливаются синсемантические отношения между вербальными и иконическими компонентами: вербальный компонент зависит от иконического, последний выступает в качестве обязательного элемента текста, без которого он утрачивает свою текстуальность. Иллюстрацией может служить отрывок из статьи, посвященной методике преподавания иностранного языка, в которой обсуждаются основные компоненты, составляющие подготовку учителя: "three key components of teacher preparation – beliefs (A), received knowledge (B), practice (C)". Соотношение этих компонентов, с точки зрения автора, может быть различным:

"Bolitho suggests placing the three components (A, B, C) on a diagram in different ways as shown in Figures 2a and 2b" [13, 246].

Далее помещены две схемы, на которых компоненты А, В, С расположены пирамидально. Эти схемы критически комментируются автором, который взамен предлагает иную схему соотношения:

"I suggest a different arrangement, a series of concentric circles, with teaching or practice in the centre circle. This is surrounded by the trainee teacher's value and belief system in the second circle, with influences such as received knowledge and experiential knowledge in the outer circle (Figure 3)" [13, 247].

Далее приводится схема, на которой компоненты А, В, С располагаются в трех концентрических кругах. Извлечение из текста иконических элементов (схемы 2а, 2в, 3) привело бы к неясности связанных с ними вербальных сообщений.

Связность между вербальным и иконическим компонентами проявляется на разных уровнях: содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном.

Связность вербального и иконического компонентов на содержательном уровне обнаруживает себя в семантических связях, существующих между ними. В текстах с автосемантическими отношениями между вербальными и иконическими компонентами семантические связи проявляются в прямой денотативной соотнесенности, которая существует между этими компонентами: элементы обоих кодов обозначают одни и те же предметы (предметные ситуации объективного мира).

В текстах с синсемантическими отношениями между вербальными и иконическими компонентами семантические связи представлены следующими основными типами:

1. Вербальный компонент имеет определенное значение, но не обладает смысловой самостоятельностью вне соединения с изобразительным компонентом:

"The coursebooks were analyzed according to the criteria listed in Table 1, which are based on the research reviewed briefly above" [14, 171].

2. Вербальный компонент имеет определенное значение и обладает смысловой самостоятельностью, но не может быть правильно истолкован вне соотнесения с иконическим компонентом:

"Experienced teachers usually discover that, above all, computer lessons need to be designed as a methodological sandwich (see Figure 1)" [9, 280].

Связность вербального и иконического компонентов на содержательно-языковом уровне может проследиваться как в плане содержания, так и в плане языкового выражения. Семантическая зависимость одного компонента от другого подкрепляется при этом соответствующими языковыми маркерами в вербальной части. Данные маркеры могут непосредственно соотносить вербальную часть текста с иконической, тогда наблюдается эксплицитно выраженная связность, или делать это опосредованно, неявно, тогда имеет место имплицитно выраженная связность.

В научных текстах эксплицитно выраженная связность вербального и иконического компонентов представлена:

1) языково проговоренной директивой автора к читателю:

"See Table (Figure) 1", "See the upper mark at the left side of Figure 1", "Look at (... presented in) Table 1", "Compare Tables 1 and 2";

2) языково эксплицируемым указанием на связь иконического сообщения с вербальным:

"This is shown (presented, illustrated) in Table 1", "In Table 1 we see...", "The results ... are reported (presented, given) in Table 1", "As indicated (shown) in Figure 1...", "(As) Figure 1 illustrates (demonstrates, shows)..." "This can be depicted as in Figure 1", "It can be shown diagrammatically as in Figure 1", "It can be seen from Figure 2", "Figure 1 is an example of ..." и другие.

"The complex relation between what teachers and textbooks say and what actually happens in classroom groups is depicted in Figure 1" [11, 101].

3) указанием на внутритекстовое соположение иконического сообщения и его комментария/упоминания:

"... as given earlier", "See Appendix 2".

"The results of review ... are summarized in the Appendix, in the form of a table" [12, 348].

В некоторых случаях можно наблюдать наличие сразу двух языковых маркеров связности вербального и иконического сообщения:

"What are teachers going to do with these resources? In most cases they offer project work suggestions, and the prevailing methodological approach seems to follow the three-part CALL model given earlier (see Figure 1)" [9, 239].

Данный пример содержит одновременно языково проговоренную директиву автора к читателю "see Figure 1" и указание на внутритекстовое соположение иконического сообщения (модели) и его комментария "the three-part CALL model given earlier".

Совокупность языковых маркеров эксплицитной связности вербальных и иконических сообщений в научном тексте дает также возможность разделить их на две группы:

1) упоминания всего иконического сообщения в целом: "table", "figure", "model", "scheme";

2) упоминания отдельных компонентов иконического сообщения: "circles", "criteria", "indicators", "aspects", "A, B, C".

Так, в статье "Roles for a teacher educator in context-sensitive teacher education" [8] автор подводит итог своим рассуждениям об индикаторах успешности педагогической деятельности и сводит эти индикаторы в единую таблицу, структурирующую излагаемый материал по ряду рубрик (аспекты, принципы, индикаторы и т.д.). Сделав ссылку на эту таблицу ("See Table 1 for a summary"), автор предваряет саму таблицу своим комментарием: "Of course... a good session might not include all or even any of these indicators – which is precisely why they are indicators rather than criteria" [8, 234]. В данном примере есть упоминание таблицы в целом ("Table 1") и ее отдельных компонентов ("indicators"). На изобразительный компонент здесь также указывает дейктическое местоимение "these".

Эксплицитно выраженная связность очень распространена в текстах научной прозы. В данных текстах вырабатывается свой комплекс средств-скреп словесной связи, некоторые из которых были приведены выше.

Связь между компонентами может иметь разное направление: катафорическое – от вербального высказывания к следующему за ним иконическому элементу, и анафорическое – от вербального высказывания к предшествующему ему иконическому элементу. Проиллюстрируем это на примере отрывка из статьи на тему использования компьютера при проведении беседы на уроках английского языка в ВУЗах: "The week-by-week schedule is shown in Figure 1" [15, 29]. Далее следует иконичес-

кое сообщение – схематически представленное расписание (катафорическая связь). Последующий параграф начинается словами: “The group discussed ten topics, a different one each week (see Figure 1)” [15, 29] (анафорическая связь).

Связность между вербальным и иконическим компонентами может носить не явно выраженный характер и устанавливаться на основе более тщательного и глубокого соотнесения обоих компонентов, выявления их внутренних семантических связей, т.е. быть имплицитно выраженной. В качестве языкового маркера этой связи может выступать определенный артикль, сигнализирующий о наличии в поликодовом тексте прединформации, выраженной иконическими средствами:

“Any details missed during the discussion may be added to the table in the post-discussion stage” [10, 139].

Связность вербального и иконического компонентов может наблюдаться и на содержательно-композиционном уровне. Между компонентами поликодового текста устанавливаются определенные семантико-композиционные отношения, проявляющиеся в порядке расположения вербальных и иконических элементов в содержательной структуре (внутренняя или семантическая соотнесенность компонентов) и в формальной структуре текста (внешняя или визуально-пространственная соотнесенность компонентов). Внутренняя (семантическая) соотнесенность компонентов состоит в том, что, участвуя в раскрытии темы и композиционном строении текста, иконические элементы коррелируют в содержательном плане с разными частями вербального компонента. Материал исследования позволил выделить три типа таких корреляций:

1. Связь иконического компонента с одним или несколькими абзацами одного пункта, параграфа. Данная связь представлена в научных текстах наибольшим количеством примеров, так как для них характерна тесная абзацная привязанность иконических элементов к вербальной части:

“Application ... involves seeing and observing an activity and taking it ‘below the surface’ into the realm of one’s personal theories. Here it can be taken apart and analyzed, then put back together to fit the teacher’s personality, the learners, and the teaching context, and finally brought back to the surface, that is the classroom, where it is actually used (Figure 1b)” [13, 244] (далее помещена схема).

2. Связь иконического элемента с двумя или несколькими абзацами разных параграфов, глав и другими относительно большими по объему фрагментами вербального компонента:

“Imitation is copying; it takes place on the surface: it means to see something, and, like a mirror, to reflect or replicate it (Figure 1a)” (§ Training models) [13, 244].

“If received experiential knowledge bypasses the inner value and belief system of a trainee, and exercises a direct influence in teaching, the result is likely to be the copying of teaching techniques, as illustrated in Figure 1a” (§ Facilitating change) [13, 247].

Иконическое сообщение в данном случае наряду с другими средствами осуществляет связь параграфов между собой.

3. Связь иконического компонента со всем текстом. Так, например, в статье “Roles for a teacher educator in context-sensitive teacher education” [8], во введении в виде таблицы представлен перечень показателей хорошей подготовки учителя. Базируясь на данных показателях, автор описывает роль педагога в процессе подготовки учителя, чему и посвящена вся статья. В тексте насчитывается семь отсылок к таблице: “Indicator E in Table 1”, “Indicator B in Table 1” и т.п. Сама таблица дана во вступительной части статьи. Таким образом, иконическое сообщение (таблица) стягивает собой весь текст в единое целое. Этот тип связи в научном произведении встречается редко.

Перечисленные типы связи свидетельствуют о внутренней, смысловой соотнесенности компонентов текста.

В организации текста как некоего цельного графического

массива также устанавливаются различные визуальные связи между вербальными и иконическими компонентами, в чем проявляется внешняя соотнесенность компонентов. Несмотря на то, что эти связи относятся к формальной структуре поликодового текста, они, по мнению исследователей, небезразличны и для его содержательной стороны. Пространственное расположение вербальных и иконических элементов обусловлено как коммуникативным назначением текста, его содержанием, так и полиграфическими причинами (удобствами расположения материала и т.д.).

Визуальные корреляции между вербальными и иконическими средствами определяются:

1) местом расположения иконических и вербальных элементов на пространстве страницы; вербальные и связанные с ним непосредственно в семантическом отношении иконические элементы могут располагаться вблизи друг от друга в одном визуальном поле (находиться на одном листе или одном развороте) или размещаться дистантно друг от друга в разных визуальных полях (выноситься в приложение или образовывать самостоятельный видеоряд внутри текста). Иконический элемент может помещаться сверху, внизу, сбоку, в середине бумажного листа. Несколько иконических элементов иногда создают горизонтальный или вертикальный видеоряд и т.д.;

2) последовательностью расположения вербальных и иконических элементов по отношению друг к другу; иконический элемент может предшествовать непосредственно связанному с ним семантически вербальному элементу, сопровождать его, следовать за ним;

3) включенностью иконических и вербальных элементов друг в друга. Интенсивность визуальных связей между вербальными и иконическими сообщениями различна: элементы обоих кодов могут быть интегрированы друг в друга или отстоять

обособленно друг от друга. Первый тип связи усиливает слитное восприятие обоих компонентов. Иконические средства могут быть вмонтированы в вербальный компонент и непосредственно включаться в динамику повествования. При обособленном расположении вербальные и иконические сообщения сохраняют в визуальном плане относительную автономию.

Перечисленные связи вербальных и иконических средств создают визуальный синтез поликодового текста, а также помогают устанавливать и поддерживать в нем смысловые связи.

Проведенный анализ способов связи вербальных и иконических сообщений на содержательном, содержательно-языковом и содержательно-композиционном уровнях свидетельствует о довольно тесной интегрированности иконических сообщений в англоязычный научный текст.

Литература

1. Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филол. науки. – 1996. – № 5. – С. 74-84.
2. Большаянова Л.М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. Сб. науч. тр. – М., 1987. – С.167-172.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 138 с.
4. Эйгер Г.В., Юхт В.Л. К постановке типологии текстов // Лингвистика текста. Материалы науч. конф. – М., 1974. – С. 103-110.
5. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. – Одесса, 1991. – 121 с.
6. Мореховский А.Н. и др. Стилистика английского языка. – К.: Вища школа, 1991. – 270 с.

7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.

Исследуемые тексты

8. Bax St. Roles for a Teacher Educator in Context-Sensitive Teacher Education // *ELT Journal*. – Vol. 51/3, July, 1997. – P. 232-241.
9. Carrier M. *ELT Online: the Rise of the Internet* // *ELT Journal*. – Vol. 51/3, July, 1997. – P. 279-309.
10. Green C.F et al. Developing Discussion Skills in the ELT Classroom // *ELT Journal*. – Vol. 51/2, April, 1997. – P. 135-143.
11. Jacobs G.M. et al. An investigation of the structure of group activities in ELT coursebooks // *ELT Journal*. – Vol. 50/2, April, 1996. – P. 99-107.
12. Johnston H. Survey review: progress writing in coursebooks // *ELT Journal*, Vol. 50/4, October 1996. – P. 347-355.
13. Kontra E.H. Reflections on the Purpose of Methodology Training // *ELT Journal*, Vol. 51/3, July, 1997. – P. 242-249.
14. Lake N. Survey Review: Learner Training in EFL Coursebooks // *ELT Journal*, Vol. 51/2, April, 1997. – P. 169-182.
15. Leppänen S. et al. Experimenting with Computer Conferencing in English for Academic Purpose // *ELT Journal*. – Vol. 49/2, January, 1995. – P. 26-36.
16. Posner R. *Rational Discourse and Poetic Communication. Methods of Linguistic, Literary, and Philosophical Analysis*. – Berlin, N.Y.: Mouton Publishers, 1982. – 258 p.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА

Целью данной статьи является анализ функционирования адвербиальных интенсификаторов процесса (цельнооформленных и раздельнооформленных) в текстах французской прозы XX века с целью установления их прагматической значимости.

Как известно, “наряду с реализацией грамматических возможностей данного языка в каждом предложении выражается отношение говорящего к действительности” [9, 105]. Иными словами, в основе каждого текста лежит не только сложное суждение о действительности, но и определенная коммуникативная задача или коммуникативная интенция. Эта интенция формируется ситуацией коммуникации и теми задачами, которые ставит перед собой в соответствии с этой ситуацией говорящий [7, 35].

Прагматическая функция адвербиальных интенсификаторов связана с понятиями интенции и интенциональности. Когда речь идет об интенциональности по отношению к грамматическим значениям и функциям, как отмечает А.В. Бондарко, имеется в виду их связь с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее окружением, т.е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла [4, 60].

Интенциональность может рассматриваться как свойство языковых значений разных типов – как лексических, так и грам-

матических. В сфере лексики это свойство выступает со всей очевидностью. Так, С.Д. Кацнельсон пишет: “Только употребление полных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание с помощью парафразы или толкования, синонимической замены или “наглядного определения” (указания на подразумеваемый словом предмет)” [6, 114-115].

Наиболее интенциональны те категории, которые отражают актуальное в данном акте речи отношение обозначаемой ситуации к действительности. Речь идет, прежде всего, о категориях модальности, темпоральности, временной локализованности и персональности, охватываемых понятием предикативности. Однако интенциональными, как пишет А.В.Бондарко, могут быть все те элементы грамматической семантики, которые отражают (могут отражать) “актуальное для говорящего” в передаваемом смысловом содержании. Такова семантика времени, таксиса, залогности, субъективности, объектности, качества, количества, пространства и т.п. Каждая из этих категорий в ее речевой реализации может быть актуальным и акцентируемым элементом того смысла, который хочет передать говорящий [4, 69].

Анализ функционирования адвербиальных интенсификаторов процесса в художественном тексте подтверждает тезис о том, что “коммуникативная роль семантических компонентов тем больше, чем более частному признаку понятия они соответствуют. В синтаксической цепочке синтаксическая центральность и семантическая весомость обратно пропорциональны: наиболее синтаксически периферийный элемент оказывается наиболее семантически важным [1, 375].

Действительно, в предложении:

... et elle jeta le bout de sa cigarette par terre, l'écrasa du pied, *soigneusement* [19, 98].

коммуникативная значимость интенсификатора состоит в том, что коммуникативно выделяется не действие *écraser*, а тщательность его выполнения, приложенные при этом усилия. На коммуникативную выделенность данного интенсификатора указывает также его обособленная позиция.

В предложении же:

Il respira *profondément* pour dénouer l'étreinte qui lui serrait les côtes... [11, 212].

интенсификатор *profondément* имеет важное значение для смысла всего высказывания, учитывая наличие обстоятельства цели, которое следует за сочетанием глагола с интенсификатором.

В терминах теории актуального членения предложения можно сказать, что интенсификаторы выражают ремю высказывания.

Среди выделенных интенсификаторов процесса особое место занимают эмоционально-усилительные наречия. Они объединяются общей идеей очень высокой интенсивности и воспринимаются как эмоциональные определители степени. В сочетаниях с глаголом, они не только усиливают его, но и придают ему дополнительные свойства, приводят к появлению у глагола определенной эмоциональной оценки [3, 197]. К таким интенсификаторам относятся: *passionnement, ardemment, éperdument, follement, terriblement* и т.п. Они в значительной степени утратили первоначальное лексическое значение и воспринимаются как показатели высокой интенсивности процесса. Среди подобных интенсификаторов выделяются наречия отрицательной оценки: *furieusement, atrocement, terriblement, etc.* В сочетаниях с ними глагол усиливает свое значение в связи с тем, что исходное значение наречий воспринимается не непосредственно, а проявляется в виде особо сильной интенсификации: *aimer (hair) furieusement / terriblement.*

Прагматический потенциал определенной части наречий-интенсификаторов определяется свойственной им поня-

тийной инцидентией, в отличие от формальной, а именно их способностью соотноситься в предложении не только с глаголом-предикатом, но и с существительным, стоящим в левой или правой синтаксической позиции. Характеризуя действие, выраженное глаголом, специализированные интенсификаторы, производящей основой которых являются прилагательные, способные характеризовать имя-антропоним, переносят характеристику на субъект, выполняющий данное действие (*agilement, lestement, studieusement*).

Так, наречие *meticuleusement*, производное прилагательного *meticuleux (très attentif aux détails, aux minuties)*, в сочетании с глаголами конкретного действия через указание на процессуальный признак 'манера выполнения действия' характеризует и субъект действия в момент его выполнения. Таким образом, в предложении: *Elle a continué ce travail méticuleusement* имеет место двойная семантико-синтаксическая связь наречия, которое синтаксически относится к глаголу-предикату, оно характеризует не только глагольное действие, но и его субъект. В данном случае глагольное лицо является опосредованной опорой для наречия.

Средства выражения интенсивности тесно связаны с аффективной стороной языка [2, 204-206]. Исследованный языковой материал показал, что адвербиальные интенсификаторы способствуют повышению степени экспрессивности высказывания. Интенсификаторы выделяют коммуникативно наиболее важные элементы высказывания, при этом они могут относиться к глаголам различных лексико-семантических групп.

Особенно ярко прагматическая функция раздельноформленных интенсификаторов проявляется в случае появления при существительном оценочного прилагательного, выражающего, например, неодобрение действия, совершаемого субъектом:

Les hommes fouillèrent la Fiat avec une minutie obtuse... [17, 229].

Наряду с описанием поведения в данной ситуации интенсификатор *avec une minutie obtuse* является средством выражения оценки – презрительного отношения к действиям немецких солдат, обыскивающих автомобиль.

Безусловно, большим прагматическим потенциалом обладают также сравнительные конструкции с союзом *comme*.

Выделенные нами конструкции с союзом *comme* делятся на устойчивые фразеологические, устойчивые нефразеологические и свободные. Первым двум типам конструкций присуща большая выразительность по сравнению, например, с соотносимыми с ними наречиями. Например:

Et, soudain, le professeur prit ses jambes à son cou et fila comme un zèbre vers la Belle Angerie [10, 74]. (Ср.: *filer comme un zèbre* – *filer vite*).

Иногда их использование определяется причинами стилистического характера:

Moi, je me suis fait engueuler comme un pied par Breton [15, 31].

Выражение *engueuler comme un pied* является арготическим.

Что же касается нефразеологических и неустойчивых конструкций, то, как показывает анализ, они обладают большими экспрессивными возможностями.

Так, особая выразительность сравнительных конструкций проявляется в случаях, когда они используются в качестве однородного члена наряду с адвербиальной предложно-именной конструкцией:

... le soldat qui vocifère à la portière du wagon une chanson grivoise, étouffe l'angoisse qui hurle en lui, sans arrêt, comme une sirène détraquée, ... [14, 218].

В данном предложении конструкцией *sans arrêt* выражает-

ся непрерывность процесса, сравнительная же конструкция помимо того же параметра непрерывности, на который указывает прилагательное *détraquée*, содержит другой параметр “громкость” звучания.

Коммуникативную значимость сравнительных конструкций можно также видеть, например, в следующем предложении:

Parfois elle était saisie d'une crise de nerfs et se mettait à *hurler comme un chien écrasé ou une femme en couches* [14, 271].

С точки зрения конструктивной значимости сравнительная конструкция является факультативной, однако, с точки зрения семантики, безусловно, именно она уточняет семантику глагола *hurler*, содержащего семы “громкость, продолжительность”.

Заметим, что в переводе на украинский язык именно сравнительная конструкция будет детерминировать использование двух разных глаголов для передачи значения *hurler*: “несамовито вити, як напівроздавлена собака, голосно стогнати, як породілля”.

Конструкция *comme un chien écrasé ou une femme en couches* позволяет передать состояние Жаклин Шудлер после смерти ее мужа Франсуа [14].

Сравнительная конструкция в функции интенсификатора способствует образному представлению действия (процесса). Так, во фразе:

Jaqueline avait perdu tout sens de l'écoulement du temps; elle ignorait qu'en ce moment, devant le catafalque de François, le père de Granvilage officiait, la blancheur de sa robe rehaussée par les ornements mortuaires, et environné d'égards épiscopaux, avec le premier vicaire *voletant autour de lui comme une mouche autour d'un morceau de sucre* [14, 272]

автор использует сравнение поведения старшего викария, который суетился вокруг отца де Гранвилажа, с кружением мухи

вокруг куска сахара. Значение непрерывности движения, конечно же, передано и глаголом *voleter* (*voler a petits coups d'aile, en se posant souvent, en changeant fréquemment de direction*). Однако именно сравнение создает образность ситуации, выражая дополнительно отрицательную оценку поведения викария. Отметим также, что использование такой сравнительной конструкции вместо устойчивого стандартизированного выражения «как назойливая муха», безусловно, способствует созданию экспрессивности данного отрезка текста, особенно учитывая микроконтекст, в котором речь идет о похоронах.

В предложениях со сравнительными конструкциями важную роль играет характер субъекта. Так, в случае:

Dans la rue, à cause de ma fatigue et aussi parce que nous n'avions pas ouvert les persiennes, le jour, déjà tout plein de soleil, m'a *frappé comme une gifle* [12, 72-73].

субъектом является существительное с распространением *le jour, déjà tout plein de soleil*, сила воздействия на персонажа романа А. Камю «Посторонний» и резкость которого выражена наряду с глаголом *frapper* (в значении: *Toucher plus ou moins rudement (qqn ou qqch.) en portant un ou plusieurs coups; (sujet n. de chose) Toucher, a la suite d'un mouvement rapide, tomber sur*) конструкцией *comme un gifle*. Данная конструкция передает также сему “неожиданность”.

Интересно сравнить перевод данного предложения на украинский язык:

Коли ми вийшли, через утому та ще через те, що вранці я не відчинив віконниць, яскраве сонячне світло *засліпило мене, і я зажмурився, як від удару* [12, 62],

в котором передается не только действие, но и его естественно предполагаемый результат «зажмурился».

Экспрессивность сравнительных конструкций можно видеть и в следующем предложении:

Chaque nouvelle pensée le rongeaît comme un acide [11, 231],

в котором сила воздействия мыслей на человека сравнивается с действием кислоты, добавляя, кроме этого, значение боли, которую, вероятно, испытывает персонаж.

Как справедливо отмечает И.И. Туранский, «сила эмоционального воздействия зависит от яркости/стертости предлагаемого образа. Одновременно сравнительный оборот как языковая репрезентация того понятия, к которому апеллирует создатель образа, сигнализирует степень интенсивности высказывания-текста» [8, 120].

Анализ сравнительных конструкций подтверждает тезис о том, что средства выражения интенсивности во французском языке эволюционируют в двух направлениях. С одной стороны, представляя собой косвенные средства выражения, лишённые непосредственной связи с элементами плана содержания языка, они имеют тенденцию к стандартизованному употреблению и превращению во фразеологизмы. С другой стороны, аффективные элементы имеют тенденцию к сохранению своей выразительности, они противостоят лингвистическому стиранию. Поэтому именно в области средств выражения интенсивности возникают все новые и новые формы, отражающие живые тенденции в развитии языка в целом [5, 123].

Что касается форм на *-ant*, то герундий и причастие с распространением преобладают над данными формами, функционирующими самостоятельно. Этот факт, по-видимому, объясняется потребностями коммуникации. Герундиальные конструкции и причастные обороты позволяют передать наиболее коммуникативно значимые стороны характеристики либо самого процесса, либо субъекта в момент совершения действия, способствуя созданию экспрессивности высказывания:

Crispé au guidon, appuyant de tout son poids, *mettant toutes ses forces dans chaque mouvement*, il monta à sa rencontre, sans la quitter des yeux [13, 213].

В смысле прагматической значимости формы на *-ant* можно сравнить с аналитическими конструкциями, выполняющими аналогичную функцию, которые по сравнению с наречием обладают большим прагматическим потенциалом. Аналогичность функции герундия и наречия (или адвербиальных аналитических конструкций) в приглагольной позиции указывает возможность их употребления в качестве однородных членов:

M. Petiot regarda Julien un instant, puis, se tournant de nouveau vers sa femme, il reprit *lentement, en détachant bien ses mots*: – Ce monsieur s'est endormi... [13, 465].

Исследуемые единицы представляют характеристику действия также в виде процесса, что отличает исследуемые конструкции от наречия. Так, в предложении:

Non, tu permets, dit-il *en haussant la voix*, je vais finir [16, 354]

герундиальная конструкция в отличие от возможной аналитической конструкции *à haute voix* подчеркивает «процессность» действия, сопровождающего основное действие, способствуя созданию динамизма ситуации.

Весьма интересны с точки зрения экспрессивности конструкции, выражающие интенсивность процесса имлицитно. Так, в предложении:

– Votre générosité, conclut le vieux prêtre, *en transformant en accents circonflexes les trois accents aigus de ce mot*, votre générosité n'en a que plus de mérite [10, 62]

герундиальный оборот указывает на то, что говорящий хочет выделить произнесенное им слово *générosité*. При этом используется особенность произношения французской гласной “e” с *accent aigu* и *accent grave*. В отличие от гласного звука “e”, ко-

торый произносится как закрытый гласный переднего ряда, “ê” произносится как открытое долгое “e”. То есть слово *générosité* произнесено говорящим с ударением на каждом слоге.

Как видно из приведенного фактологического материала, при интенсификации процесса, действия наряду с репрезентацией самого действия может подчеркиваться: скорость, интенсивность, сила производимого эффекта, энергичность, количество приложенных усилий, результат интенсификации, силу воздействия, эмоциональное состояние субъекта.

Таким образом, использование адвербиальных интенсификаторов процессуального признака в художественном тексте связано с авторской интенцией выразить неординарность действия, поведения, состояния персонажей. Прагматическая функция данных единиц, обладающих большой коммуникативной нагруженностью, проявляется в усилении экспрессивности высказывания. Особую коммуникативную и экспрессивную значимость имеют раздельнооформленные единицы в силу наличия в их составе именных компонентов, соотносимых не только с самим действием или его результатом, но и с субъектом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
3. Бендетович Г.Б. Интенсификация как средство семантической детерминации слова // Семантика языковых единиц: Сб. науч. тр. – Минск: Изд-во Минск. гос. пед. ин-та, 1984. – С. 192-201.
4. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – С.-Пб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – 220 с.

5. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высш. школа, 1965. – 378 с.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
7. Москальская О.И. Семантика текста // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 32-42.
8. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. – М.: Высш. шк., 1990. – 173 с.
9. Mathesius V. On Some Problems of the Systematic Analysis of Grammar // Travaux de Cercle Linguistique de Prague. – 1936. – № 6. – P. 95-107.

Художественные тексты

10. Bazin H. Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. – М.: Editions du Progrès, 1979. – 526 p.
11. Boileau-Narcejac. Les louves. Les visages de l'ombre. La porte du large. – М.: Radouga, 1986. – 368 p.
12. Camus A. L'étranger. – Paris: Gallimard, 1957. – 180 p.
13. Clavel B. La grande patience. I. La maison des autres. – Paris: Laffont, 1962. – 558 p.
14. Druon M. Les grandes familles. – Kiev: Dnipro, 1976.-384 p.
15. Laffitte J. Nous retournerons cueillir les jonquilles. – Moscou: Editions en langues étrangères, 1951. – 171 p.
16. Merle R. Derrière la vitre. – Paris: Gallimard, 1970. – 540 p.
17. Roblès E. Un printemps d'Italie. – Paris: Edition du Seuil, 1970. – 256 p.
18. Sagan F. Dans un mois dans un an. – Paris: Julliard, 1957. – 184 p.
19. Камю А. Сторонній /Пер. А. Перепаді // Камю А. Вибрані твори. – Київ: Дніпро, 1991. – С. 29-116.

РОЛЬ ТЕКСТА В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Коммуникативность – основополагающий метод обучения иностранным языкам на современном этапе. Это объясняется настоятельной потребностью сегодняшнего дня в высоком практическом владении устной иноязычной речью. И каждый учащийся в отдельности, и все наше государство в целом заинтересованы сегодня в практическом владении иностранным языком, обеспечивающим выход на мировой рынок, приобщение к мировой культуре. Поэтому в качестве приоритетной цели выступает коммуникативная компетенция [1, 31].

В то же время учащиеся приходят в языковой вуз с далеко не всегда правильными динамическими стереотипами произношения звуков иностранного языка и интонации основных коммуникативных типов предложений. Эти умения, к сожалению, становятся психофизиологическими факторами, которые создают определенный барьер в формировании и развитии коммуникативной компетенции. Основное внимание в средней школе и сегодня уделяется изучению немецкого языка на лексико-морфологическом и синтаксическом уровнях. Специфика интонационной организации немецкого языка, разнообразие его выразительных средств, которые должны усваиваться в процессе анализа отдельных интонационных конструкций в соответствии с конкретными ситуационными и контекстуальными условиями, остаются, к сожалению, вне поля зрения авторов учебников по немецкому языку и учителей школ.

Стремление к усилению коммуникативной направленности обучения иностранному языку, попытки приблизить его к процессу коммуникации окажутся безуспешными, если у студентов не сформировано произношение, максимально приближенное к безакцентному [2, 3], и отсутствуют соответствующие навыки интонирования.

Развить интонационно выразительную и логическую речь учащихся можно, если чтению вслух – сложному виду речевой деятельности – уделить должное внимание. Коммуникативная цель чтения вслух заключается в том, чтобы максимально приблизить звуковой вариант текста к письменному, тем самым отобразив содержание текста, заложенного в него автором. Это вовсе не означает перевод каждого отдельного слова текста в его звуковой эквивалент. Адекватность восприятия слов-графем ещё не может служить основанием для правильного интонационного оформления письменного текста.

Подход к тексту как линейной последовательности отдельных слов или предложений приводит к невозможности разобратся в содержании его отдельных тематических частей. Особенно ярко несостоятельность такого подхода проявляется при обучении чтению на иностранном языке, что выражается в дальнейшем в неумении передать содержание прочитанного в устной форме. Теория речевой коммуникации предусматривает обязательный учет ситуации, контекста, в которых реализуется определенная речевая деятельность, а также её мотивацию. Именно она лежит в основе коммуникативной направленности целостного высказывания – текста, тем самым обуславливая реализацию его отдельных языковых форм.

Таким образом, приемы и методы интенсификации обучения иностранному языку на современном этапе предусматривают повышение роли текста как учебного материала в формировании и развитии коммуникативной компетенции студентов. Адекватное перекодирование письменного текста в устный вов-

се не означает их полную знаковую идентичность, что объясняется разными возможностями языкового выражения идентичных денотатов [4, 71].

Письменный текст усваивается читающим на основе зрительного восприятия букв, который следует рассматривать “как первый момент запуска связей речевого динамического анализатора” [5, 131]. Человек, как известно, проговаривает про себя то, что пишет или читает [8, 20]. Микродвижения речевого аппарата способствуют лучшему восприятию письменного текста. Чтение вслух развивает механизм перехода структурно-смыслового восприятия на полную артикуляционную базу.

Учитывая тот факт, что артикуляционный аспект реализации какой бы то ни было речевой программы воспринимается как первичный, графическое представление текста рассматривается только как вторичный способ его фиксации на бумаге. Это подтверждает принципиальную мысль о том, что при чтении текста вслух следует исходить не столько из его формально-графических признаков, сколько из динамических звуковых и просодических стереотипов, мотивированных функционально. В основе правил чтения вслух должны лежать особенности интонационной организации устной речи. Таким образом, успешный процесс чтения возможен только при условии взаимодействия трёх факторов: графического, артикуляторно-акустического и слухового. Особо следует подчеркнуть, что правильный интонационный анализ текста можно сделать только при наличии развитого речевого слуха. Поэтому одной из важнейших задач в этой нелегкой работе является разработка способов развития слуха. Эффективным приемом может служить сравнительное чтение двух студентов с наиболее ярко выраженными индивидуальными особенностями произношения. Студенты-слушающие должны определить и объяснить причину их возникновения. Чтобы студенты чувствовали выразительные возможности интонации немецкого языка, необходимо предьявлять

им на занятиях записи носителей языка, не только дикторов радио и телевидения, речь которых является эталоном, но и профессиональных мастеров художественного слова, что в значительной степени будет способствовать осознанности особенностей интонации изучаемого языка в сравнении с родным.

Особое внимание следует обратить на некоторые различия процесса восприятия устного и письменного текста. Большинство лингвистов, изучающих особенности звуковой реализации языка, считает, что для адекватного описания разговорной речи необходимо отказаться от ее рассмотрения с позиций письменного языка. Система правил, в соответствии с которыми строится устное речевое высказывание, либо рассматривается как самостоятельное построение, учитывающее только особенности разговорной речи, либо выводится из сопоставления нормы письменного языка с его звуковой реализацией и трактуется при этом как отклонение от нормы. Иногда предпринимается попытка найти единую систему описания как для письменного языка, так и для разговорной речи. Как справедливо подчеркивает Потапова Р.К., какой бы подход не лежал в основе анализа разговорной речи, в любом случае она не может быть рассмотрена в отрыве от норм письменного языка. Письменный язык и разговорная речь не различаются в отношении лежащей в их основе компетенции. Их различия проявляются на уровне реализации вследствие разных условий данной реализации [7, 103]. Так, если опорными сигналами членения письменных текстов являются пунктуационные знаки, то одним их основных средств сегментации устного текста является интонация. Воспринимая устный текст, слушающий опирается также на просодические сигналы (паузы) – маркеры его членения/связи, которые определяют границы коммуникативных единиц. Эти сигналы далеко не во всех случаях соответствуют их формально-графическим эквивалентам. При обучении выразительному чтению на немецком языке необходимо отделять паузой группу подлежащего от группы сказуемого, даже если

между ними отсутствует пунктуационный знак: *Die Luft im Walde / ist besonders frisch und rein; Lustige Schmetterlinge / schlagen mit ihren bunten Flügeln*. Возможно и более дробное членение группы сказуемого. Слова-расширители группы подлежащего и сказуемого так же следует выделять паузой: *Die Bäume stehen voller Blüten / und scheinen miteinander zu flüstern; An den Abhängen der Schlucht / blühen blutrote Mohnblumen / und blaue Glöckchen*. При этом синтагматическое членение не должно нарушать синтаксические связи между словами. Так, например, при обратном порядке слов в отдельную синтагму выделяются паузой, как правило, обстоятельство места, времени, цели, причины, образа действия (при отсутствии пунктуационного знака): *Hier und da / begann man die Türen auf-zuschließen; Vor einem Lebensmittelgeschäft / blieb Karl stehen; Auf dem Dache / wehte eine Fahne im schwachen Wind; Kurz vor Frankfurt / ging ich in mein Abteil zurück*. Как видим, членение фразы на синтагмы – смысловые сегменты – является отображением мысли говорящего. Однако семантический критерий их выделения связан с синтаксическим построением предложения: синтагматическое членение ограничивается синтаксическими нормами связей между словами в рамках фразы.

Результаты новейших экспериментально-фонетических исследований устной немецкой речи требуют определенное переосмысления традиционных взглядов на иерархию пауз по их длительности. В частности это касается таких графических знаков как запятая и точка, которые фиксируют паузу соответственно меньшей и большей длительности. Анализ показывает, что пауза прежде всего соответствует характеру смысловой связи между сегментами текста. Её длительность зависит от степени смысловой завершенности предпаузального сегмента. Так, межфразовая пауза, которая является границей надфразовых единств, длительнее межфразовой паузы в середине такого единства. Наиболее слабо идентифицируемые аудитором паузы относятся к участкам на границах между лексическими единицами в рамках

фонетического слова. Им соответствуют полное отсутствие физической паузы, или пауза, длительностью меньше 60 мс. На границах фонетических слов длительность паузы колеблется в диапазоне от 60 до 100 мс. Наилучшим образом идентифицируются паузы на межфразовых границах. Их длительность варьируется в пределах от 100 до 900 мс [6, 188]. Градация их длительности зависит не от характера пунктуационного знака, а от семантических отношений между сегментами текста.

Большое количество ошибок у студентов именно в интонации бесспорно является результатом интерферирующего влияния родного языка на иностранный. В значительной степени это объясняется и наименьшей степенью осознанности явления интонации как такового не только в иностранном, но и в родном языке. Осознанность интонационных закономерностей является, однако, лишь необходимым, но не достаточным условием для правильного употребления в речи немецких интонационных структур. Процесс обучения иностранному языку опирается на лингвистические модели его функционирования. Как только же мы переходим на уровень коммуникации, эти модели, которые являются статичными, оказываются в принципиальном противоречии с самим процессом речевой деятельности. Из этого можно сделать вывод, что хоть процесс обучения интонации опирается на статичные интонационные модели различных по цели высказывания типов предложения (повествовательного, вопросительного, побудительного) в позаситуационных условиях, эффективность процесса обучения будет достигнута только через динамичные модели речевой деятельности. Повседневная жизнь порождает коммуникативную мотивированность интонации, делает её непринужденной и естественной. Психологи объясняют природную выразительность интонации её тесной связью с поведением человека, с реальными условиями общения. В период обучения в языковом вузе студенты должны осознать основные типы и виды интонации, которые реализуются в определенных усло-

виях общения, чтобы уметь репродуцировать их в реальных коммуникативных ситуациях.

Правильному интонационному оформлению предложения и членению текста способствуют специальные упражнения. Естественно, что в целенаправленном учебном процессе не представляется возможным сразу обучать устной речевой активности в ее естественном виде. Тем не менее языковой материал текстов, зрительная и слуховая наглядность, ситуативная обусловленность заданий должны позволять с самого начала обучения выполнять не только языковые (тренировочные), но и речевые (коммуникативные) упражнения [3, 14]. Работу над интонацией целесообразно начинать со слушания текста, начитанного диктором, и одновременного проговаривания его про себя со зрительной опорой. В аудиторных условиях рекомендуется чтение текста хором и индивидуально вслед за диктором, а также выполнение упражнений на различия интонационных контуров основных коммуникативных типов предложений. Значение такого рода упражнений трудно переоценить, поскольку они ярко демонстрируют тот функциональный диапазон интонационных способов, который может быть выявлен только на уровне устного текста. Необходимы также упражнения на чтение предложений, выражающих различные оттенки модальности. Развитию беглости чтения и закреплению правильного интонирования способствует чтение вслух отрывка текста за определенное время с записью на ленту с последующим прослушиванием и анализом допущенных ошибок.

Студент языкового вуза должен владеть навыками пользования ударения, возможными его разновидностями. Важно подчеркнуть, что в тексте словесное ударение имеет различное просодическое выражение и поэтому воспринимается как сильное или слабое. Служебные слова (предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, частицы, артикли, а также зачастую местоимения) остаются безударными. Сильным ударением выделяются информативно наиболее важные элементы устного текста.

В сфере речевого общения, в непосредственном, живом контексте могут происходить ритмико-интонационные сдвиги предложения в зависимости от познавательной установки говорящего, что требует выработки специальных навыков пользования логическим ударением как способом выделения наиболее информативного элемента мысли. Так, предложение *Morgren kommt meine Mutter aus Berlin* приобретает различный смысл в зависимости от места логического ударения:

Morgen kommt meine Mutter aus Berlin;

Morgen kommt meine **Mutter** aus Berlin;

Morgen kommt meine Mutter aus **Berlin**.

Благодаря логическому ударению мы имеем возможность выражать разные оттенки мысли. Та же самая фраза является лишь констатацией факта, если употребляется без логического ударения, и представляет собой единое смысловое целое, объединенное фразовым ударением на последнем ударном слоге.

Коммуникативная цель высказывания прежде всего передается движением тона. Определяющим при этом является характер движения тона в главноударном слоге – смысловом центре фразы. Предтакт же относительно монотонен, находится на нейтральном мелодическом уровне в отличие от русского языка, где чередуются безударные и малоударные слоги на разных мелодических уровнях [2, 27]. Внутренние неконечные синтагмы имеют в немецком языке свою особенность произнесения без падения тона в главноударном слоге или иногда с небольшим повышением тона, сигнализирующим о смысловой незавершенности синтагмы, о ее тесной связи с последующим сегментом. Серия тренировочных упражнений должна быть посвящена нахождению в каждой синтагме слова, которое несет новую информацию; выявлению смыслового центра предложения; осознанию тех изменений, которые вносит в интонационную конструкцию перемещение такого центра с конца предложения на его начало; выработке умений правильно репродуцировать те интонационные конструкции, которые встречаются в тексте.

При этом следует подчеркнуть, что конечная цель осознанного обучения иностранному языку на специальном факультете заключается в умении четко выражать свои мысли и понимать речь собеседника – носителя языка, то есть осуществлять процесс коммуникации. Полученные теоретические и практические знания должны закрепляться в активной речевой деятельности студентов, что стабилизирует освоенную ими литературную норму произношения.

Литература

1. Вайсбурд М.Л. Методы обучения. Выбор за Вами. // Иностранные языки в школе. – М., 2000. – С. 29-34.
2. Вербицкая Т.Д. Немецкий – без акцента. Коммуникативно-ориентированный вводный фонетический курс немецкого языка. – Одесса, 1995.
3. Вербицкая Т.Д. Основные принципы реализации коммуникативно-направленного обучения иноязычному произношению // Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В.Л.Скалкина. – Одесса, 1998. – С. 12-16.
4. Гладков В.В. Вопросы функциональной эквивалентности в сопоставительной лингвистике // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 6. – С. 70-83.
5. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958.
6. Петлюченко Н.В. Реализация консонантных сочетаний на стыке лексических единиц (инструментально-фонетическое исследование на материале речи дикторов радио и телевидения Германии): Дис. канд. фил. наук: 10.02.04. – Одесса, 1999.
7. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. – М., 1997.
8. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. – М., 1981.

ELEMENTS OF STYLE IN SCIENCE FICTION

Although statistical studies of style are usually used to solve attribution problems, to identify the particular characteristics of an individual author's style, or to gather information about language generally, such a study can also be used to determine a work's genre. Sentence length, sentence complexity, percentage of dialogue, and vocabulary differ from genre to genre as well as from individual to individual, and these distinctions may help to resolve a dispute over Andre Norton's science fiction. Though she won the 1977 Gandalf Award for lifetime achievement in fantasy and the 1984 Nebula Grand Master Award for lifetime achievement in science fiction, her work has been neglected by science fiction critics and remains virtually unexamined [1]. Among the reasons for this neglect is the dismissal of Norton's work as Juvenile science fiction [2]. While thematic content and characters' ages often determine whether a work is juvenile, the work's style is another determinant. Commonly, critics and reviewers judge stylistic factors subjectively, following their particular biases. Some elements of style, however, can be measured statistically and thus objectively. Statistics on sentence length, sentence complexity, and vocabulary diversity can provide an objective measure of whether Norton's work is, in these respects, more juvenile than other so-called mature science fiction.

Dogmatism coupled with dismissal of her work as naive or lacking seriousness invites an examination of her work for evidence for these assessments [4]. We assume that (1) juvenile literature's syntax and vocabulary are more restricted than those of adult literature, and (2) that some basic aspects of style can be analyzed objectively

through counting sentence words, syllables, and syntactic elements in a text sample and describing them statistically. A comparison, then, of certain features in samples of Norton's work with the same features in samples from other science fiction should reveal whether her work is, in these respects, more juvenile than that of other science fiction authors. Because statistics deal with probability rather than certainty the details of that comparison provide no definitive resolution.

Norton's first two published science fiction stories were taken as samples of her work, "The People of the Crater" (1947), which was later reprinted as "Garin of Tav", and "The Gifts of Asti" (1948), and two later stories, "Legacy from Sorn Fen" (1972) and "The Toads of Grimmerdale" (1973).

For comparison, three samples from *Isaac Asimov Presents the Great SF Stories 9* (1947) and another three samples from *Isaac Asimov Presents the Great SF Stories 10* (1948) were used [6]. A random number generator provided several page numbers for each volume at which a sample might begin, and with two exceptions, we began the sample at a full paragraph beginning on that page and continued it sequentially to the end of the full paragraph containing the one-hundredth sentence from the sample's origin. The sample size approximately one hundred sentences was used because, generally, thousand words is the minimum text size for valid statistical determinations about words, and one hundred sentences is the minimum text size for determinations about sentences. The first exception to purely random sampling was to limit each sample to a different story and a different author; this provided heterogeneity in the comparison samples rather than some weight toward a particular author or a particular kind of story. The second exception was to exclude any sample with fifty percent or more dialogue. Since no attempt to choose Norton's best work was made, whereas editors Asimov and Greenberg preselected the *Great SF* samples for their greatness, these choices probably bias the comparison some-

what against Norton. The inclusion of "Garin of Tav," her earliest and most imitative science fiction work, also tells against her. In addition to the *Great SF* control samples, where the data permit we have used random samples of science fiction from three short stories and three novels published in 1961. The samples, totaling about twelve thousand words, were collected and analyzed as part of the massive stylistic study of various genres by Kucera and Francis [7].

In counting, the word and sentence definitions used by Kucera and Francis was followed [7, 369]. A word is "a string of alphanumeric characters with space on either side; may include hyphens and apostrophes but no other punctuation marks". Thus, "uh" or "by-ways" were counted as single words just as "today" was. An exception of contractions, however, was made: for all the samples, contractions were expanded into two words. A sentence is a string of words ended by a period, question mark, exclamation point, ellipses, or a long dash, and followed by a capital letter. Therefore, "Go! he shouted." is only one sentence, but "Go! He shouted." is two sentences. In addition, "the end of a paragraph was automatically considered the end of a sentence, no matter what punctuation marks appeared" [7, 369]. All the necessary raw data, shown in table 1, described the figures.

Table 1.

Total Number of Sentences, Words, and Syllables

Sample	Sentences	Words	Syllables
Norton	3,314	45,128	58,122
Great SF	617	8,273	12,193
1961	899	11,633	-

Table 2 indicates that Norton's style may be as mature and sophisticated as the style of such writers as Poul Anderson, H. Beam Piper, Murray Leinster or William Tenn. Readability specialists have long recognized sentence length as a statistically valid measure of sentence complexity, and Norton's sentences are longer than those

of the *Great SF* samples, although the standard deviation indicates that the difference is insignificant. Variety, too, is commonly thought a sign of stylistic skill, and the range shows that Norton has produced a greater variety of sentence lengths than exists in the other samples. The striking feature in table 2 is the significant difference between word length in the Norton samples and the *Great SF* samples. Norton's monosyllabism is in the same extreme range as Ernest Hemingway's [8]. Such a degree of monosyllabism is unusual, difficult to achieve, and could indicate either a severely restricted vocabulary or a stringently controlled one.

Table 2.

Average Sentence Length and Word Length, with Range and Standard Deviation

Sample	Avg. SL	Range	S.D.	Avg. WL	Range	S.D.
Norton	13,62	1-63	1,85	1,29	1-6	0,04
Great SF	13,41	1-54	1,08	1,47	1-7	0,03
1961	12,94	-	-	-	-	-

A calculation of the percentage of total sentences whose structures were complex or compound-complex, brought surprising results as shown in table 3. The Norton samples contained a greater percentage of such sentence structures than the *Great SF* samples, confirming the suggestion by sentence length data.

Table 3.

Percentage of Complex and Compound-Complex Sentences and Standard Deviations

Sample	Percentage of Complex and Compound-Complex Sentences	Standard Deviations
Norton	36,93	5,93
Great SF	30,79	6,67

Two other more linguistically sophisticated measures confirm that conclusion. The number of predictions per sentence, a measure of "total complexity" used by Francis and Kucera [7, 550-551] and based upon the number of both finite/nonfinite verbs in each sentence, again shows that the Norton samples slightly more complex than the *Great SF* samples. So does Cluett's "density rank shifting" [7, 143], which uses the total number of subordinators, relatives, and verbals per sentence as a measure of total complexity. These measures attempt to quantify apposition and subordination—or embedding, interruption, and suspension—as indicators of sentence complexity. Once again, as shown in table 4, the differences between the Norton and the *Great SF* samples are insignificant, although both are significantly higher in total complexity than Kucera and Francis' randomly chosen 1961 samples.

Table 4.

Total Complexity and Standard Deviation

Sample	Predictions per sentence	S.D.	Density of Rank Shifting	S.D.
Norton	3,07	0,49	1,08	0,25
Great SF	2,75	0,22	0,97	0,12
1961	2,23	-	-	-

Of the three measures above, which deal with sentence complexity (tables 1-4), none reveal any significant difference between the Norton samples and the *Great SF* samples.

Vocabulary diversity is another accurate test of sophistication or complexity, and a necessary test for this comparison because Norton's monosyllabic prose suggests a restricted vocabulary. The Type-Token Ratio (TTR), the number of different words, or types, compared to the total number of words, or tokens, in a sample measures such diversity. The TTR is dependent upon sample size, however, because the total number of words in a given text increases

much faster than the number of different words; the longer the text, the more vocabulary repetition. To eliminate this difficulty, Yule devised the K factor as a measure of vocabulary diversity that would be independent of sample size [10]. The K Factor actually measures the repeat rate of types and hence measures their diversity. A low K Factor for vocabulary means a lower repeat rate of words, that is, greater diversity of vocabulary. Although the Norton samples do have a slightly higher repeat rate for vocabulary than the Great SF samples, as the K Factor in Table 5 reveals, the difference is not significant. Further, the coefficient of variation indicates once more that Norton's work is less homogeneous, that is, shows a greater variety of repeat rates among the samples than the Great SF does. The standard deviation and the range confirm the greater variety in the Norton samples.

Table 5.

Range, Mean, and Standard Deviation of K Factor for Vocabulary, and Coefficient of Variation for Vocabulary

Sample	Range	K Factor Mean	S.D.	Coefficient of Variation
Norton	84,36-156,11	110,63	17.89	0.1617
Great SF	90,69-133,48	108,02	12.82	0.1187

The statistical results summarized in tables 1-5, in fact, show that these samples of Norton's writing contain diversities of sentence length, sentence complexity, and vocabulary equivalent to those in the Great SF samples and greater than those (where measured) in the 1961 samples. Norton's unique feature, among those elements measured, is her monosyllables. In these samples 76.17 percent of the words are monosyllables compared to 68.11 percent for the Great SF samples. Since the norm for English is 50 percent one-syllable words [11], science fiction as a genre may deviate from the norm, and Norton may be an extreme variant of this deviation. Only

a great deal more data and analysis can resolve the question. Monosyllabism, however, broadens Norton's audience, making her writing accessible to younger readers out otherwise affecting it. Further, the Norton samples exceed the others in range and variety suggesting greater flexibility in her writing style and less adherence to the genre's conventions. Such variations and flexibility usually count as indicators of increased maturity in style.

Nevertheless, its results suggest that (1) Andre Norton's science Fiction and fantasy exhibit as much stylistic skill and sophistication as most great science fiction; (2) she has been thoroughly professional maturing those skills over her writing career; (3) she has, in addition, a talent for writing clear, predominantly monosyllabic prose accessible to air any reader.

Works Cited

1. Henry Kucera and W. Nelson Francis, *Computational Analysis of Present-Day American English* (Providence, R.I.: Brown Univ. Press, 1967); Sandra Miesel, *Introd., Witch World, by Andre Norton* (Boston: Gregg Press, 1977), p. v.
2. Donald Wollheim, *Introd., The Book of Andre Norton, by Andre Norton* (New York: DAW Books, 1974). p. 7.
3. Paul Walker, "Andre Norton," in "Speaking of Science fiction (Oradell, N.J.: Luna Press, WS), p.269, Rev. Of Android at Arms, by Andre Norton. Luna Monthly (Oct. -Nov. 1972) , p. 53; Brian Aldiss, *The Billion year Spree* (New York: Schocken Books, 1973), p. 263; Lester del Rey, *The World of Science Fiction, 1926-76* (New York: Ballantine Books, 1979), p. 204; John Nicholls, ed. *The Science Fiction Encyclopedia* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1979), pp. 206, 537, 661.
4. Miesel, pp. vi-vii; Elisa Kay Sparks, "Norton, Andre," in *Dictionary of Literary Biography vol. 8: Twentieth Century American Science-Fiction Writers. Part 2: M-Z*, ed. David Cowart and Thomas L. Wymer (Detroit: Gale Research, 1981), p. 56.

5. Andre Norton, *Garan the Eternal* (New York: DAW Books, 1972), pp. 9-50; *The Book of Andre Norton* (New York: DAW Books, 1974), pp.11-57, 110-23; and *Lore of the Witch World* (New York: DAW Books, 1980), pp. 111-120.
6. Poul Anderson, "Tomorrow's Children"; H. Beam Piper, "Time and Time Again"; Eric Frank Russell, "Hobbyist"; in Isaac Asimov Presents the Great SF Stories 9 (1947), ed. Isaac Asimov and Martin Greenberg (New York: DAW Books, 1983), pp. 42-70, 101-118, 294-326; Murray Leinster, "The Strange Case of John Kingman"; William Tenn, "Brooklyn iip reject"; A. E. Van Vogt, "Dormant"; in Isaac Asimov Presents the Great SF Stories 10 (1948), ed. Isaac Asimov and Martin Greenberg (New York: DAW Books, 1983), pp. 50-65, 139-148, 179-194.
7. Susan Hockey, "Stylistic Analysis and Authorship Studies," in *A Guide to Computer Applications in the Humanities*, ed. Susan Hockey (Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1980), p.126; Robert Cluett, *Prose Style and Critical Reading* (New York: Teachers College Press, Columbia Univ., 1976), pp.277-280; W. Nelson Francis and Henry Kucera, *Frequency Analysis of English Usage: Lexicon and Grammar* (Boston: Houghton Mifflin, 1982), continues their study of the 1961 Brown corpus.
8. Douglas R. McCallum and James L. Peterson, "Computer-Based Readability Indexes," in *Proceedings of the ACM'82 Conference*, October 22-27, 1982 (Dallas: ACM, 1982), p. 45; Darrell Mansell, "The Old Man and the Sea and the Computer," *Computers and the Humanities*, 8 (1974), 199.
9. Paul E. Bennett, "The Statistical Measurement of a Stylistic Trait in Julius Caesar and As You Like It", in *Statistics and Style*, ed. Lubomir Dolezel and Richard W. Bailey (New York: American Elsevier, 1969), pp. 29-41.
10. G. Udny Yule, *The Statistical Study of Literary Vocabulary* (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1944; rpt. New York: Archon Books, 1968); see also Guslav Herdan, *The Calculus of Linguistic Observations* (The Hague: Mouton, 1962), pp. 36-40.
11. Zipf, G. K., *The Psycho-Biology of Language* (Boston: Houghton Mifflin, 1935), pp. 23

COMPARATIVE ANALYSIS IN PHONOLOGICAL, SPELLING AND VOCABULARY SYSTEMS IN OLD ENGLISH AND MODERN ENGLISH

Apart from spelling and pronunciation, there are three differences between Old English and Modern English, which may be characterised as major. Old English statements can have one of three word orders, all of which still appear in Modern German, whereas Modern English statements have a fixed order. Old English largely relies on inflexions (changes in, or additions at, the end of words, as in the possessive *-s* in *'the ship's mast'* and the plural *-s* in *'three ships'*) to indicate relationships which are tended to express today by the word-order and by prepositions. And the vocabulary of Old English is mostly native Germanic, with some borrowings from Latin and from the Scandinavian languages, which were also Germanic, whereas Modern English has borrowed with brilliant ruthlessness from all the languages with which its speakers have made contact, thereby widening its capacity for the expression of new ideas, increasing its richness by the addition of synonyms, and replacing many Old English words with borrowings. As a result, less than 20 % of the words that can be used in English today come down from Old English, though to be sure these are the everyday words that occur with great frequency. Even so, it may seem a startling thing to say but the factor which above all makes Old English seem a foreign language to those trying to read it today is neither its inflexions nor its word-orders nor its syntax but its vocabulary.

The standard books on Old English devote much space to phonology, inflexions, and syntax, but little to vocabulary. They rarely point out that the Old English inflexions were already much reduced and frequently reinforced by prepositions or that English syntax as we now know it has been very little influenced by contact with foreign languages.

The Old English language is predominantly Germanic. Some Old English words are recognizable from their Modern English counterparts, although the meanings may have changed, e.g. *'dēor'* means *'(any) wild animal'* not *'deer'*; *'fugol'* means *'bird'*, as in *'the fowls of the air'*, not *'fowl'*; *'lāewede'* means *'lay, as opposed to cleric'* not *'lewd'*; and *'sellan'* means *'to give'* not *'to sell'*. Other words differ in spelling and pronunciation as a result of changes in Middle English and Modern English. But the correspondences in the table which follows will help you to recognize the Old English forms of some of these words.

Table 1

OE Spelling	MnE Spelling	Vowels	Consonants
Lang	long	an : on	
Fæt	vat	æ : a	f : v
Rædan	read	æ : ea	
Ac	oak	a : oa	c : k
Líf	life	í : i.e	
Nú	now	ú : ow	

The two forms *'man/men'* descend directly from OE *mann/menn*. Such variations are common in Old English. At one time the form which has changed ended with an unstressed syllable containing the sound [i] (as in 'music') or [j] (which is the symbol for the initial sound in 'year'); for *mann* the original plural was probably *manniz*. These sounds [i] and [j] are made with the tongue high up in the front of the mouth and it would seem that speakers began to prepare for this high front sound before they had finished the vowel of the stressed syllable. As a result they pronounced the stressed

syllable higher and/or further forward than they should have done. The unstressed syllable then disappeared, as in *menn*, or was changed in form. Grammarians call this change *'i-mutation'*.

Some words display the singular/plural variation seen in *mann/menn* but in others the mutated form is a new word based on the non-mutated form, as in MnE *'strong/strength'*.

Table 2

Non-mutated		Mutated	
<i>lang</i>	long	<i>lengþ</i>	length
<i>brād</i>	broad	<i>brædan</i>	to spread
<i>fōt</i>	foot	<i>fēt</i>	feet
<i>mus</i>	mouse	<i>mȳs</i>	mice

Some Old English words were formed from others by the addition of a suffix which caused i-mutation, e.g. *lang/lengþ* and *ful/fȳlþ* (in these two, the suffix was *-ȳþ(u)* and *cuss/cyssan* and *full/fyllan* (in which the suffix was *-jan*). Other suffixes, which do not affect the vowel of the stressed syllable or stem, include *-hād*, as in *childhad* 'childhood'; *-ig* (originally *-æg*, so no i-mutation), as in *halig* 'holy'; *-lic*, as in *heofonlic* 'heavenly'; and *-sum*, as in *hier-sum* 'hear-some, obedient'. Words containing these suffixes present no problems to present-day speakers of English. Nor do words formed by the addition of prefixes, e.g. *beodan* 'to command', *forbeodan* 'to forbid, prohibit'; *bindan* 'to bind', *onbindan* 'to unbind'; and *drifan* 'to drive', *todrifan* 'to drive apart, scatter'.

The formation of words by the addition of affixes (prefixes or suffixes) was one of three main ways in which the Old English language formed new words. A second was by making compounds of two (or more) words already existing in the language. A third was by borrowing from other languages. Modern English shows a strong preference for borrowing rather than for making compounds, although we can still make compounds today, e.g. 'no-go area', 'space shuttle', 'drop-out', 'guesstimate', 'do-gooder', 'non-starter' and 'skyscraper',

a word which has been used of sails, horses, and men as well as of buildings; whoever coined it had the imagination of a Shakespeare. But the Germanic habit of compounding was much more in Old English.

Ordinary everyday compounds like *niht-waco* 'night-watch', *heah-clif* 'high-cliff', *folc-lagu* 'folk-law', *ær-dæg* 'early-day', and *win-druncen* 'wine-drunk', present no problem. Compounds with an inflected first element include *Engla-lond* 'land of the Angles'. But the Anglo-Saxons were often faced with the problem of expressing new ideas, especially when translating from Latin texts. In such situations, they either borrowed words or made new compounds. Sometimes the elements of a foreign word were represented by Old English equivalents, e.g. *wel-willend-ness* for *bene-volent-ia* 'benevolence', *fore-set-ness* for *prae-posit-io* 'preposition', and *pri-ness* for *Tri-nitas* 'Trinity'. But sometimes the elements of a compound were based on a meaning of a Latin word. Thus the Pharisees were seen as men professing, and rigidly bound by, the law (Matthew 23:13-29) - hence *æ-lārēowas* 'law-teachers' - or as men who stood apart and thought themselves holier than other men (Luke 18:10-14) - hence *sundor-halgan* 'apart-holies'. That these processes are now less natural for speakers of English can be seen in various ways. First, the language now tends to prefer borrowed words rather than compounds, e.g. 'benevolence' and 'preposition' above. Second, many native compounds such as *tungol-cræft* 'star-craft' for 'astronomy' and *lār-hūs* 'lore-house' for 'school' have disappeared from the language. Third, proposed native replacements like the sixteenth-century 'hundreder' for 'centurion' or the nineteenth-century 'folk-wain' for 'bus' seem to us ridiculous, whereas to Germans *Femsprecher* 'far-speaker' for our Greek-derived 'telephone' is not unnatural, though they do, of course, use *Telephon*.

We turn now to borrowed words in Old English. The largest foreign element is the contribution from Latin; over one hundred survive today. It is not always possible to know exactly when a word was borrowed. Early borrowings include words such as *camp*, Latin

campus, 'field, open space, battle', from which were derived *campian* 'to fight' and *cempa* 'a warrior'; *mil* 'mile' from Latin *mille passum* 'a thousand paces'; *win* 'wine' from Latin *vinum*; and *mangere* '(fish)monger' from Latin *mango* 'a dealer in slaves and other wares'. These have corresponding forms in other Germanic languages. Other early borrowings include *street* 'street' from Latin *strata via* and *butere* 'butter' from Latin *buturum*. These were borrowed before *t* became *d* between vowels in Vulgar Latin; compare Italian *strada* 'street, road'. A third group of early borrowings comprises words which show Germanic or early Old English sound changes that did not take place in words with the same sound which were borrowed later, e.g. *næp* 'neep, turnip', Latin *napus* (compare the later borrowing *papa* 'pope', Latin *papa*), and *munt* 'mount(ain)', Latin *montem* (compare the later borrowing *font* 'font', Latin *fontem*). The coming of Christianity naturally led to many ecclesiastical borrowings, including the Old English equivalents of 'altar', 'deacon', 'dean', 'epistle', 'litany', 'mass', 'prior', 'stole', and 'tunic'. We find *Pharisei* 'Pharisees' and *Fariseisc* 'of or belonging to the Pharisees'. More general borrowings include *cantere* 'cantor, singer', *plaster* '(medical) plaster', *papper* 'papyrus', and *comēta* 'comet'.

Most of the Scandinavian borrowings (or loans) are found in the Anglo-Saxon Chronicle or in the Laws. About thirty appear in writing before the date of the accession of King Cnut. Examples which still survive today are: *feolaga* 'fellow, colleague', *husbonda* 'householder', *husting* 'court, assembly, tribunal' (MnE 'hustings'), *lagu* 'law', *utiaga* 'outlaw'. Another group of thirty-three recorded includes twelve words which are very common today: 'crooked', 'die', 'knife', 'haven', 'hit', 'root', 'sale', 'score', 'skin', 'snare', 'take', and 'they'. These everyday borrowings reflect the existence of mixed communities: Anglo-Saxons and Scandinavians. But it is very probable that most of them were in the spoken language in the tenth century. Scandinavian loans continued into the Middle English period and (more spasmodically) thereafter.

Borrowings from other languages are rare. A few words such as *engel* 'angel', *cirice* 'church', and *deofol* 'devil', may have reached the Germanic languages directly from Greek. Celtic elements occur mostly in place names, e.g. *torr* 'rock, rocky peak'. An early borrowing appears in Old English as *rice* 'kingdom'. It is parallel with Modern German *Reich* and survives as the second element in 'bishopric'. Other possible Celtic words include *assa* 'ass', *bannoc* 'piece (of cake or loaf)', *binn* 'bin, manger', and *brocc* 'badger'. The most interesting is undoubtedly OE *ambeht*, *ombeht* which means both 'office, service' and 'servant' and was borrowed into Germanic probably direct from Celtic but possibly through Latin *ambactus*, the ultimate source of MnE 'ambassador'. It is recorded in Middle English but ultimately disappeared – only to be reborrowed in the twentieth century from Swedish as 'ombudsman'.

There are a few words which might be derived from either Latin or French, e.g. *capun* and *castel*. But in OE no loan-words which can certainly be regarded as French occur in manuscripts, except *prud*, *prut* 'proud', whence are derived *prýte*, *prýt* 'pride'. This may well reflect the impression made by the visiting Normans on their Anglo-Saxon hosts.

The Works Cited

1. Albert C. Baugh and Thomas Cable. A History of the English Language (3rd edition). Englewood Cliffs, NY: Prentice-Hall Inc., and London: Routledge and Kegan Paul, 1978, repr. often, 342 p.
2. Bruce Mitchell. An Invitation to Old English and Anglo-Saxon England. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. – 1995. – P. 20-31.
3. Mary S. Serjeantson. A History of Foreign Words in English. London: Rontledge and Kegan Paul, 1935, repr. 1961, 432 p.
4. Thomas Pyles and John Algelo. The Origins and Development of the English Language (3rd edition). San Diego etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1982, 370 p.

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА	3
<u>Н.А. Бигунова</u> ПРОСОДИЧЕСКИЕ ИНВАРИАНТЫ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАРРАТИВА В СПОНТАННОЙ РЕЧИ	5
<u>Л.Л. Букреева</u> СПОТЫКАЮЩАЯСЯ ЭВРИДИКА (сравнительный анализ двух переводов стихотворения Рильке)	17
<u>О.В. Воронюк</u> ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПАРОНИМИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ	35
<u>Я.С. Дибчинська</u> ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ЛЕКСИКОГРАФІЇ ПІВДЕННО- АФРИКАНСЬКОЇ РЕСПУБЛІКИ В КОНТЕКСТІ МОВНОЇ СИТУАЦІЇ	47
<u>Т.И. Домброван</u> ДИСТРИБУЦИЯ И ВАЛЕНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ	56
<u>О.М. Ильченко</u> ПРО ДИСКУРСИВНІ АСПЕКТИ ЕТИКЕТИЗАЦІЇ АНГЛОМОВНОГО НАУКОВОГО ДИСКУРСУ	68
<u>О.В. Коваленко</u> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ В.СКОТТА	76
<u>Т.Б. Козак</u> К ВОПРОСУ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛОВА GRÜN "ЗЕЛЕНЫЙ" В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	86

И.А. Маковецкая

КОНСТИТУЕНТЫ ФСП "СВЕТ" И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РОМАНЕ
В.В. НАБОКОВА "The Real Life of Sebastian Knight" 99

Е.В. Марков

СТАНОВЛЕНИЯ ТА РОЗВИТОК ПОШИРЕНИХ ЧАСОВИХ ФОРМ
НЕПЕРФЕКТНОГО РОЗРЯДУ В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ 107

М.Д. Маринашвили

О КОММУНИКАТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ХАРАКТЕРИЗАТОРОВ ПРОЦЕССА
В ОРИГИНАЛЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИИ В ПЕРЕВОДЕ 117

И.Б. Морозова, Л.С. Ткаченко

СОЦИАЛЬНО-СИТУАТИВНА ВАРІАТИВНОСТЬ ВИКОРИСТАННЯ
МЕТАКОММУНИКАТИВНИХ ВИСКАЗУВАНЬ В СУЧАСНОМУ
АНГЛІЙСЬКОМУ ЯЗЫКЕ 127

И.В. Пересада

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОДНОСЛОЖНОГО
СЛОВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале древне- и средневерхненемецких текстов) 136

Н.В. Петлюченко

МЕТОДЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ
В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 147

Е.А. Рулёва

ТИПОЛОГИЯ ДЕТСКИХ НОМИНАЦИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ, ГРЕЧЕСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ 160

О.А. Степаненко

СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗУЮЩАЯ РОЛЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В ДИАЛОГЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕТЕКТИВА 172

Н.В. Степанюк

СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОКОДОВЫХ СООБЩЕНИЙ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ 180

И.В. Удовенко

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИЗНАКА 191

А.Н. Чумаков

РОЛЬ ТЕКСТА В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА 202

О.О. Kalinyuk

ELEMENTS OF STYLE IN SCIENCE FICTION 211

V.A. Zhuk

COMPARATIVE ANALYSIS IN PHONOLOGICAL,
SPELLING AND VOCABULARY SYSTEMS IN OLD
ENGLISH AND MODERN ENGLISH 219

**ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ**

Випуск 9

3 32 Записки з романо-германської філології /Ред. І.М.Колегасва. Одеський національний університет ім.І.І.Мечникова: факультет романо-германської філології. Випуск 9. – Одеса: Латстар, 2001. – 228 с.

ISBN 966-7553-72-8

Редактор

Т.Р.Короткий

Технический редактор

М.К.Климова

Сдано в набор 21.03.2001. Подписано в печать 9.05.2001.

Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 13.24. Уч.-изд.л. 10,75.

МП ЛАТСТАР, 270059, г.Одесса, а/я 424, тел. (0482) 250-444..